

**ІНСТИТУТ МОВОЗНАВСТВА ім. О.О. ПОТЕБНІ
НАЦІОНАЛЬНОЇ АКАДЕМІЇ НАУК УКРАЇНИ**

НАУКОВА СПАДЩИНА О.О. ПОТЕБНІ

У СЛОВ'ЯНСЬКОМУ КУЛЬТУРНОМУ ПРОСТОРИ

Збірник наукових праць

**Видавничий Дім Дмитра Бураго
Київ – 2013**

УДК 929(477)Потебня
ББК 63.3(4Укр)1-8Потебня
Н 34

Рецензенти:

О.В. Прискока, П.О. Селігей

Редакційна колегія:

В.М. Бріцин, В.В. Жайворонок,
Т.В. Зарубенко (відповідальний секретар), *Т.Б. Лукінова,*
В.В. Лучик, Н.Г. Озерова, Г.П. Півторак, І.А. Синиця,
В.Г. Склярєнко, В.Ю. Франчук (відповідальний редактор)

Друкується за рішенням вченої ради Інституту мовознавства
ім. О.О. Потебні НАН України

Н 34 Наукова спадщина О.О. Потебні у слов'янському культурному просторі: Зб. наук. праць. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – 280 с.
ISBN 978-966-489-198-8

За тематичним діапазоном і за своїм змістом уміщені в збірнику статті висвітлюють ті сторони наукової спадщини О.О. Потебні, які недостатньо вивчені в українській та світовій науці і, крім того, є актуальними для сьогодення філології взагалі і мовознавства зокрема. Матеріали збірника становлять безперечний інтерес не лише для тих, хто цікавиться історією філологічної науки в Україні, а й для тих, хто працює для розвитку цієї науки.

УДК 929(477)Потебня
ББК 63.3(4Укр)1-8Потебня

ISBN 978-966-489-198-8 © Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні
НАН України, 2013
© Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013

*До 180-річчя з дня народження
Олександра Опанасовича Потебні*

Наукова діяльність Олександра Опанасовича Потебні відіграла винятково важливу роль у розвитку слов'янської філології та світової науки загалом. Учений відкрив своїми працями з мовознавства, літературознавства, фольклору та етнографії цілу епоху в гуманітарній науці, набагато випередивши свій час. Тому доля його спадщини склалася своєрідно: її вплив на тогочасний стан наукових досліджень був далеко неадекватний безперечній вагомості та значущості ідей ученого. Праці О.О. Потебні більшою мірою належали майбутньому. Понад сто років тому вчений поставив перед наукою такі завдання, відповіді на які стає можливим лише тепер. Він є першим філософом мови у славистиці. Його дослідження, що ґрунтуються на глибокому усвідомленні зв'язку мови й думки, розкривають етапи розвитку людського мислення у фактах мовної еволюції. Однак ідеї, подані О.О. Потебнею, були розроблені значно пізніше. Вони стали об'єктом обговорення й наукових дискусій в наші дні. Російський філолог В.В. Виноградов свого часу зазначав: «Лінгвістична спадщина Потебні становить величезну цінність. У розвитку мовознавства ця спадщина матиме видатну роль. Наше завдання – вивчити і критично засвоїти багатющий матеріал, поданий у працях чудового лінгвіста О.О. Потебні».

Широка за проблематикою й неповторна за своєрідністю й глибиною розробки наукова спадщина О.О. Потебні є джерелом плідних ідей і наукових концепцій сучасної філології. Зважаючи на прогностичний характер ряду ідей О.О. Потебні, усе нагальнішою стає потреба концептуалізації його текстів, їх нового – на рівні досягнень сучасної філології – прочитання.

Г.П. Півторак
(Київ)

**ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ ПРАЦЬ
О.О. ПОТЕБНІ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ
(на матеріалі «Из лекций по теории словесности»)**

Праці видатного українського мовознавця, літературознавця, фольклориста, етнографа, філософа, педагога й громадського діяча О.О. Потебні не тільки глибокі й науково переконливі, – значна їх частина випереджала свій час і була належно поцінована лише наступними поколіннями. Тому вони не підвладні часові, не старіють, а залишаються актуальними й сьогодні як в Україні, так і в Росії, Білорусі та інших слов'янських і неслов'янських країнах. На О.О. Потебню посилаються, охоче його цитують, розвивають його ідеї на тлі нинішніх здобутків загального, порівняльно-історичного мовознавства, фольклористики, теорії літератури тощо. Проте цілком закономірно, що О.О. Потебня найбільше популярний на своїй батьківщині, тобто тут, в Україні. Але, як це не дивно, українською мовою його твори майже не перекладалися. Постає питання: а чи варто взагалі їх перекладати, ризикуючи припуститися при цьому неточностей у відображенні ходу творчої думки мислителя та в неадекватності в доборі термінології тощо?

Відповідь однозначна: перекладати треба, принаймні, з двох причин. По-перше, О.О. Потебня – це великий українець, який добре володів і послуговувався рідною мовою, відстоював право української мови на її літературно-писемну форму, і лише тодішні політичні реалії змушували вченого, як і всіх інших, користувати-

ся в науковій та педагогічній праці російською мовою. По-друге, численні українські дослідники різних поколінь, посилаючись на О.О. Потебню, цитують його твори у власному перекладі, через що ті самі цитати в різних працях іноді справляють враження належності їх різним авторам. Отже, українській філологічній науці потрібні не аматорські, а академічні переклади творів О. Потебні, і це має стати невідкладним завданням сучасних українських філологів.

На цей час маємо лише переклад українською мовою невеликої праці О.О. Потебні «Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка» 1930 року. Ця праця видатного вченого являє собою майже стенографічний запис десяти лекцій невеликого приватного курсу з літературознавства, який він прочитав у себе вдома на прохання групи вчительок-філологів. З огляду на специфіку контингенту цих слухачок О.О. Потебня говорив значно простіше й доступніше, ніж на лекціях в університеті та писав у своїх друкованих працях. Можливо, саме це й привабило перших перекладачів його творів. Найповніший запис цих лекцій однієї зі слухачок О.О. Потебня переглянув з олівцем у руках і зробив деякі незначні виправлення.

Перше видання цієї праці вийшло в Харкові 1894 р.¹ і мало багато прихильних рецензій як у Росії, так і за кордоном і швидко розійшлося. Друге видання (Харків, 1914 р.) було стереотипним, тобто точним передруком першого. Воно також швидко стало бібліографічною рідкістю, а попит на цю працю був досить великий.

Після революційних подій, уже в 20-х роках минулого століття, постало питання про 3-тє видання цих лекцій. У той час у тодішній столиці УСРР – м. Харкові при Наркоматі освіти і Всеукраїнській академії наук було створено так званий «Редакційний комітет для видання творів О.О. Потебні», положення про який було затверджено 16 вересня 1920 р. Але він так і не спромігся на якийсь конкретний результат, і невдовзі був реорганізований у значно скромнішу «Потебнянську комісію» з тим самим завдан-

¹ Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков, 1894. – 162 с.

ням. Ця комісія звернула увагу тодішнього Державного видавництва України на необхідність перевидати працю О.О. Потебні «Из лекций по теории словесности». Держвидав України поставився до цього з розумінням і запропонував якнайшвидше підготувати до друку третє видання цієї праці російською мовою разом з четвертим (перекладом третього) українською мовою.

Переклад зазначеної праці українською мовою зробили співробітник Центральних державних курсів українознавства А.Т. Диких (1–5-та лекції) та співробітник редакції газети «Вісті» М.М. Оглоблін (6–10-та лекції). Праця вийшла в Державному видавництві України 1930 р. за редакцією професора О.В. Ветухова та Ф.Ю. Зелінського. Вступну статтю до неї написав тоді ще молодий, 30-річний мовознавець О.М. Фінкель.

Значно пізніше, у 80-х роках минулого століття, фрагменти кількох праць О.О. Потебні, зокрема й «Из лекций по теории словесности», переклала кандидат філософських наук А.І. Колодна².

Отже, різниця між цими виданнями становить аж 55 років, і щоб виявити прогрес чи регрес у перекладацькій практиці взагалі й творів О.О. Потебні зокрема, варто хоч би коротко порівняти між собою ці два переклади.

Перекладачі видання 1930 р. були не зовсім випадкові люди, але й не досвідчені мовознавці, а, як зазначено в передмові «Від редакторів», «піонери в цій галузі». З цієї самої передмови довідуємося, що обидва перекладачі спочатку ознайомилися з самою книжкою й домовилися щодо основних термінів, щоб уникнути різнобою. У ході роботи вони голосно читали редакторам свій переклад, а ті уважно стежили за оригінальним російським текстом О.О. Потебні, зупиняючись і обговорюючи всі деталі щодо адекватності перекладу. У разі непорозумінь редактори зверталися за порадами до відомого українського мовознавця Б.Д. Ткаченка, який охоче їм допомагав. Однак редактори усвідомлювали недосконалість цього першого перекладу й просили майбутніх читачів відзначати помічені недоліки, щоб уникнути їх у подальшій роботі.

² Див.: Потебня Олександр. Естетика і поетика слова: Збірник. – К., 1985. – С. 245-264.

Слід відзначити, що перекладачі й редактори в ряді випадків зуміли знайти цілком адекватні українські відповідники потєбнянській лексиці та граматичним конструкціям, які є нормативними і в сучасній літературній мові. Зокрема, вони послідовно перекладають: *празднословие* (с. 4) – *пустомовність* (с. 27), *точка зрения* (с. 1, 6, 55) – *погляд* (с. 26, 28, 55 та ін.), (а не «точка зору», як це часто трапляється в сучасних перекладачах), *все равно* (с. 4) – *однаково* (с. 27), (а не «все рівно»), *все подобные вопросы могут подлежать научному исследованию* (с. 38) – *усі такі питання можна науково досліджувати* (с. 45), (а не «підлягають науковому дослідженню»), *в сказках встречаются и такие случаи...* (с. 110) – *в казках натрапляємо і на такі випадки...* (с. 82), (а не «зустрічаються й такі випадки»), *постоянно* (с. 2) – *раз у раз* (с. 26), (а не «постійно»), *сплошь и рядом* (с. 54) – *скрізь і всюди* (с. 54), *желая получить чужое* (с. 56) – *зазіхаючи на чуже* (с. 55), (а не «бажаючи одержати чуже»), *делает ошибки* (с. 17) – *помилятися* (с. 34), (а не «робити помилки») і т. ін.

Є й деякі інші позитивні моменти в перекладі 1930 р. Так, наприклад, в одному місці перекладачі «підправили» О.О. Потєбню, який не точно назвав книжку Кєневича «Примечания к басням Крылова» (с. 57), хоч насправді вона має назву «Библиографические и биографические примечания к басням Крылова» (с. 56). Вважаємо слухним і ще одне доповнення О.О. Потєбні. Наприкінці 7-ї лекції він пише: «На вопрос, что такое поэзия, я старался дать сухой прозаический ответ, определяя ее как особый род деятельности человеческой мысли. Белинский, которому нельзя отказать в способности философски мыслить, отвечает на тот же вопрос поэтически (см. VIII том Полного собрания сочинений)» – і на цьому думка уривається, а хотілося б знати, *що саме* сказав В.Г. Белінський про поезію. І перекладач на завершення цієї лекції наводить слова Белінського російською мовою (с. 90): «Поэзия – это невинная улыбка младенца, его ясный взор, его звонкий смех и живая радость... Поэзия – это стыдливый румянец на ланитах прекрасной девушки... Поэзия – это огненный взор юноши, кипящего избытком сил... Поэзия – это сосредоточенная, овладевшая

собою сила мужа... Поэзия – это тихий блеск бесцветных глаз старца (*Белинский*. Стихотворения Лермонтова. СПб, 1840)».

Мабуть, правильно зробили перекладачі й редактори, коли в 3-й лекції наведена Потєбнею байку Лафонтена лише французькою мовою (с. 45–46) вони після французького тексту подали петитом і її переклад українською мовою (с. 50).

Оцінюючи ж переклад цієї праці О.О. Потєбні в цілому, слід мати на увазі, що він був зроблений тогочасною українською літературною мовою, нормативні правила якої досить відрізнялися від сучасних, через що на сучасного читача подекуди справляє враження невправного й не зовсім грамотного. Крім того, слід узяти до уваги й тогочасну мовну ситуацію в Україні. Це був ще час мовної неусталеності й дублетів, мовного пуризму, індивідуальних уподобань, орієнтації на зовсім різні авторитети й суб'єктивного розуміння можливого й обов'язкового, правильного й неприйнятнього. Новий правопис 1927 р. тільки-но почав діяти (з 1929 р.) і до нього ще не встигли звикнути, та й не все в ньому було однозначним.

Тодішні мовні авторитети – Олена Курило, Сергій Смеречинський, Олекса Синявський, Микола Сулима, Євген Тимченко, Микола Гладкий та інші працівники Інституту української наукової мови Всеукраїнської академії наук категорично обстоювали у своїх працях методологічні засади й позиції стосовно нормування української граматики, особливо синтаксису, які пізніші історики українського радянського мовознавства називали «архаїзаторськими настановами», «відрубно-архаїзаторськими позиціями»³. Вважалося, наприклад, що українська мова не знає займенників *котрий, який* у функції відносних сполучників складнопідрядних речень (їх пропонували замінювати єдино можливими конструкціями з відносною часткою *що*), заперечувалася можливість уживання орудного відмінка на означення дійової особи у пасивних зворотах, які вимагали замінювати активними зворотами або ж ставити назву дійової особи у формі родового відмінка з приймен-

³ Пор., наприклад: Жовтобрюх М.А. Нарис історії українського радянського мовознавства (1918–1941). – К., 1991. – С. 88–98.

ником *від*: Наприклад, конструкцію *зłodій забитий міліціонером* досить слушно вважали не властивою українській мові, рекомендували активний зворот *зłodія забив міліціонер*, що цілком правильно, проте інший варіант – *зłodій забитий від міліціонера* нині абсолютно неприйнятний.

Досить дивними з сучасного погляду були й деякі настанови щодо слововживання та словотвору. Але всі вони в той час вважалися прогресивними й активно використовувалися в тогочасній мовній практиці. Цілком зрозуміло, що ними керувалися й перекладачі праці О.О. Потебні «З лекцій теорії словесності». Як наслідок, переклад 1930 р. рясніє, з погляду сучасного читача, різними неокоривностями, серед яких найтипівішими можна назвати такі:

1. Вживання родового відмінка замість давального та знахідного в додатках-іменниках та займенниках (тут і далі наводимо лише найхарактерніші приклади):

в О.О. Потебні:	у перекладі:
<i>Это не значит, что поэтическое произведение не может изображать один момент</i> (с. 13)	<i>Це не значить, що поетичний твір не може зображати одного моменту</i> (с. 32)
<i>...существование теории, которая отводит поэзии совершенно второстепенное место</i> (с. 39)	<i>...[наявність теорій], що надають поезії цілком другорядного місця</i> (с. 46)
<i>Федр постоянно употребляет выражения...</i> (с.59)	<i>Федр завжди уживає виразів...</i> (с. 57)
<i>...употребляя то же самое переносное выражение</i> (с.98)	<i>вживаючи того самого переносного виразу</i> (с. 77)
<i>здесь нужно употребить некоторое усилие</i> (с. 138)	<i>тут треба вжити якогось зусилля</i> (с.97)
<i>баснописець прибегает к тому и другому способу вместе</i> (с. 41)	<i>байкар уживає того й іншого способу разом</i> (с. 47)

2. Послідовне уникання орудного відмінка іменників на позначення діючої особи, а під впливом цього – і в деяких інших випадках:

в О.О. Потебні:	у перекладі:
<i>форма мысли рассматривается людьми...</i> (с. 8)	<i>форма думки розглядається від людей</i> (с.29)
<i>...сам Иофам признал наследственную власть для Израильтян вредной</i> (с. 6)	<i>...сам Иофам визнав спадкоємну владу для Ізраїльтян за шкідну</i> (с. 28)
<i>...способность ея [басни]быть постоянным сказуемым к переменчивым подлежащим</i> (с. 12)	<i>...здатність її [байки]бути за постійного присудка до перемінного підмету</i> (с. 32)
<i>если бы человеческой мыслью было только то, что...</i> (с. 127)	<i>коли б за людську мисль було тільки те, що...</i> (с. 91)

3. Невдалі переклади окремих фраз і виразів:

в О.О. Потебні:	у перекладі 1930 р.	правильно:
<i>уничтожение этого предрассудка</i> (с. 3)	<i>повалення цього забобону</i> (с. 27)	<i>ліквідація цього забобону</i>
<i>там, где дело идет о вещах...</i> (с.4)	<i>там, де мова мовиться про речі...</i> (с. 3)	<i>там, де йдеться про речі...</i>
<i>это было бы неправильно</i> (с. 5)	<i>це було б не вірно</i> (с. 28)	<i>це було б неправильно</i>
<i>...не включает в себе ничего переносного</i> (с. 10)	<i>...не має в собі нічого перенесеного</i> (с. 30)	<i>...не має в собі нічого переносного</i>
<i>до зрелого возраста</i> (с. 29)	<i>до дійшлого віку</i> (с. 41)	<i>до зрілого віку</i>
<i>находиться во взаимодействии</i> (с.39)	<i>перебувати у взаємочині</i> (с. 46)	<i>перебувати у взаємодії</i>
<i>небольшое отступление</i> (с. 48)	<i>невеликий відбіг</i> (с. 51)	<i>невеликий відступ</i>
<i>Геродот приписал эту басню Киру</i> (с.53)	<i>Геродот накинунв цю басню Кірові</i> (с. 54)	<i>Геродот приписав цю байку Кірові</i>
<i>быть уместным</i> (с. 56)	<i>бути влучним</i> (с 55)	<i>бути доречним</i>
<i>предположение плоскости</i> (с. 67)	<i>припущення площі</i> (с. 61)	<i>припущення площини</i>
<i>если мы найдем, что эта басня хороша...</i> (с. 69)	<i>коли ми покладемо, що ця байка непогана...</i> (62)	<i>якщо ми визнаємо, що ця байка добра...</i>

<i>однородные факты</i> (с. 75)	<i>одноцільні факти</i> (с. 65)	<i>однорідні факти</i>
<i>замедляют</i> действие (с. 81)	<i>загаювати</i> чинність (с. 68)	<i>уповільнювати</i> дію
я уже <i>старался</i> показать (с. 96)	я вже <i>спитувався</i> показати (с. 75)	я вже <i>намагався</i> показати
<i>обнять мыслью</i> возможно большее количество явлений и их отношений (с.98)	<i>поняти думкою</i> по зможі більше число явищ і їхніх відношень (с. 76)	<i>осягнути думкою</i> якомога більше число явищ та їх відношень
<i>проникнуть</i> в прошедшее слова (с. 122)	<i>прозирнути</i> в минуле слова (с. 88)	<i>збагнути</i> минуле слова
Человеческая личность есть <i>нечто</i> замкнутое, недоступное для другого (с. 127, 128)	Людська особа є <i>дещо</i> замкнене, недоступне для іншого (с. 91, 93)	Людська особа є <i>щось</i> замкнене, недоступне для іншого

Логічно було б сподіватися, що в перекладених через понад півстоліття уривках з цієї праці філософ А.І. Колодна усунула всі такі недоречності, і її переклад цілком відповідає сучасним нормам літературної мови. Справді, перекладачка 1985 р. зробила щодо цього помітний крок уперед. Зокрема, вона послідовно ліквідувала перекося в дієслівному керуванні, у відмінках іменників у ролі додатків, як, наприклад, *користуватися (чим?), а не (з чого?)*: *незадоволення поета своїм образом* (с. 264), а не *зі своїх образів* (с. 109) і т. ін.

А.І. Колодна адекватніше підбрала відповідники до багатьох лексем і словосполучень, які в перекладі 1930 р. нині сприймаються як не точні або й недоречні:

у перекладі 1930 р.	у перекладі 1985 р.
<i>людськість</i> (с. 52)	<i>людство</i> (с. 247)
<i>язык</i> (с. 52)	<i>мова</i> (с. 247)
<i>прикладання байки</i> (с. 52)	<i>застосування байки</i> (с. 247)

<i>мисль</i> (с. 91)	<i>думка</i> (с. 252)
<i>з'явлення</i> (с. 95)	<i>поява</i> (с. 256)
<i>поправно</i> (с.95)	<i>правильно</i> (с. 257)
<i>громадські відносини</i> (с. 102)	<i>суспільні відносини</i> (с. 260)
<i>упертість мислі</i> (с. 106)	<i>наполегливість думки</i> (с. 262)
<i>ремесство</i> (с.192)	<i>ремесло</i> (с. 261) і т ін.

Разом з тим слід відзначити, що, незважаючи на низку позитивних особливостей цього перекладу, його не можна вважати не тільки ідеальним, а й навіть задовільним. У багатьох випадках він виявився навіть помітним кроком назад, бо переклад деяких лексем і словосполучень у ньому гірший, ніж у перекладі 1930 р. Наведемо деякі приклади:

в О.О. Потебні	у перекладі 1930 р.	у перекладі 1985 р.
<i>частный рассказ</i> (с. 16)	<i>поодинокі оповідання</i> (с. 47)	<i>часткове оповідання</i> (с. 245)
<i>при накоплении подобных образов</i> (с. 41)	<i>за нагромадження аналогічних образів</i> (с. 47)	<i>за накоплення аналогічних образів</i> (с. 245)
<i>общее положение</i> (с. 41)	<i>загальне твердження</i> (с.47)	<i>загальне положення</i> (с. 245)
<i>частный житейский случай</i> (с. 46)	<i>окремий життєвий випадок</i> (с. 50), <i>поодинокий випадок</i> (с. 51)	<i>частковий життєвий випадок</i> (с. 246)
<i>действительный случай</i> (с. 50)	<i>справжній випадок</i> (с. 52)	<i>дійсний випадок</i> (с. 246)
<i>выразить мысль</i> (с. 47)	<i>висловити думку</i> (с. 50)	<i>виразити думку</i> (с. 246)
<i>нравоучение</i> (с. 47)	<i>повчання</i> (с. 47)	<i>напучення</i> (с. 246)
<i>...слова, которые значат приблизительно одно и то же</i> (с. 47)	<i>...слова, що означають приблизно те саме</i> (с. 50)	<i>...слова, що означають одне й те саме</i> (с. 246)
<i>пришлось бы</i> (с. 50)	<i>довелося б</i> (с. 52)	<i>прийшлося б</i> (с. 247)

<i>точка зрения</i> (с. 50)	<i>погляд</i> (с. 52)	<i>точка зору</i> (с. 247)
<i>до такого обобщения слушателям дела нет</i> (с. 52)	<i>до такого узагальнення слухачам бай-дуже</i> (с. 53)	<i>до такого узагальнення слухачам справи немає</i> (с. 248)
<i>если допустить такой случай</i> (с. 54)	<i>коли припустити такий випадок</i> (с. 54)	<i>коли допустити такий випадок</i> (с. 249)
<i>нравственное положение</i> (с. 54)	<i>моральне твердження</i> (с. 54)	<i>моральне положення</i> (с. 249)
<i>но это будет другое дело</i> (с. 54)	<i>але це буде інше</i> (с. 54)	<i>але це буде інша справа</i> (с. 249)
<i>в собственном воспоминании</i> (с. 81)	<i>у своєму спогаді</i> (с. 68)	<i>у власному спогаді</i> (с. 249)
<i>... в течение короткого времени</i> (с. 82)	<i>за короткий час</i> (с. 68)	<i>протягом короткого часу</i> (с. 249)
<i>действующие лица</i> (с. 91)	<i>дійові особи</i> (с. 73)	<i>дійочі особи</i> (с. 250)
<i>во всяком случае, это явление в высшей степени таинственное</i> (с. 127)	<i>у всякому разі, це явище надзвичайно таємниче</i> (с. 91)	<i>в усякому випадку, це явище надзвичайно таємниче</i> (с. 253)
<i>поэтическое произведение</i> (с. 135)	<i>поетичний твір</i> (с. 96)	<i>художній твір</i> (с. 257)
<i>неотложная нужда</i> (с. 147)	<i>невідкладна потреба</i> (с.102)	<i>невідкладна нужда</i> (с. 261)
<i>ряд ответов на один и тот же вопрос</i> (с. 153)	<i>ряд відповідей на те саме питання</i> (с. 105)	<i>низка відповідей на одне й те саме питання</i> (с. 262) і т. ін.

У деяких випадках переклад слів і словосполучень невдалий в обох виданнях, як, наприклад:

в О.О. Потєбні	у перекладі 1930 р.	у перекладі 1985 р.	правильно
<i>совершенно верная мысль</i> (с. 127)	<i>цілком справедлива думка</i> (с. 91)	<i>цілком вірна думка</i> (с. 253)	<i>цілком правильна думка</i>

<i>Мои впечатления вполне индивидуальны, принадлежат мне одному</i> (с. 128)	<i>Мої враження цілком індивідуальні, належать мені самому</i> (с. 92)	<i>Мої враження цілком індивідуальні, належать мені одному</i> (с. 253)	<i>Мої враження цілком індивідуальні, належать тільки мені</i>
<i>Комбинации этих впечатлений получаются различные</i> (с. 128)	<i>Комбінації цих вражень будуть різні</i> (с. 92)	<i>Комбінації цих вражень одержуються різні</i> (с. 253)	<i>Комбінації цих вражень виходять різні</i>
<i>Человек... имеет возможность... подвергать обработке эту мысль</i> (с. 133)	<i>Людина... має змогу... обробляти цю думку</i> (с. 94)	<i>Людина... має можливість... надавати обробці цю думку</i> (с. 94)	<i>Людина... має змогу... обробляти цю думку</i> (с. 94)
<i>если речь идет о самопознании...</i> (с. 160)	<i>коли мова мовиться про самопізнання...</i> (с. 109)	<i>коли мова йде про самопізнання...</i> (с. 263)	<i>коли йдеться про самопізнання...</i>

У перекладі 1930 р. абсолютно зігноровано правила чергування у – в, і – й, а в перекладі 1985 р. впадає в око засилля іменників на –ння: *вирішення, вказання, розв'язання* і т. ін., значне число канцеляризмів, помітний буквалізм перекладу, невластиві українській мові конструкції та синтаксичні звороти тощо.

З усього сказаного впливає логічний висновок: О.О. Потебня ще чекає на своїх перекладачів, і це мають бути не філософи, не літературознавці, не етнологи, не фольклористи, а таки лінгвісти, які добре орієнтуються в досліджуваних О.О. Потебнею проблемах, досконало володіють науковим стилем і мають тонке мовне чуття. І тут ми покладаємо великі надії на талановиту молодь, сподіваючись, що це буде їй під силу.

Т.В. Зарубенко
(Київ)

УКРАЇНСЬКА МОВА О.О. ПОТЕБНІ В ПЕРЕКЛАДІ «ОДІСSEЇ»

Складні слова у слов'янських мовах вивчаються досить давно¹. Але дослідники не приділяють належної уваги функціонуванню композитів у творах, перекладених із давньогрецької мови.

Складні слова мають тривалу традицію функціонування у текстах старослов'янської, церковнослов'янської та давньоруської мов. У давньоруській мові XI–XII ст. кальки поширилися внаслідок перекладів грецьких текстів. Нерідко перекладачі передавали зміст складних грецьких лексем двома–трьома словами. У тих випадках, коли не було можливості відшукати давньоруський відповідник через стилістичні чи ритмічні особливості, книжники залишали кальки з грецької мови². Вони також широко вживалися у

¹ Виноградов В.В. Словосложение имен существительных. Словосложение имен прилагательных // Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. – М., 1952. – С. 273–277, 365–368; Василевская Е.А. Словосложение в русском языке. – М., 1962. – 132 с.; Клименко Н.Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. – К., 1984. – 252 с.; Демянюк А.А. Композити в староукраїнській літературній мові кінця XVI–XVII ст.: структурно-семантичний і функціонально-стилістичний аспекти (на матеріалі поетичних текстів) : автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2004.; Ольховская Е.С. Сложные слова в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» : дис. ... канд. філол. наук. – Ростов-на-Дону, 2012.

² Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. – М., 1990. – С. 81; Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М., 1975. – С. 247.

книжній традиції XVI–XVII ст., особливо в конфесійній, полемічній, перекладній та художній літературі. В українській мові складні слова утворюються з двох або кількох слів, основ чи коренів, об'єднаних в одну лексичну одиницю, яка має формально-граматичні й семантичні ознаки окремого слова. Вони становлять досить численну групу. Частина складних слів утворена за існуючими моделями, що постали вже на ґрунті української літературної мови. Проте, як вважають дослідники, зокрема Є.І. Василевська, Л.В. Вялкіна, І.Г. Галенко, А.А. Дем'янюк, вплив грецької мови на поширення складних слів у східнослов'янських мовах не варто перебільшувати. Утворювати їх на слов'янському ґрунті перекладачі могли лише тоді, коли існувала відповідна лексико-семантична структура у східнослов'янській мові, що репрезентувала певну схему або модель її формування. У складі таких слів, що входять до і лексичного фонду сучасної української літературної мови, на переконання дослідників, поєднано кілька за походженням різних потоків: народно-розмовний, писемно-руський, старослов'янський, церковнослов'янський та західноєвропейський, який багато в чому має греко-латинську основу³. Ці слова, проте, цілком підпадають лінгвістичним законам творення мовних одиниць у східнослов'янських мовах.

Лінгвісти звертають увагу на те, що єдність складників багатоконтактних слів забезпечує сурядний або підрядний зв'язок. Взагалі кількість слів із сурядним зв'язком у мові незначна, а в досліджуваному перекладі нами зафіксовано тільки 2 мовні одиниці: іменник *панотець* та прикметник *злощасний*.

Більшість складних слів в українському перекладі утворені за допомогою підрядного зв'язку між їхніми компонентами на основі узгодження (*суходіл, білорукий*), керування (*винотийця, хлібородна*) і прилягання (*далековлучний, дорогоцінний*)⁴. Підрядні взаємовідношення між компонентами складних слів поглиблюються семантичними зв'язками, які вказують на певні смислові відно-

³ Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981. – С. 57.

⁴ Дем'янюк А.А. Композити в староукраїнській літературній мові кінця XVI–XVII ст. – С. 7.

шення, зокрема об'єктні (*душогуб, стріловержець, богоподобний*), атрибутивні (*частокол, чужеземець, великодушний*) і адвербіальні (*добрезбудований, крутобескедний, многоумний*).

Роботу над перекладом «Одіссеї» Гомера О.О. Потєбня розпочав у 80-тих роках XIX ст. Він ретельно готується до цієї праці. Учений, як зазначає О.О. Русов, перечитав «Одіссею» в оригіналі та перекладах різними слов'янськими мовами⁵, а також зробив близько 2,5 тисяч виписок слів з різних джерел: історичних – літописів Іпатіївського та Самовидця, актів XVI–XVII ст.; творів нових письменників – І.П. Котляревського, Г.Ф. Квітки-Основ'яненка, П.П. Гулака-Артемівського, Є.П. Гребінки, П.О. Куліша, Марка Вовчка, Л.І. Глібова, І.І. Манджури; фольклорних збірок П.П. Чубинського, Я.Ф. Головацького, А.Л. Метлинського, М.Т. Номіса та ін. О.О. Потєбня мав намір довести, що класичну епічну давньогрецьку поему можливо перекласти українською мовою, не вдаючись до трагедійного чи вільного перекладу. У сучасному перекладознавстві засвоєння епосу Гомера на українському ґрунті визначається ступенем наближення до оригіналу: переспів (С.В. Руданський «Іліада»), вільний переклад (П.І. Ніщинський «Одіссея»), переклад (Борис Тен «Одіссея», «Іліада») ⁶.

Тоді ж, коли О.О. Потєбня збирав матеріал для своєї «Одіссеї», поему перекладав П.І. Ніщинський. Його переклад «Одіссеї», на погляд П.А. Содомори, є «вільним перекладом із внесенням елементів української мови та культури» ⁷.

Інший підхід до перекладу обирає О.О. Потєбня. На відміну від відомих трагедійних та вільних перекладів і переспівів в «Одіссеї» ученого лексика в основному нейтральна. Небагато в тексті використано церковнослов'язизмів, русизмів та діалектизмів. Учений також мало вживає новотвори. Однак, на думку Ю.В. Шевельова, це не стосується окремої групи лексики –

⁵ Русов А. Отрывки из перевода Одиссеи // Потєбня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. – С. 539.

⁶ Содомора П.А. Побутові реалії Гомерової «Одіссеї» у перекладі (на матеріалі українських перекладів поеми) : автореф. дис. ... канд. філол. – К., 2004. – С. 15.

⁷ Там же. – С. 18.

складних іменників і прикметників. Вони в перекладі переважно є кальками грецьких слів⁸. Дослідник перекладів епосу Гомера П.А. Содомора вважає, що метод калькування доволі ефективний для відтворення етномовного компонента реалій оригіналу і використовується перекладачами для передання українською мовою складних лексем грецького тексту⁹.

У перекладі «Одіссеї» О.О. Потебня вживає як складні іменники, так і прикметники. В українському тексті нами виявлено 41 прикметник і 22 іменники. За спостереженнями Ю.В. Шевельова, який дослідив 300 рядків перекладу поеми, кількість складних прикметників становить 22 в українському тексті і 24 в грецькому¹⁰. Це свідчить, на його погляд, про намагання перекладача якнайточніше передати колорит оригінальної грецької поеми засобами української мови.

Складні іменники у перекладі О.О. Потебні утворені за усталеними в сучасній українській мові моделями. Так, модель «іменник + іменник» представлена словом – **панотець**. У досліджуваному тексті «Одіссеї» ця лексема вживається тричі: один раз у формі називного відмінка однини й двічі – у формі звертання: *Прошу, коли чесний мій панотець Одиссей може часом Словом чи ділом тобі обіщавшись та став у пригоді* (III-98); *А ну лишень, гостю паноче, і ти (з нами) сили попробуй* (VIII-145); *Здоров бувай, гостю паноче* (VIII-405). У перекладі Бориса Тена, який сьогодні вважається «академічним»¹¹, це слово передається словосполученням: *Щиро благаю: якщо Одиссей, мій отець благородний, Виконав слово яке, тобі обіщавши, чи діло* (III-98 Тен) та як іменникова прикладка: *Батечко-гостю, чи й ти не вступив би із нами в змагання* (VIII-145 Тен); *Щастен будь, батьку-чужинче* (VIII-405 Тен).

Модель «іменник + дієслівна основа + суфікс *-ця/-ець*» найчисельніша у тексті перекладу українського вченого. Вона репрезентована дев'ятьма іменниками: **Аргоубійця, берлодер-**

⁸ Шевельов Ю. О. О. Потебня і стандарт української літературної мови // Мовознавство. – 1992. – № 3. – С. 63.

⁹ Содомора П. А. Побутові реалії Гомерової «Одіссеї» у перекладі. – С. 10.

¹⁰ Шевельов Ю. Потебня і стандарт української літературної мови. – С. 62.

¹¹ Содомора П. А. Побутові реалії Гомерової «Одіссеї» у перекладі. – С. 12.

жець, веслолюбець, винопийця, городоборець, громолюбець, земледержець, мужогубець, эгидодержавець. А. Даниленко у своїй статті про переклад «Одіссеї» висунув припущення, що форми **земледержець, громолюбець** О.О. Потебня вживав часто, тому що їх фінальна частина *-ець* уподібнювалася давнішому східнослов'янському «атрибутивному суфіксу» *-ець (< -ьць)*¹². До цієї ж групи входять ще два іменники, які мають інші суфікси – *ств(о)*: **мореходство** і нульовий **душогуб**.

Складний іменник **берлодержець** у формі називного відмінку множини в «Одіссеї» О.О. Потебня вживає двічі: *Се ж молодцям поручаю, а ви усі інші, Берлодержці, князі ходіте до мого дому Красного й будемо люб'язно гостя вь палатах приймати* (VIII-40); *Так сказавши, перед повів, за ним берлодержці Услід* (VIII-46-47). Натомість Борис Тен для грецької лексеми у перекладі послуговується різними частинами мови – прикметником: *А ви, берлоносні державці, Разом усі до мого приходьте прегарного дому* (VIII-40 Тен); іменником: *Мовивши це, він пішов уперед, а за ним поспішили Всі берловладці* (VIII-46-47 Тен). Варто зазначити, що нерідко ті складні слова, для яких О.О. Потебня використовує іменниковий відповідник, Борис Тен перекладає відповідником прикметниковим, хоча значення частин, з яких складаються ці композити цілком збігається. Відрізняє їх оформлення закінчення, відповідно іменникове і прикметникове. **Весло** «Дерев'яна з лопаттю на кінці довга жердина, за допомогою якої переміщують човен, гребне судно». **Любити** «Мати інтерес, потяг до чого-небудь». Пор. переклад О.О. Потебні – *Й зараз до веслолюбців Феаків став такь промовляти* (VIII-96); *Зараз він тут до Феаків веслолюбців промовив* (VIII-535) і переклад Бориса Тена – *До веслолюбних феаків одразу ж тоді він озвався* (VIII-96, 535 Тен).

Лексема **винопийця**, яку вживає О.О. Потебня, зафіксована у словнику І.І. Срезневського. А Борис Тен у своєму перекладі послуговується підрядною конструкцією зі сполучником *що*:

¹² Даниленко А. Ще раз про високий стиль у Потебневім перекладі «Одіссеї» // Wiener slavistisches Jahrbuch. – Band 45. – Wien, 1999. – P. 235.

Вийшов з купелі й подавсь до мужів, що уже частувались Винами (VIII-456-457 Тен).

Деякі іменники в порівнюваних перекладах передано складними словами-синонімами: **громолюбець** – **громовержець**: у Потебні – *Так підведи бо ти гостя й на сріблом цвяховане кресло Посадови та окличникам ще ізвели намішати Вина, щоб могли ми і Диеві в честь **громолюбцеві** злити* (VII-165); *Рознеси, Понтоною, змішавши у чаші напиток Усім по палаті, щоб и Диеві в честь **громолюбцю** ізлити...* (VII-180); у Тена – *а окличники хай приготують Воду з вином – узливання обряд учинить **громовержецю** Зевсові* (VII-165 Тен); *Всім піднеси – узливання обряд учинить **громовержецю** Зевсові* (VII-180 Тен). Цікаво, що В.А. Жуковський у своєму перекладі, який вийшов у світ задовго до початку роботи Потебні над поемою, використовує лексему **громолюбець**: *Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого Влить повели, чтоб могли **громолюбцу** Зевесу, молящих Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье; Наполни кратеры вином и подай с ним Чаши гостям, чтоб могли **громолюбцу** Зевесу, молящих Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье* (VII-165, 180 Жуковський).

Переклад Жуковського було зроблено з прозового підрядкового перекладу німецького вченого К. Грасгофа¹³. Російський поет обрав інший спосіб, ніж О.О. Потебня: усуваючи деякі Гомерові складні слова, одночасно він уживає їх там, де в грецькому оригіналі їх не було.¹⁴ Пор.: *Бо от и той Орест, **душоубу** добре оддячив Зрадливому Айгистові, що вбив ёму славного батька* (III-197-198); *Помстився-бо він на підступному батькоубивці, Злому Егісті* (III-197-198 Тен); *как Орест, поразивший Эгиста, которым Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель* (III-197-198 Жуковський).

¹³ Кисилев В.А., Янушкевич А. С. Эстетические принципы и поэтика перевода «Одиссеи» В.А. Жуковского. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2010. – № 2. – С. 68–80.

¹⁴ Шевельов Ю. О.О. Потебня і стандарт української літературної мови. – С. 63.

Тільки лексеми **земледержець** і **егідодержавець** в усіх трьох перекладах використовуються авторами послідовно, за винятком лише одного випадку у Бориса Тена – **землевладче**: *Вислухай нас, Посейдон-землевладче* (III-55 Тен).

Модель «прислівник + дієслівна основа + суфікс *-ець*» представлена у перекладі О.О. Потебні словами: **многотерпець** (*Так там став засипати ясний Одиссей **многотерпець*** (VII-344) та **многохитрець**: *Ізрадів ясний Одиссей **многохитрець*** (VII-329). Лексему **многотерпець** у тексті О.О. Потебні вжито сім разів. Борис Тен перекладає цю грецьку реалію переважно конструкцією, що відповідає сучасному дієприкметниковому звороту *Одиссей, у нещастях незламний*: у Потебні – *Поки там так моливсь ясний Одиссей **многотерпець**...* (VII-1); *Ставши там, роздивлявсь ясний Одиссей **многотерпець*** (VII-133); у Тена – *моливсь Одиссей, у нещастях незламний* (VII-1 Тен); *З подиву світлий спинивсь Одиссей, у нещастях незламний* (VII-133 Тен). Лексему **многохитрець** О.О. Потебня у тексті «Одиссеї» використовує один раз із значенням 'хитрий, лукавий чоловік', а Борис Тен перекладає слово грецького оригіналу прикметником, не зафіксованим Словником української мови XIV – XVII ст., Словником української мови Б. Грінченка, СУМом: *незламний зрадів Одиссей **богосвітлий*** (VII-329 Тен).

Модель «прикметник + іменник» у тексті О.О. Потебні репрезентована п'ятьма іменниками, з них чотири зустрічаються в перекладі по одному разу. Це лексеми **виноград**, **молодожон**, **суходіл**, **чужеземець**. А от слово **частокол** О.О. Потебня вживає двічі: *Слово яке з-за зубів **частоколу** в тебе злетіло* (III-230); *Чудовавсь Одиссей пристаням їх та кораблям рівнобоким, Майданам для зборищ мужів, стінам довгим, високим, Скрийз поостороженним **частоколом** навдивовижу* (VII-45). Варто зазначити, що у тексті Бориса Тена зміст цього грецького поняття передано різними українськими лексичними відповідниками **частокіл** і **огорожа**: *Що за слова, Телемах, ти пустив крізь зубів **огорожу*** (III-230 Тен); *Стін, **частоколом** обведених, – любо було й подивитись* (VII-45 Тен). Ці іменники є синонімами у сучасній україн-

ській літературній мові. Так, лексичне значення слова **частокіл** у Словнику української мови тлумачиться через відповідники «огорожа» і «паркан», натомість семантику слова **огорожа** визначає низка відповідників із синонімічними відношеннями – «паркан, стіна, тин і т. ін.». Можна припустити, що вибір того чи іншого перекладного відповідника у досліджуваних контекстах зумовлена не лише особливостями ритмічної побудови тексту оригіналу, а й до певної міри власне семантичними особливостями. Так, у змісті слова **частокіл**, як свідчать лексикографічні джерела, важливою є вказівка на матеріал **огорожі, паркану** – «з кілків, жердин, паль і т. ін.», спосіб його розташування й закріплення – «вбитих у землю густо одне біля одного». У змісті слова **огорожа** важливим є не матеріал, з якого зроблено огорожу – «паркан, стіну», а призначення цих видів огорожі – «які оточують що-небудь». У перекладному тексті Бориса Тена українську лексему **частокіл** вжито у прямому значенні, а слово **огорожа** – у переносному, яке не зафіксоване у Словнику української мови: ... слова ... *крізь зубів огорожу*.

Модель «числівник + іменник» представлена в перекладі О.О. Потєбні одним складним іменником **трєніг**: *А ті на жаркому огні купальний трєніг встановили* (VIII-435). Борис Тен перекладає відповідне поняття словосполученням з прикметником: *Ті встановили триногий котел над палаючим жаром* (VIII-435 Тен). За спостереженнями П.А. Содомори, у своєму перекладі Тен використовує в основному композит «*триножник*» (IV-129 Тен), який є повною калькою лексеми оригіналу і це позитивно впливає на відображення атмосфери оригіналу у перекладі¹⁵.

Складні прикметники в перекладі «Одіссеї» О.О. Потєбня використовує вдвічі частіше, ніж іменники.

Найбільшу групу в тексті вченого представляють прикметники, складені за моделлю «основа прикметника + основа іменника» (21). Лексеми цієї групи переважно сягають давніх часів, про це свідчать різні словники української мови: **білорука, великодушний, довгокоса, кривоногий, крутобокий, немилосердний, срібнолукий, ясноока** та інші.

¹⁵ Содомора П.А. Побутові реалії Гомерової «Одіссеї» у перекладі. – С. 13.

Слово **високоумний** зафіксовано у словнику І.І. Срезневського. О.О. Потебня в перекладі використовує цей прикметник як епітет: *Щоб часом який з високоумних Феаків спіткавши Нестав глумитись над ним словами та роду питати* (VII-16). Борис Тен і В.А. Жуковський обирають, на перший погляд, зовсім інші лексичні одиниці як відповідники грецькому: *Щоб із феаків зухвалець якийсь, його перестрівши, Словом глумливим не скривдив і щоб не запитував, хто він* (VII-16 Тен); *чтоб не был замечен Он никаким из надменных граждан феакийских, который Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он* (VII-16 Жуковский). Ці одиниці у системах сучасних української (зухвалець) і російської (надменный) мов, як свідчить дослідження, за лексичним значенням і функціонально співвідносні із перекладним еквівалентом **високоумний**. Так, напр., російському **надменный** відповідає вісім лексем у системі сучасної української літературної мови: три – із коренем **-горд-** («гордовитий», «погордливий», «гордуватий»), два – із кореневою морфемою **пих-** («пихатий», «пихливий»), по одному із коренем **-розум-** («зарозумілий»), **гонор-** («гоноровитий»), **зневаг-** («зневажливий»), а також слово «фудульний», яке в Російсько-українському словнику позначене спеціальною ремаркою *обл.* Слово **високоумний**, використане для перекладу О.О. Потебнею, не зафіксоване у реєстрі Словника української мови, однак тлумачний словник подає співвідносний із давньоруським відповідником складний прикметник **велико-розумний** як стилістично маркований (*ірон.*) у системі сучасної мови: «Який претендує бути розумнішим, ніж є насправді».

Складний прикметник **виноцвітний**, можливо, створив сам О.О. Потебня, зробивши кальку з грецької лексеми: *Тільки мене до її очага привела лиха доля, Як перуном ясним швидкий корабель підо мною Вдаривши Зевс розщепив посеред виноцвітного моря* (VII-250). У перекладі Бориса Тена, який вважають дуже наближеним до оригіналу, цей прикметник близький за значенням до слова **виноцвітний**, але відрізняється своєю формою: *як, на мій корабель блискавицю сліпучу Кинувши, Зевс розтרוщив його геть в винно-темноу морі* (VII-250 Тен). В.А. Жуковський у своїй

«Одіссеї» перекладає його зі значенням, яке передає не колір, а розмір : *когда мой корабль сокрушительным громом Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря* (VII-250 Жуковський).

Лексему **добропоножні**, ймовірно, можна вважати новотвором О.О. Потебні: *аж схопилися з міст Ахайці добропоножні З криком* (III-150). Відомі нам словники не фіксують її у такій формі. Словник І.І. Срезневського і Словник сучасної російської літературної мови в 17-ти томах тлумачать лише значення слова **поножи** – ‘часть доспеха, которым покрывались ноги ниже колен’. Борис Тен вживає іменник **наголінник**, використовуючи модель «прикметник + іменник»: *враз в наголінниках мідних ахеї З криком страшеним схопились, між двох поділившись гадок* (III-150 Тен). Ця лексична одиниця зафіксована у Словнику української мови з лексичним значенням «частина металевої зброї, що накладалась на голінку» і відтінком значення «все, що накладалось, одягалось на голінку». Варто лише зазначити, що лексичне значення ілюструється цитатою із творів Івана Франка (*Боярин був у повній рицарській зброї: в панцирі з залізної, блискучої бляхи, в таких же набедренниках і наголінниках.* – Фр., VI, 1951, 45); а відтінок значення – ілюстрацією з перекладу Бориса Тена (*Був на ньому Драний, нужденний хітон, на голінках із бичої шкіри Латані мав наголінники* – Гомер, Одісея, перекл. Б. Тена, 1963, 401). В.А. Жуковський послуговується складним прикметником, але значення його відрізняється від українських перекладів: *собрание светлообутых ахеян Воплем наполнилось яростным, на два разознившись мненья* (III-149 Жуковський). Цю лексему не фіксують ні Словник І.І. Срезневського, ні Словник сучасної російської літературної мови.

Складний прикметник **довговеселий** зі значенням ‘довгі весла’ в перекладі О.О. Потебні вживається в двох варіантах: **довговеселиї** (*Камінь загув; ік самій землі аж поприпадали Довговеселиї Феаки, мужі корабельщики славні* (VIII-191) та **довговеселні** (*Одиссей же Слухаючи, у серці втішався, також і інші Файаки довговеселні, мужі кораблями преславні* (VIII-191, 368-369). Цікаво, що і Борис Тен перекладає грецький відповідник двома

варіантами. Там, де у О.О. Потебні прикметник **довговеселіи** у Бориса Тена бачимо форму **довговеслі**, а слово **довговеселні** Тен перекладає з грецької мови, як і Потебня, **довговесельні**. У перекладі В.А. Жуковського в обох випадках вживається одна лексема **веслолюбивые**: *Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы; и с ним веселились Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы* (VIII-191, 368-369 Жуковський).

Слово **яснозубий**, яке зустрічається в тексті О.О. Потебні, також може бути новотвором ученого, створеним за аналогією з **ясноокий** у значенні 'який має світлі очі': *Всім свиней яснозубих, та пару биків кривоногих* (VIII-60); *Од хребтини одрізавши (ще і зосталось чимало) Яснозубого вепря* (VIII-475). Борис Тен у своєму перекладі користується одним прикметником **білоіклі**: *Всім свиней білоікліх і пару волів круторогих* (VIII-60 Тен); *Зрізавши м'яса шматок з хребта білоіклого вепра* (VIII-475 Тен). А ось В.А. Жуковський перекладає це ж грецьке поняття двома варіантами, які мають інше значення: *Жирных двенадцать овец, двух быков кривоногих и восемь Остроклычистых свиней Алкиной повелел им зарезать; Полную жира хребтовую часть острозубого вепря Взавши с тарелки своей* (VIII-60, 474-475 Жуковський).

Група прикметників, створених за моделлю «іменник + прикметник», у перекладі О.О. Потебні представлена трьома лексемами: **боговидний**, **богоподобний**, **божеродний**. Перші дві належать до давніх утворень у східнослов'янських мовах. Вони зафіксовані у багатьох словниках: Срезневського, української мови XVI–XVII ст., української мови в 11- томах. Слово **божеродний** у значенні 'рідний богу', ймовірно, створено О.О. Потебнею: *Встав тоді й Одиссей божеродний городоборець* (VIII-3). Борис Тен вживає в своєму перекладі лексему **богорідний**: *Встав уже й городоборець тоді, Одиссей богорідний* (VIII-3 Тен). Цей композит не фіксується Словником української мови XVI–XVII ст., української мови XIV–XV ст., української мови Б. Грінченка, української мови в 11 томах. А В.А. Жуковський послуговується простим прикметником **божественный**: *Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель* (VIII-3 Жуковський).

Модель «іменник+дієслово» представлена в перекладі О.О. Потебні 4 складними прикметниками: **веслолюбивий, конеплодний, хліבודарний, хлібородний**. Грецьке поняття, яке вчений перекладає як **конеплодний**: *А він тут любенько собі у кутку конеплодного Арга Старавсь Агамемнонову жону вчаровати словами* (III-263), Борис Тен подає словосполученням: *В Аргосі, кінми багатому, він преспокійно ховався Й чаром облесливих слів Агамемнона зводив дружину* (III-263 Тен), а у В.А. Жуковського вживається складний прикметник **многоконный**: *Он в безопасном углу многоконного града Аргоса Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой* (III-263 Жуковский).

Наступну групу формують прикметники, утворені за моделлю «прислівник+прикметник / дієприкметник». У тексті «Одісеї» О.О. Потебня вживає вісім таких слів: **вічносуший, далековлучний, добрезбудований, добротканий, дорогоцінний, новопиляний, первоплавний, присносуший**. Слово **новопиляний** у словниках не зафіксовано, але у словнику І.І. Срезневського зустрічаємо лексему **новописанный** – ‘недавно написаний’. Можна припустити, що О.О. Потебня створив складний прикметник за аналогією з існуючим у мові: *Дам ёму меч сей увесь мідяний, а держалко срібне. Піхви ж ему новопиляною слоноювою костію Обложені скрізь* (VIII-405). У своєму перекладі Борис Тен вживає словосполучення: *Меч цільномідний я подарую йому з рукояттю Срібною, в піхвах з слонової кості, різьбленої гарно, свіжого розпилу* (VIII-405 Тен). А В.А. Жуковський перекладає це грецьке поняття простим прикметником: *Медный свой меч с рукояттью серебряной в новых Чудной работы ножнах из слоновья кости охотно Дам я ему* (VIII-405 Жуковский).

Лексема **первоплавний** також не зафіксована в словниках української мови. У словнику І.І. Срезневського є тлумачення тільки частини прикметника **плавний** – ‘водяной’. У перекладі О.О. Потебні: *Так нумо, чорний стягнім корабель на божее море, Ще первоплавний...* (VIII-34). А Борис Тен і В.А. Жуковський вживають замість одного слова словосполучення і дієприслівниковий зворот: *Отже, чорний спустім корабель, що на море священне Плине*

уперше (VIII-34 Тен); *Должно спустить на священные воды корабль чернобокий, В море еще не ходивший* (VIII-34 Жуковський).

Модель «прислівник+іменник» налічує в перекладі О.О. Потебні шість прикметників: **многодумний, многоплідний, многоградний, многовеслий, многорибний, многоумний**. Перша частина **много-** наявна в усіх складних словах цієї групи, виявлених у тексті. Словник української мови фіксує цей прислівник з поміткою *застаріле*. А у XIX ст., коли О.О. Потебня перекладав «Одіссею», лексема **много** функціонувала в українській мові без застережень. Її фіксує Словник української мови Б. Грінченка й ілюструє прикладами з М.О. Максимовича, А.Л. Метлинського: **Много, нар.** = Багато. *Да побіжи я в чисте поле, чи йде ляхів много*. Макс. **Не у мнозі**. Не во множестве. *Не гнівайся, тестю! не у мнозі зять іде*. Мет.

Складний прикметник **многовеслий** – єдиний у цій групі не має суфікса -н- і може вважатися новотвором ученого: *А до того, що вештаючись з кораблем многовеслим, Над такими, що і гребці і купці, ватагує* (VIII-161). Натомість у сучасному перекладі Бориса Тена вжито сучасну форма прислівника **багато** (у значенні 'який має велику кількість'): *Схожий ти більш на того, що в судині багатovesельній Морем никає весь час* (VIII-161 Тен).

Лексема **многорибний** також видається дещо незвичною: *Вітер свистучий знявсь дуги у тил, кораблі дуже швидко Путі многогорібні пробігли та до Геройства Пристали в ночі* (III-176). У своєму перекладі В.А. Жуковський користується схожим за значенням складним прикметником: *Вітер попутний, свистя, зашумел, и, рыбообильный Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли К ночи* (III-176 Жуковський). Борис Тен використовує тут поширений у сучасній мові прикметник **рибний**: *Вітер попутний повіяв шумливо, і легко побігли Рибним шляхом кораблі, й уночі аж до мису Гереста Ми прибули* (III-176 Тен).

Складні слова у перекладі О.О. Потебні «Одіссеї» є відповідниками грецьких лексем. Аналіз тексту показав, що вчений використовує тільки іменникові та прикметникові складні мовні одиниці. Порівняння перекладів О.О. Потебні, Бориса Тена і В.А. Жуковського дає підстави твердити, що складні лексеми в

текстах Потебні і Тена часто подібні за значенням і за формою й відрізняються від перекладних лексем «Одіссеї» Жуковського. У своєму перекладі О.О. Потебня не уник деякої українізації поеми, але зберіг основну її характерну рису – народність. На погляд Ф.І. Луцької, учений передав давньогрецькі реалії, культурні та моральні цінності, соціальні терміни, антропоніми за допомогою українських еквівалентів або шляхом їх інтерпретації¹⁶. Перекладач намагався зробити поему народною книгою, зрозумілою простому читачеві. Цілком слушно П.А. Содомора зазначає, що, коли йдеться про переклад твору, хронологічно віддаленого від нашого часу, перекладач змушений розв'язувати низку проблем, адже часовий чинник, що визначає архаїчність оригіналу, не дає змоги використовувати сучасні мовні одиниці, які певною мірою несумісні з історичною епохою створення оригіналу. Відтак, на думку П.А. Содомори, не слід зловживати архаїзмами, адже Гомер творив сучасною йому мовою¹⁷. О.О. Потебня добираючи українські відповідники до грецьких реалій, уникав діалектизмів, намагаючись, де це можливо, знайти давньоукраїнські корені вживаних слів¹⁸. Борис Тен перекладав поему набагато пізніше, в умовах, коли українська літературна мова пройшла значний шлях у своєму становленні. Оскільки він використав не лише її багаті лексичні ресурси, а й досвід попередників, то його переклад більше відповідає оригіналу „Одіссеї”.

Аналіз матеріалу дозволяє зробити висновок, що у перекладі О.О. Потебня опирався на систему сучасної йому української мови, а тому текст «Одіссеї» не лише органічно передає гомерівську добу і стиль Гомера, а й засвідчує лексичне багатство української мови, потенційну здатність словотвірних моделей передавати будь-яку думку, будь-який зміст, розвиваючи лексико-семантичну основу сучасної української мови.

¹⁶ Луцька Ф.І. Теоретические установки А.А. Потебни по вопросам художественного перевода и его собственная переводческая практика (на материале перевода „Одиссеи”) // Творча спадщина О.О. Потебні й сучасні філологічні науки. – Харків, 1985. – С. 247.

¹⁷ Содомора П.А. Побутові реалії Гомерової «Одіссеї» у перекладі. – С. 8.

¹⁸ Даниленко А. Ще раз про високий стиль у Потебневім перекладі «Одіссеї». – Р. 235.

Иво Поспишил
(Брно)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ
(Размышления о некоторых положениях
А.А. Потебни в черновых заметках
о Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском)

Эстетика и поэтика А.А. Потебни, основанные на анализе связей языка и мысли и генерирования образных структур, – включая и отношение к народу, народности, идеальности, иносказательности, устной и письменной поэзии, слову, мифу и эпосу – стали предметом двух наших статей, в которых мы на основе некоторых положений А.А. Потебни из *Записок по теории словесности* стремились продемонстрировать его связь, с одной стороны, с его русскими предшественниками, в особенности с Аполлоном Григорьевым, с другой, – с последующими течениями, включая и более мягкие методы постструктуралистского дискурса, в том числе и отдельные приемы и приоритеты герменевтики.

Конфликт между эстетико-филологическим направлением, к которому с 40-х годов 19 века относились, кроме других, В.Н. Майков (1823-1847), П.В. Анненков (1813-1887), В.П. Боткин (1812-1869) или А.В. Дружинин (1824-1864) – кроме, разумеется, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета и других поэтов – и революционно-демократическими и народническими течениями (их предтеча В.Г. Белинский, 1811-1848; Н.Г.Чернышевский, 1828-1889; Н.А. Добролюбов, 1836-1861; Д.И. Писарев, 1840-1868) углублялся и обострялся. Реалистическое направление соответ-

ствовало общеевропейским течениям, восходящим к социологии литературы в связи с наступлением позитивизма: в польской среде, как известно, они соответствовали литературному позитивизму, в чешской среде – литературному, философскому и политическому реализму (Т.Г. Масарик); отсюда вытекает и явно положительное отношение Масарика к Н.Г. Чернышевскому и русскому реализму и, например, к М. Горькому. Можно по праву утверждать, что национально-социологическое направление в России, а именно во второй половине 19 века, преобладало, доминировало над эстетико-филологическим. Тем не менее, и в недрах 19 века складываются процессы и явления, которые с разных исходных точек зрения разрабатывают другие, более «мягкие» подходы к искусству в общем и к художественной литературе в особенности.

Их наиболее выразительным предшественником поистине был Аполлон Григорьев (1822-1864), который образовал свою концепцию литературной критики на основе пересмотра постулатов В.Г. Белинского в своих статьях *О правде и искренности в искусстве* (1856), *Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства* (1858), *Несколько слов о законах и терминах органической критики* (1859) и *Парадоксы органической критики* (1864).

А. Журавлева в вводящей статье к известному тому А. Григорьева, восходящему к 1980 г., характеризует А. Григорьева таким образом: «Григорьева определяли как русского несколько запоздалого шеллингианца; последователя Т. Карлейла; эпигона раннего Белинского; славянофила; защитника чистого искусства, бергсо-нианца до Бергсона... Все это какая-то удивительная смесь. И каждое из этих определений не то чтобы справедливо, но понятно, имеет объяснение»¹.

¹ Журавлева А. «Органическая критика» Аполлона Григорьева. // Григорьев Аполлон. Эстетика и критика. – М., 1980. – С. 7. См. наши статьи: Syntetická metodologie Apollona Grigorjeva. SPFFBU, D 36-37, 1989-1990. – С. 57-66; „Stydlivost“ tvorby (Apollon Grigorjev, kreativní autoreflexe a vývojové vplývání ruské literatury). In: Litteraria Humanitas IX, Cesta k duši díla - Miroslav Mikulášek – Brno, 2001. – С. 31-39.

Первые следы его особого терминологического аппарата наблюдаются еще в его мемуарной прозе (струя, город-растение). В этом сказываются тяготение и склонности А. Григорьева к природным талантам, рождающимся из глубины биосоциальных, магических структур, семейности, растительности. Его эстетика представляет собой особое промежуточное звено между Шеллингом, Шопенгауэром и Бергсоном. Понятие «жизнь» у А. Григорьева – в отличие от Н. Чернышевского – предполагает понимание литературы как гармоничного целого. Прекрасное возникает из жизни путем реализации ее гармонии, соединения ее частей без экстремальных сдвигов. По Григорьеву, нет противоречия между красотой и служением обществу. Искусство носит, прежде всего, охранительный, даже целебный характер. Искусство коренится в глубинах народного бытия, в его биопсихологической основе, оно органично².

В статье *Несколько слов о законах и терминах органической критики* (1859) он, в качестве оппозиции революционным демократам, приводит следующее: «В известные эпохи, к которым в особенности принадлежит наша, выполнение отрицательных задач чрезвычайно легко, выполнение положительных очень трудно... Всякое требование, всякая, говоря философским языком, потенция или возможность, возникающая по завершении чисто отрицательной работы как логический, неотразимый вывод, сначала является только в виде смутного очерка, который наполнить содержанием предоставляется времени. Из того, что умерла для нас критика чисто эстетическая, то есть взгляд на искусство как на нечто от жизни отрешенное, как на особую, резко отграниченную область, равно как из того, что несостоятельно оказалась и критика односторонне историческая, то есть взгляд на искусство как на нечто жизни подчиненное, дагерротипно-бессмысленно отражающее жизнь во всем ее случайном и неслучайном, – логически вытекало требование иного рода критики. Логически же обозначилось и общее значение этой критики; взгляд на искусство как на синтетическое, цельное, непосредственное, пожалуй, ин-

² Григорьев Аполлон. Эстетика и критика. – С. 67.

туитивное понимание жизни в отличие от знания, то есть разумения аналитического, почастного, собирательного, поверяемого данными»³.

Ядром учения А. Потебни, является, как известно, его концепция слова, его внешней и внутренней формы и содержания. Из значения слова он трансцендирует к художественному произведению; поэтический образ, как он говорит, служит связью между внешней формой и значением: «Внешняя форма обуславливает образ. Образ *применяется*, *примеяется*’ (малорусское *не до вас приміряючи*’, например, образную поговорку); поэтому образ может быть назван *примером*, в старину русское *притьча*, потому что она *притьчется*, применяется к чему-либо и этим получает значения. Этим устанавливается граница между внешнею и внутреннею поэтическими формами. Все предшествующее применению при понимании поэтических произведений есть еще внешняя форма. Таким образом, в поговорке *не було снігу, не було сліду*’ ко внешней форме относятся не только звуки и размер, но и ближайшее значение»⁴.

Во второй нашей статье о Потебне анализировалось его мышление из *Записок*, а именно *Поэт и публика, критика, толпа. Стыдливость творчества*. В своем материале автор приводит следующие рассуждения: «Поэт создает прежде для себя, потом для публики [...] Всякое слово, хотя бы и глупое и пустое, есть акт мысли, завершение ее усилия; но акты мыслей – не одинаковой ценности. И чем важнее для кого деятельность мысли, тем более будет он ценить находку подходящего слова. Так и в сложной поэтической деятельности важность произведения, как завершения периода для самого автора и для других, будет заметна, тем заметнее, чем сильнее и успешнее потуги мысли. Поэтому наблюдать это явление следует в жизни настоящих художников...»⁵. Тягостный внутренний спор между манифестацией поэта как художника и его скрытностью, таинственными

³ Там же. – С. 117-118.

⁴ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 310.

⁵ Там же. – С. 313.

глубинами его души Потебня демонстрирует на ряде примеров русского поэтического творчества («Я не хочу, чтоб свет узнал/ Мою таинственную повесть;/ Как я любил, за что страдал,/ Тому судья лишь бог да совесть!» – Лермонтов; далее исследователь приводит примеры из Тютчева и известные пушкинские строки: «Зависеть от царя, зависеть от народа -/ не все ли нам равно? Бог с ними! ...Никому/ Ответа не давать, себе лишь самому/ Служить и угождать...» *Из Пиндемонти*, 1836).

Стыдливость творчества связана скорее с осознанием элитности поэта и с тем, что он является прямым выражением философии Потебни: разьединением мысли и языка, в том числе и поэтического. Настоящее искусство есть, прежде всего, авторефлексия души поэта и одновременно его самооценка, автоаксиология его умения преодолевать пропасти между мыслью и языком. В то время как язык обиходной коммуникации и мысль в большой степени разьединены, поэтический язык представляет собой попытку интеллекта преодолеть в форме художественного образа и системы образов, т. е. образности как способности и как сети образов, пропасть между мыслью и ее выражением. Это выражает его попытку демонстрировать литературное искусство как своего рода наивысшую человеческую деятельность, как манифестацию его доблести, как – наряду с философией – область возвышенного, как наиболее духовную область бытия человека. Это, разумеется, парадоксальным образом связано, хотя и непрямо, с представлениями ранней немецкой романтики, т. е. романтизма, как об этом в свое время писал чешский философ Б. Горына⁶.

Искусство есть, прежде всего, задача для самого художника, поэта, посредством которой он решает свои внутренние проблемы. Искусство является самым высоким и самым сокровенным

⁶ «Krok k domnělé vážnosti byl současně prvním krokem k zániku rané romantiky; 19. století již vívalo romantiky připravené ke konverzi, k obratu, který názorově představoval odvrát – jeden z nejmasovějších, nejméně vysvětlených a přitom nejcharakterističtějších v dějinách moderní kultury, o filosofii nemluvě. Romantičtí žháři se změnili v konzervativní, restaurativní hasiče, kteří v prachu zadusili poslední jiskry kdysi vysokých romantických plamenů.» (B. Horyna: *Dějiny rané romantiky*. Fichte, Schlegel, Novalis. Vyšehrad, Praha, 2005. – C. 11).

проявлением внутренних сил человека, сил самообновления, самозащиты, исцеления и выздоровления и, одновременно, манифестацией спасительной силы для других. Можно с определенной степенью преувеличения сказать, что художественное творчество является коммуникатом, т. е. эстетическим средством межличностной коммуникации в смысле message, т. е. информации, послания, миссии, лишь в смысле побочного продукта. Доминантным смыслом искусства, художественного творчества является авторефлексия и автоаксиология как сообщающиеся сосуды одного духовного акта внутренней сущности: «Серьезный художник, не дилетант и не спекулянт, каждым актом творчества решает важную для себя задачу, и если личность его выдается из ряда, то вместе с тем и задачу важную для современников»⁷. Для Потебни противоречие между «для себя», т. е. для внутренних целей, для удовлетворения потребностей самого автора, и «для других» разновременны⁸.

После повторения наших замечаний по поводу некоторых вдохновительных положений Потебни в смысле преемственности и продолжения русской эстетической мысли (например, «органической критики» А. Григорьева и его предвосхищающих моментов) по направлению к более мягким, постструктуралистским, рецепционным течениям, следует заняться и его историко-литературными заметками по поводу творчества Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, хотя и они носят, по-видимому, скорее теоретический, методологический и даже философский характер.

Черновые заметки о творчестве Льва Толстого и Федора Достоевского легли в основу приложения известного и прежде цитированного тома *Эстетика и поэтика*⁹. По данным, приведенным в

⁷ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – С. 321.

⁸ Pospišil I. Авторефлексия/автоаксиология творчества и одна традиция русской эстетической мысли. In: Миргород. Журнал, посвященный вопросам эпистемологии литературоведения. Akademia Podlaska, Université de Lausanne, Section de langues et civilisations slaves. – 2010. – No. 2. – S. 203-210. ISSN 1897-1431.

⁹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – Составление, вступительная статья, библиография и примечания И.В. Иваньо и А.И. Колодной.

этом томе, черновик был впервые опубликован в сб. *Вопросы теории и психологии творчества*, в пятом томе за 1914 год. Публикацию осуществили ученики Потебни на основе его рукописных заметок (цитируемый том, с. 604). В советское время, к которому восходит настоящее издание статей и отрывков из творчества А.А. Потебни, стало привычным (возможно и в благонамеренных целях сохранения «идеалистичности» учения Потебни) отделять его от его учеников, образовавших известную психологическую литературоведческую школу.¹⁰ Связь Потебни и его учеников, также известных литературоведов, несмотря на идеологические попытки ее подавления в советское время, не была, на наш взгляд, столь тесной, как иногда утверждается. Речь шла скорее об интерпретации Потебни и его положений и об их использовании и приспособлении к новым веяниям времени, т. е. к началу XX века в связи с натиском психоанализа, Geisteswissenschaft и т. д. Тем не менее, есть основания полагать, что потебнианство стало автохтонным источником – хотя исходящим, разумеется, из немецкой философской классики (И. Кант, Ф. Шиллер, В. Фон Гумбольдт) – восточнославянского литературоведческого психологизма. Однако, напротив, именно высказывания Потебни о творчестве двух русских суперклассиков, свидетельствует скорее о том, что Потебня старался с самого начала (*Мысль и язык*, 1862) подняться на философскую высоту своих вопросов, ответов и проблем; что психологическая, и скорее, апперцепционная сторона его размышлений была тесно связана с общим видением предмета. С этой точки зрения, полузабытые черновые записи или же комментарии могут послужить новому осмыслению творчества Потебни и его значения для нашего времени и вне традиционно приписываемого ему русла психологического направления.

Характерно то, что заметки о Толстом объемнее, нежели комментарии, посвященные Достоевскому. Разумеется, это можно

¹⁰ См. нашу антологию русской литературоведческой методологии Ruská literárněvědná metodologie 19. a počátku 20. století. Studie - Texty. SPN, Praha, 1988, а именно пассаж о Д. Н. Овсяннико-Куликовском, Иванове-Разумнике и других, см. также Н.В. Осьмаков. Психологическое направление в русском литературоведении. – М., 1981.

объяснить случайностью, но, может быть, здесь сказывается и определенная неподготовленность принять проклятые места из творчества Достоевского, которые гораздо позже шокировали и модернистов XX века. С другой стороны, Толстой декларирует свою философичность или, скорее, любовь к философствованию и образованию схематичных и иногда догматических концепций: в большинстве своем неоригинальных, заимствованных из разных источников, опосредствованных и его востоковедением, включая китайскую и древнеиндийскую философию, включая и буддизм – возвращаясь, таким образом, к казанским годам молодости, хотя информация об изучении им древнеазиатской философии в это время скорее туманна.

Уже первые слова заметок о Толстом начинаются со слова «философия» – речь идет о *Войне и мире* и об азиатском представлении непрерывного течения всего в пространстве и во времени, внутри которого плавают человек и его гносеологические способности. Мир и его явления неисчерпаемы, искусство интуитивно, в одном жесте, овладевает ими и прямым путем демонстрирует и объясняет эти феномены; теория и всяческие умствования не способны разъяснить лучше и нагляднее эти явления. «Вся философия автора *Войны и мира* основана на бесспорном положении, что явление неисчерпаемо для познания и что поэтому никогда объяснение явления не может быть равно самому явлению. Но отсюда вытекает для автора несправедливое (глядя со стороны) презрение к умствованию, к теории и практической деятельности, руководимой теорией; это презрение несправедливо потому, что оно построено на формуле: *На время – не стоит труда, / А вечно любить невозможно*, – полное познание невозможно, а неполное ничтожно – и не хочет знать своей опасности, того, что Мефистофель говорит Фаусту: *Лишь презирай свой ум да знания светлый луч – / Все высшее, чем человек могуч; / Пусть с чародейскою забавой / Тебя освоит дух лукавый, – / Тогда ты мой без дальних слов!»*¹¹.

И подытоживает: «Толстой пристрастен к конкретному и презирает теорию и пристрастия других к теории и вытекающей из

¹¹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – С. 561.

нее сознательной деятельности, склонен объяснять это тупостью и низменным эгоистическим побуждением, не видя того, что его собственное пристрастие могло бы быть объяснено точно так же»¹².

Следовательно, бессильны врачи, медицина, администрация, стратегия (об участии воли Наполеона в Бородинском сражении, история (она едва ли сможет объяснить нечто существенное) и, вкратце, это «противоположение ума и науки всему русскому существу»¹³. Есть только народное чувство (интуиция?) – отсюда возвращение к народу, апофеоз мужика и его подхода к действительности, к его быту, нигилизм (однако, не в смысле западного позитивизма, как он назывался, к примеру, в русских так называемых «антинигилистических» романах, а как настоящая аннигиляция, сведение всего к нулю).

Кажется, что Потебня не чувствовал себя достаточно сильным в области литературы как искусства в общем и романного искусства в особенности. Его комментарии, увы, зачастую сводятся к цитированию известного произведения М. де Вогиюэ *Le Roman russe*.

Именно роман является специфическим доказательством своеобразной модели развития русской литературы, которую мы назвали пре-пост эффектом¹⁴. Как известно, европейский роман образовался на основе разных жанровых форм: вначале он был тесно связан, с одной стороны, с эпосом, с другой стороны, с сатирической прозой; позже его отождествляли с рыцарским эпосом, плутовской литературой, историей, хроникой и т. п. Доминантной чертой ро-

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 564.

¹⁴ См. наши статьи и книги: К некоторым специфическим чертам развития русской литературы. *Slavica Litteraria*, X 3, 2000, s. 29-42. *Paradoxes of Genre Evolution: the 19th-Century Russian Novel*. *Zagadnienia rodzajów literackich*, tom XLII, zeszyt 1-2 (83-84), Łódź 1999, s. 25-47. PL ISSN 0084-4446. *Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století*. Masarykova univerzita, Brno 1998. *Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátku k výhledu do současnosti*. Ed.: Jaroslav Malina, obálka, grafická a typografická úprava Josef Zeman – Tomáš Mořkovský, Martin Čuta, ilustrace Boris Jirků. Nadace Universitas, Edice Scientia, Akademické nakladatelství CERM v Brně, Nakladatelství a vydavatelství NAUMA v Brně, Brno 2005.

мана как жанра является его целостный характер, основанный на все возобновляющемся, повторяющемся, перманентном жанровом, формальном и содержательном синтезе. Его развитие можно охарактеризовать как преемственно-прерывистое: роман возникает в античной прозе, позже его развитие прекращается, потом продолжается в Средневековье, зачастую как подражание эпосу, в форме плутовской прозы возобновляется в эпоху Ренессанса, в экспрессивно-эмоциональном виде – в эпоху барокко, в игровом варианте – в период рококо, в психологическом виде – в эпоху барокко и классицизма. Всегда речь идет о своего рода новом начале и одновременно о «памяти жанра», продолжающем предыдущие этапы развития.

Жанровые корни романа связаны с мифом, эпосом и мелкими прозаическими сказками на темы повседневной жизни. После античного и средневекового рыцарского романа появляются две противоположные жанровые формы: экстенсивный (плутовской) и интенсивный (психологический) роман – связанные с тотальным изменением картины мира после открытия новых континентов и культур в 15-16 вв. и с внутренними изменениями человеческой психики и восприятия мира (психологический и философский роман). Однако самый значительный этап развития романа представляет собой сентиментализм – именно тогда начинает развиваться и русский роман.

И он характеризуется множественностью источников: противопоставление отечественных и чужих источников, однако, более выразительно, чем в других национальных литературах. Преобладающее большинство историков и теоретиков романа убеждено, что русский роман возникает в 18 веке – Д.С. Лихачев не находит в русской средневековой литературе ничего, хотя бы отдаленно напоминающее собой роман. Нельзя, однако, не учитывать огромный эпический базис русской литературы, связанной с былинами, со *Словом о полку Игореве*, с агнографиями, летописями, воинскими повестями и пр. Очевидно, что автохтонные источники романа то исчезали, то возобновлялись – следовательно, роман будто бы рождался снова и снова на от-

личающихся друг от друга морфологических базисах, но все же, в то же самое время, с памятью жанра, т. е. как новое звено в единой, хотя и прерывистой, романной цепи. Внутри русской литературы роль базиса сыграли уже упомянутые былины, летописи, жития, воинские повести и другие. Пре-пост эффект (парадокс) функционирует и в пределах романного жанра: то, что кажется не очень удачным подражанием европейским романским моделям, может – при определенных условиях – считаться морфологической и жанровой инновацией, своего рода предвосхищением будущего развития. Чешский теоретик искусства и русист Зденек Маггаузер в своей книге *Методологические медитации* (Metodologické meditace, Brno 1988) пишет о трех понятиях, связанных с художественным совершенством, мастерством (habilita – superhabilita – metahabilita). Именно знанию ремесла и совершенному знанию ремесла (мастерство) он противопоставляет способность как бы временного «понижения уровня» в целях поисков новых поэтологических путей. Кажется, что с этим связан и пре-пост парадокс развития русской литературы в общем и романа как жанра в особенности.

В развитии русского романа ключевую роль сыграл 18 век, о котором уже шла речь в связи с его переходным характером, с концепцией Е. Ляцкого и с тем, что на протяжении этого столетия появляется ряд произведений «старой поэтики», т. е. эстетики средневековья, несмотря на политический и идеологический радикализм, восходящей к целям американской и французской революций (*Путешествие* А.Н. Радищева – см. язык и стиль произведения), а также тексты, полностью относящиеся к Новому времени и по языку, стилю и поэтике (*Письма русского путешественника* Н.М. Карамзина).

Разные модели русского утилитаризма (Ф. Салтыков, И. Посошков, М. Ломоносов) и антиутилитаризма (А. Сумароков), о которых автор настоящей статьи пишет в своей книге *Лабиринт хроники* (Labyrint kroniky, 1986), выявились и в процессе развития русского романа, а именно на его «имитационном» этапе (Ф. Эмин, Н. Эмин) и в более оригинальном развитии на русской

основе (Д. Чулков). Приведенную нами антиномию «Радищев – Карамзин» можно дополнить анализом *Писем*, которые считаются нами не только оригинальным произведением подлинного русского сентиментализма, но и особым художественным и идеологическим синтезом, в котором Карамзин – как все великие русские – преодолел структуру художественной литературы и проник в историю и политику задолго до того момента, когда он стал царским историографом или когда в его творчестве стали регулярно появляться исторические темы. Его творчество в целом и *Письма* в особенности – в том числе и французское приложение, т. е. известная статья *Несколько слов о русской литературе*, предназначенная для публикации в гамбургском журнале *Spectateur du Nord*, – свидетельствует о его стремлении образовать новую Россию как великую державу, в том числе и в духовной сфере. Следовательно, роман, становясь орудием для достижения этой внехудожественной цели, выступает в роли своего рода культурного синтеза, связывающего воедино и все черты господствующей тогда сентименталистской поэтики («эмоциональный стиль», сентиментальное, «духовное» путешествие, эпистолярность). Отношение к роману и у Карамзина странно: он является не целью, а средством, орудием другой цели, он используется утилитарно как самый влиятельный литературный жанр.

Конфликтное восприятие на Руси романного жанра очевидно на примере пушкинского *Евгения Онегина*. Роман в России 19 века, как и прежде, играл роль нежеланного ребенка; к нему относились с определенной смесью любви-ненависти. Эта русская *Hassliebe* по отношению к роману стала парадоксальной причиной его всемирной известности: под давлением психо-социологических факторов, связанных с заново функционирующей категорией читателя, без романа нельзя было обойтись, но в России, в силу незаконченного процесса секуляризации (именно в этом, на наш взгляд, коренятся причины частого утверждения о будто бы религиозном характере русской литературы), роман воспринимался как нежеланный, секулярный жанр, разлагающий прежнюю художественную и нравственную систему: пушкинская Татьяна

на, как известно, любила читать романы, но для предыдущих поколений эта страсть была запрещена как безнравственная. Русские писатели по-разному стремились достигнуть желаемой цели – т. е. романа – но, одновременно, что-то в их сознании сопротивлялось этому стремлению: они дошли до романа, так сказать, против своей внутренней сущности, но не против своего желания. Этот конфликт, однако, не мог не сказаться на структуре русских романов. Русский роман как нежеланный ребенок стал, следовательно, специфической жанровой формой, которая проникает в русскую литературу медленно как чужое явление, но которая, как это ни парадоксально, стала эмблемой русской литературы как мирового явления.

Историю «испорченного», деформированного, нежелаемого романа можно легко продолжить: Лермонтов в *Герое нашего времени* преодолевает структуру французского и английского конфессионального (исповедального) романа путем усложненной повествовательной (нарративной) структуры; зачастую намеренно игнорируемый Фаддей Булгарин образует специфическую форму нравственно-сатирического романа, предвосхитившего прозу Гоголя; путем синтеза физиологических очерков достигается специфическая структура русского романа «золотого века»; *Мертвые души* связывают воедино классицизм, Просвещение, романтизм и реализм («реальную поэзию» Белинского) и, одновременно с этим, эпос, лирику, плутовской авантюрный сюжет, сатиру, гротеск и абсурд. Эта «нерегулярность» русского романа обнаруживается и в трех доминантных романских моделях русского «золотого века»: Л.Н. Толстого (*Война и мир* как современный эпос, тотальное произведение, roman-fleuve 19 века – *Анна Каренина* уже распадается на две параллельные хроники двух пространств), Ф.М. Достоевского (переход от интенсивных повестей 40-х годов к экстенсивности хроникальных построений 50-60-х годов – *Село Степанчиково и его обитатели*, *Записки из Мертвого дома* – и оттуда к новой интенсивности в *Записках из подполья* и в крупных романах 60-80-х гг., тяготеющих к особой модели «космического романа») и Н.С. Лескова (метод

микроскопа и художественной детали, жанровая индивидуализация и повествовательная концентрация посредством сказа, который представляет собой особое видение мира и самого рассказчика, преодоление драматической романной структуры в сторону линейной, остраниженной повествовательной структуры, связывающей принципы хроники и сказа).

Модель литературных направлений, настойчиво внушаемая европейским литературоведением, изменяется на русской почве путем бесчисленных повторений и возвращений в смысле уже упомянутого пре-пост эффекта (парадокса): романтизм возвращается в форме славянофильства, сентиментализм – как орудие внутренней полемики с литературным социологизмом 40-х годов, классицизм возобновляется у А.С. Пушкина и заново у И.А. Гончарова в поэтике тишины, спокойствия, равновесия почти в смысле «органической критики» Аполлона Григорьева, предромантические структуры («готический» роман, авантюрные сюжеты) проникают в крупные романы «золотого века» (суггестивные, «массовые» сюжеты Достоевского, зачастую в форме детектива, криминального романа или романа с тайной, толстовское *Воскресение*).

Выдержки из нашей концепции специфических черт развития русской литературы в общем и русского романа в особенности определяют и круг размышлений Потебни о Толстом и Достоевском. В этом смысле его заметки представляют собой скорее опосредствованные реакции на положения французского дипломата и первого созерцателя русского романа. Поэтому он много цитирует из *Войны и мира*, чтобы доказать, как Толстой высмеивает всякий рационализм, научность и т. д.; он, например, приводит карикатуру научного метода, вообще мыслей ученого: наука, по взглядам Толстого, тесно связана с религией, и искусство без религии совершенно погибает. Здесь следует упомянуть и критику модернизма в общем и французского декаданса в особенности в творчестве графа Толстого¹⁵.

¹⁵ См. наши упоминания в: Shakespeare, Tolstoj a Orwell. Lidová demokracie 11. 3. 1992, s. 10. Individualita a proud: Lev Tolstoj a ruská moderna. In: Problémy

Отсюда для Потевни вытекает постепенный ход толстовской мысли к отрицанию всякого насилия и к добровольному подчинению некоему пророку, который покажет правильный путь, и одновременно решительный отказ от изменения институций и согласие с изменением человека, т. е. с его обезволением.

Задумываясь над приведенными заметками Потевни, нельзя игнорировать типологические сходства с Карелом Чапеком – его связь с тремя источниками: с французским модернизмом, русским скептицизмом (Чехов) и фатальными вопросами (Достоевский), а также с американским прагматизмом – которые легли в основу некоторых наших исследований¹⁶. Чапек исходит из критики рационалистского позитивизма; он и его брат Йозеф относятся уже к другому поколению, тяготеющему к психологизму, Geisteswissenschaft, констатирующему огромный вакуум познания, обращая внимание на якобы загадочные явления. Очевидно, что истоки этих рассуждений разные, но нельзя упускать из виду русскую струю, которая вновь дает о себе знать в концепциях А. Кораблева.

В рамках проекта Российской Академии Наук *Эволюция жанров русской литературы XVII-XX веков* вышел в свет том научных работ¹⁷ историка и теоретика русской литературы, заведующего кафедрой теории литературы и художественной культуры в До-

ruskej moderny. Nitra 1993, s. 95-103. Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. stíveklí. Brno 1995. Ruský román znovu navštívěný. Brno 2005.

¹⁶ См. наши статьи Jedna česko-ruská literární spirála (Dostojevskij – Čapek - Těndrjakov). Čs. rusistika 1990, 5, s. 257-265. Dva poljusa bytija: anglo-amerikanskij empirizm-pragmatizm i „russkaja tema“ u Karla Čapeka. In: Związki między literaturami narodów stowiańskich w XIX i XX wieku. Pod redakcją Witolda Kowalczyka. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 1999, s. 225-233. ISBN 83-227-1394-0 Karel Čapek – przypadek prawie zapomnianego mistrza człowieczeństwa i tolerancji. In: Dyskursy i przestrzenie (nie)TOLERANCJI. Pod redakcją Grzegorza Gazdy, Ireny Hübner, Jarosława Płuciennika. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2008, s. 109-118. ISBN 978-83-7525-220-0. Singularity and the Czech Interwar Essay among the Currents: František Xaver Šalda, Karel Čapek, and Jaroslav Durych. Primerjalna književnost, letnik 33, št. 1, Ljubljana, junij 2010, ISSN 0351-1189, s. 131-142.

¹⁷ Кораблев А.А. Пределы филологии. – Новосибирск, 2008.

нецком университете Александра Александровича Кораблева, автора книг *Мастер. Астральный роман* (1996-1997), *Темные воды «Тихого Дона»*, издателя исследований о так называемой Донецкой школе *Донецкая филологическая школа* (1997, 1999, 2000, 2006, 2007), монографии *Поэтика словесного творчества* (2001) и обзоров *Ars poetica А.С. Пушкина* (2007) и *Поэты и поэзия Бронзового века* (2007).

Если позволить себе немного сузить и схематизировать внутренне более сложную Донецкую школу, то можно предположить, что у истоков ее концепции была идея целостности художественного произведения. Все это проходило в годы большого подъема советского литературоведения, т. е. в 60-80-е годы XX века, когда настоящими исследовательскими центрами становились так называемые провинциальные университеты или самостоятельные факультеты (Тарту, Донецк, Калуга, Кемерово, Новосибирск, Даугавпилс, Ржев и др.), которые формировали свои собственные проекты, в том числе структурально-семиотические исследования, сюжетологию, целостное понимание литературного артефакта и т. д. Кораблев перешагнул эти границы в том направлении, где литературоведение переплетается с другими дисциплинами, постепенно теряя свой точный и строгий методологический облик.

Сразу же в вводной статье Кораблев провокативно утверждает, что филология – это не наука, а любовь. Уже само слово «любовь» важно: Кораблев и его единомышленники возвращаются к пониманию филологической целостности, тем не менее, признавая ее внутреннюю дифференцированность, до которой она дошла за 150 лет своего развития. Кораблев предпочитает онтологическое понимание образования артефакта: т. е. его образование в России из автохтонных и аллохтонных корней, связанных с феноменологией, начиная с 10-20-х годов XX века. Кораблев включил сюда еще и проблемы тайны и науки о ней (тайноведение) и соучастия исследователя в формировании произведения. Предметом филологии также должны быть вера, тайна, загадка, символ, которые Кораблев считает категориями поэтики. Если поэтика не перестанет пониматься как наука о морфологии литературы, то мы,

по Кораблеву, будем возвращаться по старому формалистическому кругу, т. е. будем исследовать воздействие содержания на форму и наоборот. Он рекомендует вчувствование (тоже старый термин Geisteswissenschaft и интуитивизма), метафизику. На это может возникнуть множество возражений; именно этого опасались М. Бахтин и знаменитый чешский феноменолог З. Матхаузер, который выражал это даже посредством генерационного сопротивления к психологии артефакта¹⁸. Очевидно, что концепция Кораблева, которую он развивает далее в статье *О религиозности и научности филологического знания* (с. 20-41), исходит из традиций русского мышления о литературе, в частности, из мышления серебряного века, которое тяготело к философичности религиозного направления и интегрировалось в исследования о литературе метафизической структуры. Он, в сущности, опирается на убеждение, что религиозность не поддерживает так называемую научность, что указывается, между прочим, и в статьях С. Бочарова или Т. Касаткиной: он говорит о религиозной филологии. Его представление исходит из общего взгляда, который я разделяю: наука – это не навсегда образованная концепция, а проект, которому следует учитывать сферу до сих пор не испытанного, т. е. связанного с тайной, верой и иррациональностью в положительном смысле слова, – ведь и понимание рационального подвергается определенной эволюции. Однако здесь существуют границы, которые – парадоксальным образом – человек ощущает или в которые он верит, иначе не говорилось бы о рациональности и иррациональности. С другой стороны, категория познания шире и обладает средствами и приемами, которые зачастую идут вразрез с узко по-

¹⁸ См. наши статьи Hĺbka a vzopätie. Z. Mathauser: Metodologické meditace aneb Tajemství symbolu. Slovenské pohľady 1990, 6, с. 96-103; Nové práce Zdeňka Mathausera (Z. Mathauser: Estetické alternativy. Jazyk vědy a jazyk poezie. GRYP, Praha 1994; Z. Mathauser: Mezi filosofíí a poezií. FILOSOFIA, Praha 1995). Opera Slavica 1995, 3 (V), с. 58-59. Далее: Literatura a filozofie (Zdeněk Mathauser). Kolektivní monografie. Eds: Ivo Pospíšil, Jan Zouhar. Katedra filosofie, Ústav slavistiky FF MU, Brno 2008. См. также I. Pospíšil: Zdroje vidění Zdeňka Mathausera. In: Literatura a filozofie (Zdeněk Mathauser). Kolektivní monografie. Eds: Ivo Pospíšil, Jna Zouhar. Katedra filosofie, Ústav slavistiky FF MU, Brno 2008, с. 131-141.

нимаемой рациональностью. Кораблев подытоживает некоторые концепции, формировавшиеся с конца 80-х годов прошлого века (Донецк, Кемерово), где уже серьезно заговорили о возможных трансформациях филологии и начали пользоваться понятиями, выходящими за пределы традиционных концепций (литературоведение, критика филологического разума, художественность литературоведения, эстетика истории, историческая эстетика). В другое время (1994 г.) В.В. Федоров формулирует потебнианский тезис об исключительности филологии как о внутренней форме биологии – здесь вновь возвращается старая, слишком механическая, формулировка Ф. Брюнетьера в области еще не образованной генологии/жанрологии. По Кораблеву, филология должна соответствовать сущности слова: слово в более широком понимании, чем у Потебни, остается и в его религиозном смысле как демиургический логос, остающийся ядром русского мышления о языке, литературе и филологии в целом. Он даже формулирует это так, что «научность – это только одна из составляющих филологии, наряду с художественностью и религиозностью, и все они могут быть выражены в различной степени и с различной доминантой» (с. 39). Суть концепции Кораблева в том, что в то время как значение филологии для элиты политической власти парадоксально падает, значение ее предмета, т. е. языка и текстов, усиливается: филология, следовательно, становится ключом ко всему, однако до сих пор ею пренебрегают: «Но если филология пытается разрешить кардинальные вопросы философии, а философия, в свою очередь, обращается к филологической проблематике, к языку, не означает ли это, что в гуманитарной сфере действительно происходят какие-то интеграционные процессы и метаморфозы, и не признаки ли это становления существенно новой культурно-исторической парадигмы?» (с. 40).

Еще более радикально видит он эту обстановку в статье *Кожаный путь*, ссылаясь на пушкинский эпиграф к *Капитанской дочке* «Береги платье снову, а честь смолоду» как на противопоставление внешнего (одежда) и внутреннего (честь) – подобно всем известному эпизоду из Торы, когда Господь надевает кожу на Адама

и Еву. Кораблев усматривает «кожаный путь» скорее как детскую стадию познания слова и литературы: она должна вернуться к первоначальной телесности. В то время как последним этапом разложения и деструкции литературоведческих исследований он считает деконструкцию, новым этапом является смерть «кожаного пути» и прямое прикосновение слова и литературного артефакта – именно к этому приводят религиозность, таинственность, а в конце концов, и эстетика смерти как часть танатологии¹⁹.

То, что роднит Толстого с Чапек на определенном уровне их развития, – это тяготение свести все тайны и сложности, о которых так любит говорить именно наука, к простым принципам, что, как известно, подтверждается и современной генетикой: все дано наперед вполне механическим, материальным явлением (геном); таким образом Чапек совсем провокативно излагает тайны своих детективов; тем не менее, к концу жизни он коснулся и противоположного полюса: в своей прозаической трилогии, в особенности в романе *Обыкновенная жизнь*, он открывает ворота, как написал его словацкий критик А. Матушка, вызовам нирваны. Этот жест можно, на наш взгляд, воспринимать не как своего рода иррационализм, а скорее как открытие нового пласта возможного познания, которое нам пока недоступно.

Потебнианские комментарии к Толстому обнаруживают, следовательно, потенциальные структуры всякой большой литературы, которая не может не дойти «до самой сути» (Пастернак), не может не касаться крайних пределов разума и тайн бытия.

Заметки о Достоевском, касающиеся подобного круга идей, опираются, прежде всего, на *Дневник писателя*. Интересно, что Потебня здесь выразился и по поводу художественного уровня писательского дневника Достоевского: «Лучшая часть *Дневника писателя* есть образная, поэтическая иносказательность»²⁰. По Потебне, «образы выхватываются из текущей жизни, прессы,

¹⁹ Подробнее об этом см. в нашей статье Новые измерения и трансценденции исследования литературы/языка и русские особенности. *Slavica Slovaca* 2010, č. 2, s. 170-177. ISSN 0037-6787.

²⁰ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – С. 577.

художественной литературы, воспоминаний, писем»²¹. Потебня, следовательно, коснулся и жанровой сути дневника (который анализировался мною в связи с Достоевским и другими писателями, в том числе с Л. Блуа, Я. Демлем и даже М. Вивегом²²), в конце концов, и в статье о вечном течении, в которое не следует вмешиваться²³. Потебня местами лишь пересказывает сюжет этих фрагментов, которые, покинув подспудные течения бытия, появляются вновь и вновь на поверхности. Русский мессианизм прокомментирован досконально: русские как всечеловеки, которые являются единственными наследниками греко-римской цивилизации, возвращение к истокам почвы; мужик, который всегда обладает правдой; с другой стороны, западный рационализм, ни к чему не приводящий. Отсюда вытекает и ненависть Достоевского к интеллектуалам, которые, как ему кажется, изменили всем и, главным образом, народу. Тут Потебня взялся за оборону самого себя: либералы жили и живут, как славянофилы, которые тоже пивали шампанское и ездили за границу за счет мужицкого пота и крови: «В смерти дочери Герцена и скверном ‚выверте‘, который она, по его словам, сделала посмертной запиской, он тоже винит ее недостаточно религиозных родителей. Тургенева он зло пародировал в *Бесах*, так что со стороны Тургенева или крайне благодушно, или неискренно было то, что он жал руку Достоевского во время радений, бывших в Москве на Пушкинском празднике»²⁴.

В конце автор сомневается в праве Достоевского возвышаться над остальными со ссылкой на его жизненный опыт. Можно даже сказать, что в этом отношении Потебня считает Достоевского, как ни парадоксально, элитаристом. Цитируя Достоевского, его вы-

²¹ Там же.

²² См. наши статьи *Žánr jako bezprostřední výraz autorovy osobnosti. Deník spisovatele F. Dostojevského a Šlápěje J. Demla. Slovenská literatúra 1990*, č. 4, s. 338-349. *Žánr prozaického deníku Michala Viewegha, poetika, žánrové tradice a souvislosti. STIL 10, Beograd 2011*, s. 309-322. ISSN 1451-3145.

²³ См. нашу статью *Plynutí a událost (K „filozofii“ ruského románu)*. *Slovak Review 2005*, vol. XIV, no. 1, s. 14-22; также в книге *Ruský román znovu navštívený*. Brno 2005.

²⁴ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – С. 589.

сказывание: «я видел народ наш и знаю его, жил с ним довольно лет, ел с ним, спал с ним и сам к злодеям причтен был, работал с ним настоящей мозольной работой, в то время, когда другие, умывавшие руки в крови, либеральничая и подхихикивая над народом, решали на лекциях и в отделении журнальных фельетонов, что народ наш образа звериного и печати его» – Потебня протестует: «Я тоже профессор и в опасении за свою дурную славу спешу уверить, что против правительства не злоумышлял, рук в крови не омывал, над народом не подхихикивал, по мере сил старался узнавать его идеалы, хотя, конечно, не посмею сказать, что я их знаю; что я искренно желаю, чтобы усилия личных воль привели к порядкам, при которых люди, подобные Достоевскому, не будут причитаемы к злодеям»²⁵.

Заметки Потебни по поводу двух русских классиков содержат, следовательно, не только особую концепцию, восходящую за пределы России, но и выраженное его общими словами, однако совершенно ясное политическое кредо.

²⁵ Там же. – С. 590.

С.И. Сухих
(Нижний Новгород)

**СТОЛЕТИЕ НЕПОНИМАНИЯ:
МАНИФЕСТ ФОРМАЛЬНОЙ ШКОЛЫ И ТЕОРИЯ
ОБРАЗНОСТИ А.А. ПОТЕБНИ**

В отношении к своим современникам и предшественникам в науке формалисты были столь же агрессивны, как их литературные собратья-футуристы по отношению к другим поэтам. Они ворвались в науку так же дерзко, эпатажно, крикливо, и с тем же стремлением «сбросить» всех предшественников в науке «с парохода современности», создать новую, небывалую и «единственно верную» науку о литературе.

Академическая наука в тот момент была действительно слаба. В статье «Теория формального метода» Б. Эйхенбаум писал, что она «настолько потеряла ощущение собственного предмета исследования, что самое ее существование стало призрачным»¹.

В принципе это была достаточно меткая и точная характеристика тогдашнего состояния академической науки. Но ведь *до этого*, еще в XIX в., было и другое: был А.Н. Веселовский, был А.А. Потебня, были их ученики. Как же быть с ними?

С Веселовским формалисты почти не полемизировали. Скорее они у него учились, хотя ссылались на него редко. Многие в методологии Веселовского было им не просто близко, но прямо *предшествовало* их собственным методологическим поискам и открытиям.

¹ Эйхенбаум Б. Литература (теория, критика, полемика). – Л., 1927. – С.120.

Совсем другое дело – Потебня. Потебня вызывал у формалистов почти что идиосинкразию. Само имя его для них было, как красная тряпка для быка, и они подвергли его яростной критике, хотя и неглубокой, неосновательной.

Столь яростное неприятие Потебни не случайно. Дело в том, что филологическая концепция Потебни принципиально и категорически антиформалистична (так же как и антисоциологична). Поэтому Потебня – самый опасный противник формализма, куда более опасный, чем социологическое или даже марксистское литературоведение (потому что формалисты сталкиваются с Потебней на одном «поле» – в понимании сущности художественного, в трактовке природы и структуры литературного произведения).

На первом этапе становления и развития формальной школы ориентация поэтики на лингвистику была ее принципиальной установкой.

Но ведь наука о языке тоже неоднородна. Разные научные школы в лингвистике по-разному отвечают на вопрос о сущности языка. Все определения языка, данные лингвистикой, построены на выявлении главной его функции, и при её определении лингвистика неизбежно сталкивается с *двойственной* природой языка.

Сущность такой двойственности заключается в том, что, с одной стороны, язык есть «орган образования мысли», орудие мышления, т. е. имеет *познавательную* функцию, а с другой стороны, язык есть «средство общения», т. е. имеет функцию *коммуникативную*. Это неустранимая антитеза, ее нельзя снять, как нельзя в философии снять антитезу материального и идеального. Теория языка всегда развивается либо в том, либо в другом направлении, и на основе этой антитезы формируются две разновидности общих теорий языка: а) теории, в основу которых положено исследование познавательной, *смыслопорождающей* функции языка как главной (самые глубокие и яркие из таких теорий – лингвистические учения Гумбольдта и Потебни); б) теории, в основу которых положено исследование *коммуникативной* функции языка как главной. После Потебни, в XX веке, в лингвистике возобладал *второй* подход; это, по преимуществу, *коммуникативная* лингви-

стика в различных ее разновидностях. Так что теория Потебни и формальная школа противостоят друг другу уже у самых истоков – в понимании сущности, природы и функций слова, языка, – отсюда происходят все дальнейшие их различия.

Вследствие этого в литературоведении возникают два подхода, две эстетические концепции, *две поэтики*, параллельные тем двум концепциям языка, которые возникли в самой лингвистике в связи с двойственной его природой.

Вспомним формулу слова и художественного произведения Потебни: $x \longleftrightarrow a \longleftrightarrow A$.

При коммуникативном подходе к составляющим их элементам x (содержание) вычитается как элемент эстетически *незначимый*; образ (a) *убирается* вообще (никакого a в этом смысле коммуникативная лингвистика и формальная поэтика не признают). Остается A : словесный ряд в его вещной определенности, т.е. *только то, что Потебня называл внешней формой*, причем именно в ее *вещной* определенности (звуков как таковых, без того, что Потебня называл «объективной мыслью», которой «проникнута» внешняя форма слова и еще более – художественного произведения).

Вот почему формализм так решительно восстал против теории *образности* поэзии, особенно в трактовке Потебни, которую сами формалисты к тому же еще и извратили, сводя образность к живописности, изобразительности, а не к иносказательности, как ее понимал Потебня, к тому же и обвинив в таком сведении именно Потебню, т. е. свалив с большой головы на здоровую). Для формалиста художественное произведение – не образ, а *конструкция* самозначимой *суммы приемов организации* вещно-определенного словесного ряда.

Но стоит только отвергнуть теорию образности, как понятия «формы» и «словесного выражения» тотчас сливаются, что неминуемо приводит к пониманию эстетической структуры художественного произведения как *совокупности средств выражения* и к определению поэзии «высказыванием с установкой на выражение» (ср. с определением поэзии как «преобразования *мысли* в слове» и т. д. у А. Потебни).

В этом пункте – одно из самых главных отличий теории формальной школы от теоретической поэтики Потебни. Формальная школа отвергла теорию образности поэзии как ее главного признака. Именно теория образа Потебни стала для формалистов наиболее неприемлемой частью его учения, и именно её они подвергли самой острой критике.

Для Потебни поэзия есть творчество образов и при помощи, посредством образа (внутренней формы). Для формализма поэзия есть конструкция, построение, в котором образ – лишь один из частных и второстепенных элементов. Понятно, что само представление об образе, объем и содержание понятия «образ» у Потебни и формалистов не совпадают. Поэтому естественно, что стрелы формалистской критики были направлены в первую очередь против Потебни.

И этих аргументов «против» было, по существу, два:

во-первых, если Потебня считал, что поэтичность = образности, то формалисты полагали как раз наоборот: поэтичность **не** = образности, образность – лишь один из элементов, приемов поэзии.

Во-вторых, это тем более верно, что Потебня, с точки зрения формалистов (ничем не оправданной), отождествлял образность с наглядностью, живописностью, пластичностью.

Можно с полной уверенностью утверждать, что теорию Потебни формалисты знали плохо, скорее всего из вторых рук, не дали себе труда по-настоящему в нее вникнуть.

Для Потебни действительно **образность равна поэтичности, но вовсе не равна наглядности**; наглядность, живописность, картинность, зрительность и т.п. характеристики могут относиться к *отдельным видам образности*, но не тождественны *образности как таковой*.

Синонимичными слову «образность» в концепции Потебни являются термины «поэтичность», «художественность», «иносказательность», «символичность», но не «наглядность», «живописность», «пластичность». Принципиальным в этом плане можно считать положение Потебни о том, что образ создается не только «указательно», через передачу конкретных признаков явления, но

и «качественно», т. е. через выражение отношения поэта (или героя литературного произведения) к тому, что изображается. Это положение указывает одновременно и на эмоциональную сторону образности, и на ее несводимость к наглядности, живописности.

Вместо образности формалисты предложили в качестве родового признака художественности «ощутимость построения» и, как один из видов его – *затрудненность формы*, а как идеал художественности – **заумь**. Как говорил Р.Якобсон, заумность есть тот фактический предел, к которому на практике стремится поэзия². (Ср. тезис Потебни: «Форма должна быть *прозрачной*». С позиций его «смыслообразующей» теории языка и поэзии «заумный язык» есть нонсенс, оксюморон, такой же, как «безумный ум» или «бесмысленная мысль»).

Б. Энгельгардт, несмотря на все свои симпатии к формализму, считал, что понятие «заумного языка» можно принять как «методологический прием», как обозначение предельной степени «установки на выражение», а не как реальный факт: «Фактически, на практике «заумного языка» как особой, в корне отличной от обыденной речи, языковой системы не существует, да и не может существовать»³

Но что же, если не образность, все-таки является самым общим признаком художественности в литературе)?

Здесь нужно обратиться к статье Шкловского «Искусство как прием», которая и по названию, и по содержанию может рассматриваться как теоретический манифест формальной школы⁴.

В ней сделана попытка ниспровержения теории образности поэзии и обоснования новой теории сущности поэтического.

² Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. – Прага, 1919. – С.68

³ Энгельгардт Б. Избранные труды. – СПб, 1995.

⁴ В качестве «манифеста формальной школы» ее признал Б. Эйхенбаум (Эйхенбаум Б.О. Литературе. – М., 1987. – С. 385), а также многие западные исследователи наследия формальной школы, в том числе В. Эрлих (Русский формализм. История и теория. – М, 1996. – С.58) и А.Ханзен-Лёве, автор одного из наиболее основательных трудов на эту тему [Hansen-Löve A. Der russische Formalismus. Metodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus der Princip der Verfremdung. – Wien, 1978. – С.137].

Здесь нужно внимательно присмотреться к характеру и содержанию самой критики В. Шкловским теории Потебни. Почему на многих литературоведов эта критика до сих пор производит впечатление. Это только потому, что теория Потебни недостаточно известна и по сей день не понята по-настоящему, поэтому-то аргументы Шкловского, достаточно поверхностные, принимаются на веру совершенно некритически. Сама же по себе предпринятая в этой статье критика теории образности Потебни, – одно сплошное *недоразумение*, и в прямом, и в переносном смысле этого слова, т.к. в ней есть и *непонимание* основополагающих идей Потебни, и *подмена* понятий.

Попробуем разобраться в системе аргументации Шкловского.

Вся его критика сводится к тому, что Шкловский оспаривает два основных тезиса: 1) о том, что поэзия = образности; 2) о сущности образности (поэтичности) (правильно ли понимает Шкловский учение Потебни о сущности образности – это другой вопрос; об этом ниже).

«Поэзия = образности» – это действительно краеугольный камень теории Потебни. Иначе говоря, поэтичность, художественность – все это синонимы понятия образности.

А для Шкловского образ есть лишь *один из приемов* поэзии, сама область поэтического значительно шире и включает в себя приемы, не являющиеся образными; следовательно, понятия образности и поэтичности не синонимичны, они не совпадают ни по своей сущности, ни по объему. Есть искусство образное и есть искусство безобразное; «искусство образное переходит в искусство безобразное совершенно незаметно, и восприятия их нами подобны»⁵.

Этот основополагающий контртезис обосновывается несколькими аргументами.

Один из них заимствуется у Овсяннико-Куликовского, который, как пишет Шкловский, «несомненно, внимательно читал книги своего учителя» и, «по всей вероятности, верно»⁶. На самом деле,

⁵ Шкловский В. Гамбургский счет. – М., 1990. – С. 59.

⁶ Там же.

совершенно неверно) понял его мысли. А тезис этот сводится к известному выводу Овсяннико-Куликовского о том, что искусство делится на «образное» (эпос, драма) и «необразное» (лирика, архитектура, музыка). Того, что эта идея Овсяннико-Куликовского ни в какой связи не стоит с теорией его учителя Потебни и с её позиций выглядит совершенно немыслимой и даже абсурдной, В.Шкловский не видит и не оговаривает.

Другой аргумент сводится к тому, что образность не есть специфический признак искусства, поскольку образы встречаются и «как практическое средство мышления», т.е. вне сферы искусства. Этот аргумент представляет собой нечто весомое только для формалиста-опоязовца, принципиально отделяющего сферу поэтическую от «практической», в частности, язык поэзии от общенародного языка, но ровно ничего не значил бы для Потебни, который поэтичность выводил из самой природы языка как такового и в нем видел источник и широкую область поэтического, не отделяя по этому признаку язык поэзии от языка общенародного; кроме того, он признавал правомерность использования образов, т.е. элементов поэтического, в «прозе», в обыденной речи и даже в языке науки. Иначе говоря, этот тезис абсолютно не колеблет его тезиса «поэзия = образности».

Шкловский приводит в качестве примеров два взятых из обыденного словоупотребления возгласа: «Эй, *шляпа*, пакет потерял!» и «Эй, *шляпа*, как стоишь!» – и утверждает, что 1-й является чисто «прозаическим», а 2-й – «поэтическим». Почему? Совершенно неведомо. В одном случае мы имеем дело с метонимией, в другом – скорее с метафорой, и для Потебни оба этих образа являются, несомненно, поэтическими – и по структуре, и по индиксательному, переносному смыслу. А вот отнесение Шкловским 1-го примера к области «прозы», а 2-го – к сфере «поэзии» абсолютно произвольно ничем не доказано.

Третий аргумент (хотя по существу это не аргумент, а только произвольное *допущение*, которое еще надо доказать): «Образ поэтический – это один из способов создания наибольшего впечатления. Как способ он равен по задаче другим [т.е. по логике

противопоставления не образным – С.С.] приемам поэтического языка, равен параллелизму простому и отрицательному, равен сравнению, повторению, симметрии, гиперболе, равен вообще тому, что принято называть фигурой, равен всем способам увеличения ощущения вещи»⁷. Стало быть, метафорический перенос в выражении: «Эй, шляпа, как стоишь!» – о котором идет речь, – это образ, а все остальные перечисленные «приемы», которым он «равен», – не образы? По логике Потебни – это абсурд. Но такова логика В. Шкловского.

Однако самое главное – полемика Шкловского с Потебней о сути образа. Фокус здесь заключается в том, что Шкловский *подменяет понятия*, причем иногда весьма ловко, используя некоторые формулировки и определения самого Потебни.

Ведь всё дело в том, *какие* это определения. У Потебни их много и они разные: а) есть самые общие и принципиальные, *родовые*, относящиеся *ко всем видам* образности; и есть такие, которые б) относятся только к *некоторым* видам образности либо в) подчеркивают лишь некоторые *функции* образа, т.е. частные, *видовые*.

Критикуя Потебню, Шкловский *никогда* не приводит определений типа «а» и выбирает для примеров лишь определения типа «б» и «в», т.е. не общие и фундаментальные, а частные и функциональные, не родовые, а видовые; он подменяет общее частным, выдает частное за общее.

Давайте посмотрим. «Потебня и его многочисленная школа, – пишет Шкловский, – считают поэзию особым видом мышления – мышления при помощи образов и задачу образов видят в том, что при помощи их сводятся в группы разнородные предметы и действия и объясняется неизвестное через известное». Далее он приводит одно из частных определений образности Потебни: «Или, говоря словами Потебни: «Отношение образа к объясняемому: а) образ есть постоянное сказуемое к переменчивым подлежащим = постоянное средство аттракции переменчивых апперципируемых <...> б) образ есть нечто гораздо более простое и ясное, чем объясняемое», «так как цель образности есть приближение значения

⁷ Шкловский В. Гамбургский счет. – С.61

образа к нашему пониманию и так как без этого образность лишена смысла, то образ должен быть нам более известен, чем объясняемое им». А затем иронически заключает: «Интересно применить этот закон к сравнению Тютчевым зарниц с глухонемыми демонами или к гоголевскому сравнению неба с ризами господ»⁸. Получается, что суть образа «по Потебне», его цель и смысл – сведение сложного к простому, неизвестного к известному, – «узнавание».

Здесь все основано на смешении и подмене понятий.

Во-первых, Потебня подразделял образность на два вида – *синекдохическую* и *метафорическую* (последнюю – в широком смысле, включая в неё и метонимический принцип переноса значений). По отношению к тому или другому виду «приближение значения образа к нашему пониманию», то есть «узнавание» (как это совершенно неверно и упрощенно «переводит» Шкловский) имеет *разный* механизм и соответственно *разный* смысл. Суть, специфика и механизм образов *синекдохического* типа в том, что образ, (т.е. внутренняя форма, «представление») и значение соотносятся по принципу *однородности* и достигают цели (обобщения), «когда понимающий узнает в них *знакомое*: «я это знаю, это так», «я видал, встречал таких», «так на свете бывает»⁹. Здесь на самом деле имеет место «узнавание» в смысле Шкловского – как «опознание» ранее известного. Образы же *метафорического* типа строятся на соотнесении *разнородных* явлений, и при их сближении образуют *новый* признак, который и выделяется в качестве внутренней формы. Поэтому «узнавание» здесь *другое* – не «опознание» известного, а *познание нового, неизвестного*, узнавание в смысле *прибавления* к старому знанию *знания нового*.

Во-вторых, тезисы о том, что «образ должен быть нам более известен, чем объясняемое им» и о том, что «образ есть постоянное сказуемое к переменчивым подлежащим», относятся не только к «синекдохическому», но к любому образу, однако *лишь в том самом широком смысле*, согласно которому по теории Потебни 1)

⁸ Шкловский В. Гамбургский счет. – С. 59.

⁹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 342.

значение (x) всегда больше образа (a) и поэтому в принципе это a при любой степени его сложности все равно представляет собой нечто более простое и легче «узнаваемое», чем представляемое им значение x ; 2) это x к тому же может варьироваться до бесконечности в зависимости от особенностей и состояния воспринимающего сознания, которое соотносит a с «переменчивыми подлежащими» x_1, x_2, x_3 и т.д.¹⁰ Но такие тонкости В. Шкловский совершенно игнорирует, принимая во внимание лишь ближайший смысл вырванных из контекста определений (к тому же трактуемых прямолинейно и упрощенно).

В-третьих (и это самое главное), *наиболее общее*, фундаментальное определение сущности образа Потебня дает *только* в своей «общей формуле поэзии» ($x > a$), содержание которой он расшифровывает так: « x по отношению к a есть всегда нечто *иное*, часто даже *неоднородное*. Поэтому... *поэзия есть иносказание*»¹¹.

Вот *это, и только это* определение есть базовая, наиболее общая и фундаментальная дефиниция сущности поэтичности, т.е. образности, у Потебни. И только содержание *этого* определения может быть предметом обсуждения, если кто-либо хотел бы оспорить или опровергнуть как взгляд Потебни на сущность образа, так и его знаменитое уравнение «образность = поэтичности».

Наконец, еще один момент. Сводя цель образа в понимании Потебни к «узнаванию», к сведению неизвестного к известному, сложного к простому, т.е. упрощая и примитивизируя его теорию образа, Шкловский в своей основополагающей статье все время оперирует понятиями «экономии мышления», «экономии творческих сил» и т.п., действительно употреблявшихся Потебней и

¹⁰ Ирония Шкловского по поводу образов вроде тютчевских «глухих демонов» и гоголевских «риз господ» уместна была бы, если бы содержанием этих образов были бы действительно только внешние предметы – «зарницы» или «небо», как он полагает. На самом деле содержанием их является *восприятие* зарниц и неба наблюдающими их субъектами и связанное с этим *состояние* их душ, и сложность их лишь отчасти передается данными сравнениями, яркими, точными, но отнюдь не исчерпывающими *всего* содержания этих восприятий и состояний.

¹¹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – С. 367.

особенно потебнианцами, но при этом опять-таки сводит все содержание этих понятий к прямому значению слова «экономия», т.е. к «сокращению», «минимизации» и т.д. При этом он ссылается на Овсяннико-Куликовского, Авенариуса, Петражицкого, Спенсера и др. Но Потебня (а часто и Овсяннико-Куликовский) под «экономией мышления» имели в виду вовсе не *минимизацию* творческих усилий, а «сгущение мысли» как в образе, так и в понятии, причем механизмы этого «сгущения» в образе и понятии, по Потебне, принципиально *различны*. «Сгущение мысли» в *понятии* у него означает очищение значения слова от всего несущественного и сжатием только *сущностного* ядра мысли о явлении. «Сгущение мысли» в *образе* есть нечто совершенно другое – «замещение массы разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» (когда один признак *представляет* множество других). *Только в этом смысле* образ «экономит мышление», «творческие усилия», и поэтому «человек, располагающий сознательно значительным количеством поэтических образов, – писал Потебня, – располагающий ими так, что они свободно приходят ему на мысль, тем самым будет иметь в своем распоряжении огромные мысленные массы»¹². Такая «экономия» ничего общего не имеет с упрощением, минимизацией, сокращением мыслительной деятельности. Наоборот, это активизация, усложнение и уплотнение мысли.

Вот теперь мы можем перейти от «критической» части статьи Шкловского к ее «позитиву», т.е. к его «новой теории поэзии», к его пониманию *сущности* поэтического, художественного.

Он прямо противопоставляет его теории Потебни: «Отличие нашей точки зрения от точки зрения Потебни можно формулировать так: образ не есть постоянное подлежащее при изменяющихся сказуемых. Целью образа является не приближение значения его к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание «виденья» его, а не «узнаванья»¹³.

¹² Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – С. 520.

¹³ Шкловский В. Гамбургский счет. – С. 68.

Данный тезис – подчеркнем еще раз – противопоставляется не базовому понятию образности и поэтичности у Потебни, а частным и боковым определениям. Это должно было помочь Шкловскому придать своим дефинициям статус «всеобщности». Достигает ли он этой цели – другой вопрос; сейчас нам важно другое – понять, *какое же качество* искусства создает, с его точки зрения, возможность не «узнавания», а «видения» предмета. Это качество Шкловский выделяет и обозначает своим знаменитым, краеугольным в формальной теории понятием и термином *остранение*.

И в качестве иллюстрации Шкловский приводит свой знаменитый анализ сцены в театре в «Войне и мире» Л. Толстого как пример «остраненного» изображения **театра**. В этой сцене перед нами (по Шкловскому) «остраненное» «описание театра», данное для усиления видения «вещи», т.е. того же театра.

Как будто бы писателем сделано всё для того, чтобы не «приблизить к нашему пониманию значение образа» (Потебня), а – по Шкловскому – описываемую «вещь» (оперный спектакль), но, наоборот, отдалить, сделать её странной, непривычной и непонятной. Из трех глав 5-й части, посвященных событиям в театре, Шкловский выбирает и цитирует только описания оперного действия, опуская всё, что им предшествует, – всё, что происходит с героями (романа, а не оперы) во время действия и в антрактах.

Но здесь все дело именно в том, что считать предметом описания, той «вещью», которая в нем дается, тем «значением образа», которое «приближается» или отдаляется от нашего понимания. Для Шкловского это – театр, т.е. театральный оперный спектакль.

Но ведь это *«театр»*, *увиденный глазами Наташи Ростовой*, которой в тот момент вовсе не до театра и не до спектакля, данный глазами человека, который смотрит на происходящее, будучи поглощен своими совсем не театральными переживаниями и потому замечает только внешнюю сторону этого происходящего, не вникая ни в смысл театральных условностей, ни в содержание спектакля. Т.е. *предмет* изображения и *содержание* этих сцен вообще не театр сам по себе, а *«диалектика души» Наташи Ростовой* в тот переломный момент ее жизни, который она переживает, по

стечению обстоятельств, в театре. Театр как таковой тут вообще ни при чем – мог быть бал, или скачки, или еще что-либо.

Наташа ведь не в первый раз в опере, оперный язык для нее привычен и понятен, недаром до этого она и в счастливую минуту жизни поет «свою любимую музыкальную фразу из херубиниевой оперы», и в минуту тягостную, грустную перебирает струны гитары, «выделявая фразу, которую она запомнила из одной оперы, слышанной в Петербурге вместе с князем Андреем».

И только после спектакля, дома, Наташа, «вдруг вспомнив князя Андрея, ужаснулась». «Что ж со мной было? Ничего. Я ничего не сделала, ничем не вызвала этого. Никто не узнает, и я не увижу его больше никогда, – говорила она себе. Стало быть, ясно, что ничего не случилось, что не в чем раскаиваться, что князь Андрей может любить меня и *такою*. Но какую *такою*? Ах боже, боже мой! Зачем его нет тут!» Наташа успокаивалась на мгновенье, но потом опять какой-то инстинкт говорил ей, что хотя все это и правда и хотя ничего не было, – инстинкт говорил ей, что вся прежняя чистота любви ее к князю Андрею погибла».

Вот о чем эти сцены в театре, – не об оперном спектакле, а о том, как *погибла любовь* и как возникла пагубная страсть к Анатолю.

Предмет и содержание этого образного описания – *не театр*, не оперный спектакль, а *движение психологических состояний Наташи*, и это оно «приближается к нашему пониманию», благодаря такому «странному» для человека высокой культуры, несомненно понимающего в искусстве, знающего значение театральных условностей, невольно отмечающего в музыкальном оформлении спектакля даже «хроматические гаммы и аккорды уменьшенной септимы», восприятию спектакля. Это движение души именно «приближается» к нашему пониманию (по Потебне), а не «отдаляется» и не «затрудняется» (по Шкловскому). Наташа не в первый раз в опере, но в первый раз – в таком сложном психологическом состоянии, и как раз передача этого состояния является «целью образа», в том числе «странного» описания оперного действия, а не «остранение вещи» (спектакля) само по себе. Это как раз такой случай, когда «одно содержание» (странное воспри-

ятие спектакля) становится, по Потебне, «формой другого содержания» (формой выражения психологического перелома в жизни героини). И это «остранение» есть не что иное, как *иносказание*, – то, что выражается «общей формулой поэзии» ($x > a$).

Впрочем, никакой «психологии» для формалиста в художественной конструкции как таковой нет. Все это внеэстетический «материал», так же как и элемент толстовской идеологической оценки тех или иных институтов общества, находящей выражение в той или иной форме «остранения» (например, при описании института собственности «глазами лошади» в «Холстомере»). В. Эрлих с восторгом поддерживает В. Шкловского в том, что того «совершенно не занимает идеологический аспект рассматриваемого приема. Его интересует другое – развенчание штампов, замена «высоких слов», набора громких фраз, каким обычно пользуются, говоря о театральной постановке, о церковном причастии или о частной собственности, простым, «наивным языком»¹⁴. Но если литературовед не видит в сценах «Войны и мира», рассказывающих о трагическом моменте жизни героев, моменте «гибели любви», никакой «психологии», а видит только «крашенные картоны» в описании спектакля, на фоне которого разворачивается эта трагедия души, то это говорит лишь о границах его методологии, позволяющей видеть одно и закрывающей возможность видеть другое. В данном случае, повторим, «остраненное» описание спектакля – только способ, форма выражения психологических состояний героини романа, а вовсе не самоцель. Это одна из форм *иносказания*.

И любое другое «остраненное» описание: «института собственности» «глазами лошади» в «Холстомере», или сражения, или салона, или плена, или суда, или чего-либо еще – всегда имеет у Толстого конкретную содержательную функцию, в каждом случае очень индивидуальную, и хотя все эти случаи покрываются понятием «остранения», но само это понятие становится очень отвлеченным, абстрактным, схватывающим действительно самый общий внешний формальный принцип изображения. И только в этом внешнем формальном смысле это понятие имеет научное

¹⁴ Эрлих В. Русский формализм. История и теория. – М, 1996. – С.175

значение. И все равно оно покрывается понятием «иносказания», так что не образ (иносказание, по Потебне) – разновидность «остранения», а наоборот, остранение – разновидность образа (иносказания)

«Остранение» и «затрудненная форма», по Шкловскому, должны были заменить в теории искусства понятие образа как родовой, универсальной категории поэтического, эти способы изображения, с его точки зрения, и есть главные средства «торможения» восприятия, «душа всех приемов», а образ – только один из многих таких приемов.

Однако все приведенные им в статье «Искусство как прием» многочисленные примеры «остранения» есть примеры разных видов *образа*, если только образ понимать как «иносказание», как признак, совокупность признаков, несоразмерную с представляемым ею значением, т.е. в том общем и фундаментальном смысле, который предлагает Потебня в «общей формуле поэзии» ($x > a$), а не в тех смыслах, которые приписывают его теории образа формалисты.

Вот Шкловский приводит пример «остранения» из Гамсуна: «Два белых чуда виднелись у нее из-за рубашки». И тут же, в следующей фразе, вводит другие примеры, но – обратим внимание – как, каким словом вводит: «*Или* эротические объекты изображаются *иносказательно...*» Слово «*или*» должно означать, что предыдущий пример из Гамсуна не иносказателен. Но разве «два белых чуда» – не иносказание? И весь дальнейший длинный список примеров Шкловского представляет собой именно разные виды «иносказаний», т.е., по Потебне, «образов». Точно так же и все виды психологических параллелизмов, которые Шкловский приводит в статье о сюжетосложении и считает приемами не «образными», есть тоже разные виды «иносказаний» (т.е., по Потебне, «образов»).

В общем, ниспровержения «образной теории искусства» и опровержения Потебни в статье «Искусство как прием», не получилось. Странно, с какой легкостью парадоксы Шкловского принимались и до сих пор принимаются на веру¹⁵.

¹⁵ Это касается даже мелочей, даже явных и порой вопиющих ошибок и нелепостей. В книге «Гамбургский счет», критикуя горьковского «Самгина»,

Виктор Эрлих решительно пишет в своей книге о формализме: «Шкловский и Якобсон были абсолютно и безусловно правы, протестуя против приравнивания поэтического языка к образности»¹⁶. Да, *правы*, если под образом понимать *частную* разновидность «приема» и притом как *неизменную* и не изменяющуюся¹⁷. Нет, *не правы*, причем тоже «абсолютно и безусловно», если под образом понимать «иносказание» и видеть сущность поэтического в «несообразности образа и значения», а не в «приемах расположения» «материала». *Не остранение и затруднение, как доказывали формалисты, а иносказание, как считал А.А. Потебня, – «душа всех приемов»; остранение и затруднение – лишь виды, формы, типы иносказания.*

Шкловский уличил его автора чуть ли не в плагиате. В известной сцене ловли несуществующего сома он увидел «цитату» («сом цитатный») из Бальзака, у которого в романе «Крестьяне» точно так же, как пишет Шкловский, «ловят несуществующую *рысь*». Что из того, что у Бальзака ловят не рысь, а *выдру*? Статья Шкловского переиздавалась десятки раз, и многие сотни, если не тысячи раз цитировалась, и везде, из издания в издание, из статьи в статью благополучно чочевала эта выдуманная самим Шкловским якобы бальзаковская «рысь».

¹⁶ Эрлих В. Русский формализм. История и теория. – С.173

¹⁷ Как писал в той же статье «Искусство как прием» В.Шкловский, «образы почти неподвижны; от столетия к столетию, из края в край, от поэта к поэту текут они, не изменяясь. Образы – «ничьи», «божьи»... Вся работа поэтических школ сводится к накоплению и выявлению новых приемов расположения и обработки словесных материалов и, в частности, гораздо больше к расположению образов, чем к созданию их» (Шкловский В. Гамбургский счет. – С. 60).

С.Б. Кураш
(Мазыр)

А.А. ПАТАБНЯ І НЕКАТОРЫЯ ПРАБЛЕМЫ ЛІНГВАМЕТАФАРАЛОГІІ: ПОГЛЯД З СУЧАСНАСЦІ

Сучаснае вучэнне пра метафару, якое абапіраецца на вельмі працяглую традыцыю вывучэння гэтага феномена, уяўляе сабою комплекс розных кірункаў, падыходаў, дысцыплін, што аб'ядноўваюцца на дадзеным этапе пад сцягам спецыяльнай міждысцыплінарнай галіны ведаў – метафаралогіі, якая практычна замацавалася ў якасці самастойнай навуковай дысцыпліны. Лінгвістычнае адгалінаванне метафаралогіі – лінгваметафаралогія – з'яўляецца цэнтральным і найболей распрацаваным з шэрагу іншых кірункаў навукі пра метафару.

У апошнія дзесяцігоддзі цікавасць да метафары пазначылася «на новай хвалі», у сувязі з некаторым «пераацэньваннем каштоўнасцяў» у стаўленні да яе. «В предыдущие периоды метафора рассматривалась преимущественно как средство создания образности в языке и способ «украшения» речи, т. е. в рамках риторики, поэтики, стилистики и теории литературы. В 70-е годы началось активное изучение метафоры в парадигмах когнитивной лингвистики, психолингвистики, позже – лингвокультурологических штудий, которое показало: метафора является необходимым, «неизбежным» элементом языка, потому что она представляет собой такой способ осознания мира, без которого человек не может обойтись»¹.

¹ Опарина Е.О. Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX века: сб. обзоров. – М., 2000. – С. 186.

Разам з тым, як паказвае гісторыя развіцця шматлікіх навук (і навука пра метафару тут не выключэнне), у большасці ідэй, якія здаюцца інавацыйнымі, караняцца думкі, выказаныя ў мінулым.

З поўнай падставай сказанае можна аднесці да таго, што ў свой час напісаў пра метафару выдатны ўкраінскі і рускі лінгвіст і мысляр Аляксандр Апанасавіч Патабня.

Метафарам і іншым вобразным сродкам мовы прысвечана значная частка яго знакамітай працы «Из записок по теории словесности» (у прыватнасці, часткі «О тропах и фигурах вообще», «Синекдоха и эпитет», «Метонимия», «Метафора», «Сравнение», «Виды метафоры со стороны качества образа и отношения к значению» і інш.), якая і з'явілася імпульсам да з'яўлення прапанаваных нататак. І хоць напісанае А.А. Патабнёй пра метафару ў цэлым укладваецца ў межы рыторыка-паэталагічнай парадэгмы, тым не менш, можна сцвярджаць, што шэраг выказаных ім думак у пэўнай ступені апярэдзіў свой час і шмат у чым прадвызначыў некаторыя канцэптэуальныя пазіцыі, паводле якіх фарміруюцца вектары сучасных лінгваметафаралагічных пошукаў.

Мы спынімся на некаторых з іх, якія, як нам падаецца, з'яўляюцца метадалагічна значнымі для далейшай распрацоўкі тэорыі метафары, удакладнення і паглыблення ўяўленняў пра яе семіятычную і моўную прыроду і знаходзяць сваіх паслядоўнікаў у ліку сучасных даследчыкаў метафорыкі.

1. Пераадоленне атамарнасці ў трактоўцы кантэксту метафары.

У сувязі з вывучэннем паэтычнай метафары ў кантэксталагічным аспекце ў працах шэрага даследчыкаў у першую чаргу было пастаўлена пытанне пра мінімальную моўную адзінку, здольную выступаць у якасці кантэксту метафары.

Разгледзім прыклады – бінарныя метафарычныя сінтагмы тыпу *вясёлы вецер, восень плача, лютэрка возера*.

*Тут і далей у артыкуле ўсе цытаты і назвы навуковых прац падаюцца на мове арыгінала.

Паводле аднаго падыходу (субстытуцыянальнай тэорыі), гэтыя бінарныя можна тлумачыць адпаведна як ад'ектыўную метафару (метафарызацыя прыметніка *вясёлы*), дзеяслоўную (метафарызацыя дзеяслова *плача*) і субстантыўную (метафарызацыя назоўніка *люстэрка*). Нярэдка можна сустрэць вызначэнне такіх метафар як аднаслоўных².

Разам з тым правамернасць ужывання гэтага тэрміна адначасова з паняццем двучленных і мнагачленных метафар уяўляецца спрэчнай, бо ў любым выпадку ў метафары мы будзем мець справу з адным з падвідаў сэнсавых адносін паміж тым, што параўноўваецца і тым, з чым параўноўваецца нешта, у бінарных (прынамсі) метафарычных словазлучэннях.

Асновы такога падыходу можна назіраць у развагах А.А. Патабні, якім аспрэчваўся, у прыватнасці, пункт гледжання Ф.І. Буслаева: «Буслаев говорит, что в случае метафоричности прилагательное и глагол отличаются от существительного тем, что переносят свое значение не *сами по себе* (как существительные), а только по отношению к существительным, т. е. переносят свое значение, применяясь к различным предметам. Например, *тухлый* (чуть слышный) *гром*; *сочная* (глубокая), *сытая* (полная, покрывающая мели) *вода*; *сладкий* (южный, обещающий плодородие) *ветер*; *тешить* корову (доить), *замереть* (о листьях), завянуть, поблекнуть (...). Это различие неверно. Какою бы частью речи ни было не только метафорическое, но вообще иносказательное слово, его иносказательность узнается по контексту»³.

У прыведзенай цытаце закладзены асновы падыходу, вельмі прадуктыўнага для развіцця тэорыі спараджэння метафарычнага кантэксту як семантычна адзінага кантынуума, выяўлення ў ім імпліцытных зв'язнаў метафарызацыі, параўн.: «Метафора в части предложения делает метафоричным все то целое, которое нужно для ее понимания, т. е., например, «хоть каплю жалости храня»

² Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам. – Т. 2. – Вып. 181. – Тарту, 1965. – С. 293–299; Москвин В.П. О структурных типах русской метафоры // Рус. язык в школе. – 1999. – № 5. – С. 74–75.

³ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М., 1990. – С. 206.

(Пушкин): жалость – жидкость, которую хранить можно в сосуде, каким, стало быть, представляется человек (...) Метафора может заключаться во всяком члене предложения, причем остальные, первоначально (т. е. до сочетания) неметафоричные, становятся метафоричны»⁴.

Падыход, прапанаваны навукоўцам, можна прасачыць у шэрагу прызнаных на сучасны момант канцэпцый метафары, у першую чаргу тых, якія прызнаюць, што прырода метафары перш за ўсё сінтаксічная (спалучальнасная, сінтагматычная). Такім чынам, семасіялагічныя змены (метафарызацыя слоў) – гэта вынік працэсу спараджэння выказвання асобага роду, у аснове якога ляжыць узаемадзеянне двух сэнсаў (тэорыя ўзаемадзеяння: А.А. Рычардс, М. Блэк, Дж. Лакофф і інш.), ці, у сінтаксічнай інтэрпрэтацыі, – двух сказаў (тэорыя сінтаксічнай дэрывацыі: Л. Мурзін, Т. Сімашка, М. Літвінава і інш.). Параўн., у прыватнасці, думку Л. Мурзіна: «Мы обнаруживаем метафору лишь в некотором сочетании слов, которое может быть равно целому тексту. Если так, то мы должны признать, что носителем метафоры является словосочетание, предложение или текст. Для такого утверждения есть все основания. И всё-таки, наверное, не случайно на протяжении веков лексикографы упорно говорили о метафорическом значении именно слова. Действительно, в сочетаниях *рог месяца, серп луны, серебро снега* и т. п. зависимым словам мы не можем приписать никакого переносного смысла, хотя без них метафора бы тоже не состоялась; лишь первые слова не могут быть поняты в прямом, буквальном смысле. Значит, метафора выражена и в слове, и не только в слове в одно и то же время»⁵.

Яшчэ цясней з развагамі А.А. Патабні салідарызуюцца В.І. Зімін і Э.А. Мадэбдзе ў сваёй трактоўцы метафарызацыі слоў розных лексіка-граматычных класаў: «В процессе метафоризации участвуют прежде всего имена существительные, обозначающие

⁴ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М., 1990. – С. 206.

⁵ Мурзин Л.Н., Симашко Т.В., Литвинова М.Н. Как образуется метафора (деривационный аспект). – Пермь, 1993. – С. 3–4.

конкретные предметы. Эти существительные являются базой процесса метафоризации вообще и основными компонентами метафорических конструкций независимо от того, метафоризируется ли существительное, прилагательное, глагол или наречие»⁶.

Такім чынам, пад кантэкстам метафары варта разумець некаторы тэкставы сегмент, межы якога вызначаюцца засяроджваннем у іх адзінай агульнай метафарычнай асацыяцыі, якая зыходзіць ад некаторага цэнтра і абумоўлівае зададзенае лексічнае асяроддзе. Вылучэнне ж у гэтым кантэксце «метафарызаваных» і «неметафарызаваных» назоўнікаў, прыметнікаў, дзеясловаў і інш. – гэта не што іншае, як чыста даследчы прыём, што ў пэўнай ступені адводзіць ад метафарычнай семантыкі цэлага ў бок граматычнай формы складовых частак гэтага цэлага.

Прымаючы на ўзбраенне выкладзены падыход, можна вырашаць і далейшыя задачы, у прыватнасці, вызначыць на адзінных тэарэтычных падставах заканамернасці спараджэння і функцыянавання метафары ў кантэкстах большай працягласці, такіх, як тэкст, жанр, стыль, інтэртэкст, у поле якіх метафара здольная выходзіць падчас свайго разгортвання⁷.

2. Шырокае разуменне метафары як мадэлі тروпаўтварэння і семіятычнага механізма, супрацьпастаўленае яе вузкай трактоўцы – як аднаго з выглядаў тропаў. Пры вызначэнні метафары ў самым пачатку прысвечанай ёй частцы, А.А. Патабня піша: «Метафора есть перенесение постороннего слова (т. е. слова с другим значением по отношению к значению искомому: а) или от рода к виду, б) или от вида к роду, в) или от вида к виду, г) или по соответствию (сходству), а) и б) синекдоха, в) метонимия, г) метафора в тесном смысле»⁸. Такі падыход факусуе агульнасеміятычны погляд на метафару як на радавое паняцце ў адносінах да любых формаў множання сэнсаў пры дапамозе моўных знакаў, і першым чынам – у адносінах да

⁶ Зимин В.И., Модебадзе Э.А. Метафора и метонимия // Рус. язык в национальной школе. – 1977. – № 2. – С. 78.

⁷ Кураш С.Б. Метафора и её пределы: микроконтекст – текст – интертекст. – Мозырь, 2001. – 118 с.

⁸ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – С. 201.

тропаў, параўн.: «На наш взгляд, наиболее оптимально сегодня максимально широкое определение метафоры: когда ею является и собственно метафора, и символ, и аллегория, и эмблема, и персонификация, и гипербола, и симфора, и семиметафора, и метафорический эпитет»⁹; «Поскольку объем и содержание понятия «троп» определяется понятием «метафоры» в широком смысле, включающей сравнение, гиперболу, метонимию, синекдоху, перифразу и другие языковые средства, метафоре отводится первое место как «первотропу» в том смысле, что она является самым главным средством метафоризации»¹⁰.

Такая пашыраная трактоўка метафары накіроўвае на перспектыву яе паглыбленага вывучэння ў статусе прынцыпу мыслення, мадэлі стварэння семіятычна складаных форм дыскурсу.

Звярнем увагу на шэраг іншых важных тэзісаў адносна метафары і суадносных з ёй з'яў, заяўленых Патабнёй.

Гэта першым чынам кароткія, але досыць ёмістыя заўвагі лінгвіста адносна таго, што ў сучаснай лінгваметафаралогіі складае яе кагнітыўнае адгалінаванне. Вельмі сугучна да сучасных метафаралагічных пастулатаў гучаць, напрыклад, словы А.А. Патабні пра запатрабаванасць метафары прагматыкай камунікатыўных зносін: «Необходимость метафоры (или метафорического сравнения) сказывается особенно наглядно в тех случаях, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденных неопределенным множеством действий, слов и пр.»¹¹. Вядома, што пазнавальная роля метафары адзначалася яшчэ мыслярамі старажытнасці (хоць выказваліся і процілеглыя меркаванні – пра адмоўны ўплыў метафары на фарміраванне думкі: параўн., напрыклад, пункт гледжання Т. Гобса і інш.), аднак абсалютная большасць папярэднікаў і сучаснікаў А.А. Патабні адводзілі метафары толькі дэкаратыўна-рытарычныя пазіцыі. Пройдзе амаль стагоддзе з часу выкладу сваіх думак

⁹ Тимошенко Ю.В. Метафора в структуре художньої свідомості : автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Київ, 2001. – С. 7.

¹⁰ Белецкая Е.В. Моделирование особенностей конструирования метафоры: автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Тверь, 2007. – С. 5.

¹¹ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – С. 204.

пра метафару выдатным славянскім навукоўцам, перш чым яны стануць адпраўнымі ў шматлікіх лінгваметафаралагічных штудзіях. Ср.: «Сам термин «метафора» давно вышел за рамки поэтико-риторического употребления. Как метафорические рассматриваются даже элементы ландшафта, предметы дизайна, исторические и социальные события, художественные стили и средства, направления в развитии информационных технологий и мн. др. Именно всплеск всестороннего интереса к метафорогенной деятельности и механизму метафоризации, глубокое исследование различных ее сторон позволили в свое время А. Вежбицка, вслед за Н. Blumenberg, утверждать, что метафорология – отдельная самостоятельная ветвь лингвистических исследований»¹²; «Метафора – это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует»¹³.

А.А. Потабня закрануў і інтэрпрэтацыйны аспект метафарызацыі, фактычна сфармуляваў палажэнне пра яе прэсупазітыўныя падставы, параўн.: «При создании слова (и сравнении) знак берется из ближайшей обстановки внешней и внутренней (т. е. того прошедшего и отдаленного, которое в данную минуту близко нашей мысли); но для того, чтобы из этой обстановки взять именно то-то и для того, чтобы взятое получило для нас именно такое-то значение, нужно, чтобы предварительно это значение было в нас (не в той ясности, которая достигается лишь после представления, а в виде хотя бы и темного вопроса)»¹⁴.

¹² Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – 114 с.

¹³ Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001. – С. 33.

¹⁴ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – С. 205.

Нарэшце, варта асоба адзначыць тое, што навуковец у сваіх развагах не абмежаваўся такімі традыцыйнымі кантэкстамі, як слова, словазлучэнне і нават сказ, у межах якіх метафара традыцыйна разглядалася як да яго, так і доўгі час пасля. Ён робіць адну з першых сур'ёзных спроб «вываду» метафары ў тэкстаўтварэнне і жанраўтварэнне, уключае ў метафаралагічную парадыгму жанратыпы, семіятычна роднасныя да метафары. Вось некаторыя яго развагі на гэты конт: «Вопросы почему и для чего, а равно следует ли, должно ли, – т. е. вопросы о причине и цели, таковы, что неизвестное в них по разъяснении может оказаться только отношением мысленных единиц. Ответ на эти вопросы не вмещается в грамматическое единство (т. е. предложение или грамматическое сочетание предложений) и составляет по отношению к вопросу нечто самостоятельное, ибо винословное сочетание предложений (с потому что, ибо) включает в себе и повторение вопроса. Таким образом, если ответ на почему, для чего метафоричен, то он составляет особую сложную метафору: аллгорию, басню, притчу»¹⁵; «В тесном смысле метафорична та ирония, в которой представление берется из круга мыслей, не имеющего видимой связи с обозначаемым»¹⁶.

Асобай увагі тут заслугоўвае аналіз падабенстваў і адрозненняў у прыродзе метафары і міфа, пра што пасля будзе пісаць цэлы шэраг даследчыкаў, а таксама распрацоўвацца канцэпцыі метафары як асобага тыпу тэксту і жанру. Параўн.: «Объясняя мифы, мы вовсе не переводим *метафорического* и первобытного языка на *простой и современный*. Если бы мы делали это, то наше толкование было бы умышленным искажением, анахронизмом. Мы только подыскиваем подлежащие, не выраженные словом, к данным в мифе сказуемым и говорим, что предмет такого-то мифического объяснения (=корова) было восприятие тучи. Метафоричность выражения, понимаемая в тесном смысле, начинается одновременно со способностью человека сознать, удерживать различие между субъективным началом познающей мысли и тем ее течением, кото-

¹⁵ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – С. 238–239.

¹⁶ Там сама. – С. 275.

рое мы называем (неточно) действительностью, миром, объектом. И мы, как и древний человек, можем назвать мелкие, белые тучи *барашками*, другого рода облака *тканью*, пушу и жизнь – *паром*; но для нас это только сравнения, а для человека в мифическом периоде сознания – это полные истины до тех пор, пока между сравниваемыми предметами он признает только несущественные различия, пока, например, тучи он считает хотя и небесными, божественными, светлыми, но все же барашками; пока *пар* в смысле жизни есть все-таки, несмотря на различие функций, тот же пар, в который превращается вода»¹⁷.

Не випадкова, што на адзначаным моманце асоба спыняецца ў сваіх успамінах пра Патабню як пра ўніверсітэцкага прафесара адзін з яго вучняў, рэдактар-выдавец прац навукоўца – В.І. Харцыеў: «Вслед за разбором элементов поэзии, тропов, А.А. всегда переходил к сложным формам поэтических произведений, представляющих те же метафоры, синекдохи. Анализ простых и сложных тропов, в их прохождении сквозь призму поэтического, мифического и научного мышления, приводил прямо к теории познания, когда дело шло об умозаключении в области метафоры, метонимии и пр.»¹⁸.

... Ад часу напісання неардынарных прац выдатнога прадстаўніка славянскага мовазнаўства А.А. Патабні мінула больш як стагоддзе. Аднак зварот да іх (нават у межах фрагментарнага аналізу) яшчэ раз пераконвае ў тым, што, працы класіка славянскай філалогіі «большай часткай належаць будучыні, чым мінуламу». І гэта сапраўды так.

¹⁷ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – С. 303–304.

¹⁸ Харциев, В.И. Воспоминания об Александре Афанасьевиче Потебне // Наукова спадщина О.О. Потебні в контексті сучаснасці. – К., 2008. – С. 70.

*О.В. Іваненко
(Київ)*

СЛОВ'ЯНСЬКА МІФОЛОГІЯ У ТВОРЧОСТІ О.О. ПОТЕБНІ

Праці будь-якого вченого, що жив і творив у позаминулому столітті, – продукт свого часу, що відбиває властивий лише йому спосіб мислення. Доробок О.О. Потебні – яскравий тому приклад. Загальний тогочасний стан науки про мову і характер інтерпретації мовних фактів відбилися у підході до аналізу матеріалу, коли переважали зіставлення фактів різних мов – передусім семантичні, типологічні, проте аж ніяк не структурні чи структурно-семантичні. Принаймні у випадках, коли йшлося про поняттєву сферу духовної культури, про лексику міфологічну.

Часто, як це траплялося, наприклад, у працях О.М. Афанасьєва, через зовнішню подібність слов'янських та іншомовних (насамперед улюблених ним давньоіндійських) слів робилися не завжди або не в усьому точні висновки щодо походження імені міфологічного героя або визначення його функцій. Зосередження ж уваги на семантиці міфологічного слова, на функціях персонажа, які нібито впливають з його імені чи розтиражованого в народі образу, часто призводили до недостатньо уважного ставлення дослідників до структурних показників слова. Акцент на семантиці – всупереч гармонійному поєднанню аналізу семантики слова та його структури – часто спричинявся до не зовсім коректних співвідношень, характерних як для праць Я.Ф. Головацького, П.М. Шпилевського (П. Древляньського), О.М. Афанасьєва, так і для О.О. Потебні.

Разом із Ф.І. Буслаєвим та О.М. Афанасьєвим О.О. Потебню традиційно пов'язують із міфологічною школою. Але якщо О.М. Афанасьєв аналізовані ним явища духовної культури багато в чому й справді поетизував (лишаючись вірним обраній ним концепції), то в аналізі слова-образу О.О. Потебні реальна (іноді виключно матеріальна) основа явища посідає значно вище місце. Так, полемізуючи з П.М. Шпилевським щодо описаної ним опозиційної пари кінських божеств *Вазила – Кумельган*, О.О. Потебня описує саму конструкцію оберега – насаджений на палю кінський череп, і слушно зауважує: «У наступній звістці, що витікає з непевного джерела, але в якому може бути певна доля істини, кінська Мара має напівкінську подобу й розпадається на дві істоти: одна, що захищає коней, інша, що їм ворожа. У Білій Русі в кожного господаря є свій Вазила ... До його символу – кістяка кінської голови на палі, увіткнутої посеред ночівлі, збігаються коні у разі небезпеки, тому до цієї голови не сміє підійти ані звір, ані Кумельган». І далі: «З усього цього безсумнівно лише те, що є звичай настролювати кінську голову на палю, значення цього неясне»¹.

Доробок кожного зі згаданих учених знайшов не лише своїх поціновувачів, але й суворих критиків. Творчості П.М. Шпилевського свою критичну увагу приділив ще О.П. Потебня, а в наші дні – А.Л. Топорков та О.Є. Левкієвська². Найбільше ж пощастило творчості О.М. Афанасьєва, «Поэтические воззрения ...» якого незмінно користувалися й користуються популярністю, проте й вони лише через півтора століття знайшли вдячного й уважного критика³.

¹ Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1865. – Кн. III. – С. 156-157.

² Топорков А.Л. Из истории литературной мифологии XIX века («Белорусские народные предания» П. Древянского) // Рукописи, которых не было. – М., 2002. – <http://new.bestiary.us/books/mehanizmy-sozdaniya-mifologicheskikh-fantomov>; Левкієвська О.Є. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древянского. – <http://new.bestiary.us/books/mehanizmy-sozdaniya-mifologicheskikh-fantomov>.

³ Див.: Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». – М., 2006. – 1006 с.

Значно менше в цьому плані пощастило праці самого О.П. Потебні, невдовзі після виходу якої колишнім наставником вченого – П.О. Лавровським було вчинено «Критический разбор сочинения г-на Потебни «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий». Місцями цей «Розбір ...» аж надто критичний, до чого спричинилися почасти лінгвістичні конструкції О.О. Потебні, почасти – певні суб'єктивні чинники з боку самого П.О. Лавровського, з яким (як і з іншими старшими колегами) наважувався полемізувати молодий український дослідник. Утім, за словами М.Ф. Сумцова, в особі якого бачимо вдячного учня і, водночас, надзвичайно доброзичливого критика творчості Потебні, «в автобіографії Потебні немає жодної тіні від ... темної хмаринки незгоди з П.О. Лавровським». Навпаки, О.О. Потебня із вдячністю згадує про братів П.О. і Н.О. Лавровських⁴.

Незважаючи на все сказане, значення роботи О.О. Потебні, що побачила світ за кілька років до появи праці О.М. Афанасьєва, важко переоцінити – етнографічний матеріал та його інтерпретації доволі широко використовуються у працях вітчизняних та зарубіжних славістів. По суті, фольклорно-етнографічні роботи О.О. Потебні – одна з перших спроб увести українську, східно- і взагалі слов'янську міфологію в коло міфологій індоєвропейських. Під таким кутом зору можна розглядати й іншу працю харківського вченого – «О значении некоторых символов в славянской народной поэзии», а також роботи більшості сучасників О.О. Потебні. Імовірно, причина такого прагнення – обізнаність О.О. Потебні (завдяки П.О. Лавровському) з працями Караджича, Міклошича, Срезневського, що яскраво проступає між рядків багатьох тогочасних славістичних праць його попередників.

Зразком творчого наслідування для О.О. Потебні стали вже відомі на той час праці Густава-Тедора де Паулі – «Description ethnographique des peuples de la Russie» (1862 р.) та Якоба Грімма – «Deutsche Mythologie» (на момент появи праць О.О. Потебні книга витримала щонайменше три видання: третє датовано 1854 р.), що особливо помітно з постійних зіставлень Потебнею слов'янської *Яги* з німецькою

⁴ Сумцов Н.Ф. Современная малорусская этнография. – К., 1893. – Ч.1. – С. 5.

Гольдою (це відзначав і П.О. Лавровский в «Разборе ...»). Згадані праці цитуються в О.О. Потебні чи не найчастіше.

Для авторів міфологічної школи фольклористики (зокрема О.М. Афанасьєва), до яких відносять і О.О. Потебню (принаймні на ранньому етапі його наукової діяльності), характерні спроби осмислити й певним чином систематизувати слов'янську міфологію в контексті індоєвропейського етно- та плоттогенезу. Можна лише погодитися з висновками А.Л. Топоркова, який зазначає, що нереалізовані можливості, що випливають зі спрямованих у далеке майбутнє ідей О.О. Потебні, дедалі краще виявляються в міру розвитку фольклористики, історичної поетики, науки про слов'янські старожитності, порівняльної міфології, етнолінгвістики⁵. І хоча з позицій сьогодення етимологічні спроби міфологів ХІХ ст. видаються дещо наївними, втім...

Матеріал, уміщений в обох роботах О.О. Потебні з міфології («Символах ...» і «Обрядах ...»), в етимологічному плані почасти актуальний і дотепер. Зокрема, дві де в чому споріднені між собою назви – *Куга* та *Паляндра* – пов'язані з чи не найвідомішим у східних слов'ян міфоперсонажем – *Бабою Ягою Кістяною Ногою*.

У своїй роботі «Про значення деяких символів у слов'янській народній поезії» О.О. Потебня, аналізуючи сербські перекази про **Кугу**, зазначав, що народжується вона в небі, у повітрі й має подолати повітряне море, проте на землі самотужки не може перетнути ріку. *Куга* символізує мор, чуму, уявляється часто в жіночій подобі (іноді з почтом) й тотожна чумі-смерті, тобто, на думку О.О. Потебні, *Язі*, а пара *Куга* – *Яга* відповідає німецькій парі *Гольда* – *Берхта*⁶. За іншим переказом південно-західних слов'ян про морову язву, «... три сестри-куги були заточені своїм батьком – королем у тісні узи й томилися у в'язниці та згодом, як звільнилися, вештаються по світах»⁷.

⁵ Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. – М., 1997. – С. 11.

⁶ Потебня А.А. О значении некоторых символов в славянской народной поэзии. – Х., 1860. – С. 223-228.

⁷ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Репринтное издание. – М., 1994. – Т. III. – С. 82, 108, 112-113.

Певну схожість *Куги* з *Гольдою* відзначав і О.М. Афанасьєв, наводячи сербський переказ, за яким три сестри-куги народжені від демона й живуть за морем. *Куга* під час чуми навідується до хат і там, де є немитий посуд, отруює його. І в цьому вона схожа на *Гольду* – повелительку ненароджених і мертвих у німців. Далі в описі також опосередковано відображено й умови, що сприяють поширенню хвороб на зразок чуми – антисанітарія, гребування елементарними санітарними нормами. На це слушно вказує О.О. Потебня: «... за слов'янським повір'ям, с м е р т ь (власн. чума, або холера, серб. к у г а, м ó р я), на зв'язок якої з Ягою ми вже вказували, стежить за чистотою посуду й морить на покару за неохайність: «Кадь куга мори, онда ёй слабо говоре к у г а, него к у м а (као да би є сь тимь умилоствили), нити смію у вече оставити неопране судове; ерь она доде нотю у кутю те гледа, есу ли судови лієно опрани, па ако не буду, а она све кашике (ложки) изгребе и отруе»⁸.

Проте схоже, що, захопившись пошуками типологічних зв'язків *Куги* з *Гольдою* [= *Ягою*] ані О.О. Потебня, ані О.М. Афанасьєв не звернули особливої уваги на вказівку про троїстість самих *Куг*, адже троїстість у міфології – справа звична. Тим часом, троїста семантика в нашому випадку не стільки данина моді або наслідок народної (не без впливу християнської) традиції, скільки відображення фактів. За троїстістю криється реальна кількість: *куг*, тобто різновидів *чуми*, – бубонна, легенева та септична.

Як назва чуми *куга* сягає псл. **kuga* ~ **kugakati* / **kugyk ati*: болг. *кúга* «страшна хвороба, епідемія (чума, холера)», с.-х. стар. *kuga* «чума», слвн. *kuga* «т. с.», пов'язані з чеськ. *kuhýkati* «кричати (напр., про сову)», діал. *kujikač* «скаржитися», укр. *кугúкати* «кричати куги! куги!»⁹, блр. *кугáкаць*, укр. *кугúк* «сова *Athene noctua*», укр. *кугáч* «сич», блр. *кугáч* «сова»¹⁰,

⁸ Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. – С. 118.

⁹ Укр. *кугúкати* «кричати куги! куги!» розглядається як звуконаслідувальне утворення, паралельне до *кувік* (Етимологічний словник української мови: В 7 т. – К., 1989. – Т. 3. – С. 122).

¹⁰ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М., 1986. – Вып. 13. – С. 85.

укр. діал. *кугáти* «щедрувати» ~ *кугу!* *кугу!* «вигук, яким розпочинається щедрування»¹¹. Походження ж самого псл. **kuga* пов'язують із жалісливими причитаннями і саме тому це слово об'єднується в словнику з відповідною дієслівною лексикою¹².

Утім, таке визначення з погляду семантики видається нам не зовсім точним. Не заперечуючи загалом ідею про нечітку артикуляцію, вважаємо за потрібне її уточнити, висловивши певні міркування – залучення авторами ЭССЯ етнографічного матеріалу, вміщеного в широко знаних працях О.О. Потебні та О.М. Афанасьєва, могло би посприяти докладнішій етимологізації лексики. На нашу думку, *кугою* могли називати особу, яка нерозбірливо говорить. Нечітка артикуляція могла нагадувати і скиглення, і скарги, і причитання (особливо ж хворої людини), характеризуючи симптоматику бубонної (найпоширенішого різновиду) чуми – розпухання язика.

Відтак, ґрунтуючись на південнослов'янському матеріалі, ми схиляємося до думки, що у південних слов'ян рефлекс псл. **kuga* згодом трансформувались у народний медичний термін на позначення одного з трьох різновидів чуми за основним його симптомом, а також почали виступати як (у т. ч. і персоніфіковане) позначення лихоманки та інших тяжких хвороб. В образі *куги* відбиті традиційні уявлення про тяжку хворобу, лихоманку як про страшну, стару жінку, що тиняється світами, занапащаючи людей і призводячи до вимирання цілих сіл.

Із уявленнями, багато в чому схожими з уявленнями про *Кугу*, пов'язувалася, очевидно, й інша міфічна істота, а саме згадувана в роботі О.О. Потебні у зв'язку з *Бабою-Ягою* – **Паляндра**¹³. Відомості про неї взято зі знаної на той час праці П.М. Шпилевського (П. Древлянського): «П а л я н д р а в подобі потворної жінки являється в хати помираючих і там забирає душі. Душі ці вона передає Бабі-Язі-Костяній-Нозі, з якою ... вона разом роз'їжджає в одній залізній іготі. Баба-Яга-Костяна-Нога й підле-

¹¹ Аркушин Г.Л. Словник західнополіських говірок. – Луцьк, 2000. – Т. 1. – С. 263-264.

¹² Этимологический словарь славянских языков... – С. 85.

¹³ Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий... – С. 130-131.

глі їй відьми живляться душами людей, від чого вони робляться повітряними й легкими, як душі»¹⁴.

Уміщена в роботі О.О. Потебні небезпідставна критика пов'язана з описом самої *Паляндри*, поданим у П.М. Шпилевського. Ставлячись доволі обережно, – а в цьому випадку гостро критично, – до творчості білоруського етнографа¹⁵, О.О. Потебня усе ж наводить його матеріали, висловлюючи свою критику так: «Існування людських жертв у слов'ян доводиться безсумнівними свідченнями старовини; ці людські жертви приносилися, судячи з їх темного значення, божествам темним, на чолі яких стояла всепоглинаюча й вічноголодна смерть. Ось чому (тобто тому, що приносилися людські жертви) народна казка приписує чаклунам і відьмам пожирання людського м'яса, а білоруське повір'я, ставлячи відьом у близькі стосунки з нечистою силою, стверджує, що вони харчуються душами померлих»¹⁶.

Далі вчений зауважує: «Що Яга має стосунок до душ померлих, це для нас безсумнівно; але що вона пожирає ці душі (а не дітей) це ґрунтується лише на свідченні п. Древлянського, автора «Білоруських народних переказів», який змішує свої й чужі фантазії з народними повір'ями, видає якісь варварські вірші за народні пісні, й тому авторитетом, на зразок Караджича, бути не може»¹⁷. Однак свої міркування П.М. Шпилевський підкріплює прикладами з народної мови: «*бадай цябь Паляндра змарнявала* – щоб тебя сгубила, сжила со света П.; *Паляндра учемэрьлася* – мор, повальная смерть усилилась; «*кабь ты запаляндравався* – щоб тебя скорчило, щоб ты умер жалкою, мучительною смертю». Коли ж ідеться про смерть, то білоруси кажуть: «*А-кышь Паляндра, не*

¹⁴ Древлянский П. Белорусские народные предания // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. Отделение литературное. – СПб., 1846. – Кн. 4. – С. 110-111; Потебня А.А. Знач. праця.

¹⁵ Обережне ставлення автора «Міфічних обрядів ...» до творчості П.М. Шпилевського видно, напр., із описуваного вище випадк із парою *Вазила – Кумельган*.

¹⁶ Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий... – С. 130-131.

¹⁷ Там же.

*табебъ, а-кышь!»*¹⁸. З огляду на те, що схожі відомості наводить білоруський словникар І.І. Носович (а також зважаючи на подкладений далі ілюстративний матеріал), викладки П.М. Шпилевського (з певними заувагами) варті довіри.

Імовірно, будучи знайомим із працею П.М. Шпилевського, І.І. Носович (не подаючи джерел) уміщує в своєму словнику лексему *паляндра* (від *палянуць*) зі значенням «чума, повальна хвороба на зразок огневиці чи білої гарячки»: *Паляндра его возьми!*¹⁹. Далі наводиться похідне – *паляндраваць* (вогнем палити) зі значенням «лютувати»: *Воспа паляндруе по селу*²⁰.

Лексикографічні дані підтверджуються даними етнографії. У білоруського дослідника В. Короткевича подано опис одного з білоруських обрядів (свята вогню), в якому фігурує *Паляндра*: «Свято, яке в середині минулого [дев'ятнадцятого. – О.І.] століття стало дитячим, але в середні віки відзначалося у пам'ять врятування від «чорної смерті». Головною особою на святі була Паляндра, уособлення смерті й чуми, людина в лахах і масці. Чемер (перець) приводив Паляндру до людей («чорну смерть» завезли зі східними товарами). Люди водили Паляндру між вогнищ, знущалися й, зрештою, проганяли геть»²¹. Цікаво, що слово *Паляндра*, позначаючи смерть, в білоруських говорах уживалося як зневажливе позначення особи²². На наш погляд, блр. *паляндра* як назва особи синонімічне рос. *чума*, *чумовой* – характеристиці жвавої, непосидючої людини.

Відтак у нас немає підстав поділяти загалом скептичне ставлення О.О. Потебні до творів П.М. Шпилевського та його твердження про безавторитетність білоруського етнографа, хоч у творчості тоді молодого білоруського дослідника й справді часом дуже важко відділити правду від (можливо емоційного, замовленого

¹⁸ Древлянский. Зазнач. праця. – С. 110-111.

¹⁹ Носович *И.И.* Словарь белорусского наречия. – СПб., 1870. – С. 391.

²⁰ Там же.

²¹ Електронний ресурс. Режим доступу: <http://www.uladzimir-karatkevich.com/bibl/bel/raman/k1-21.html>.

²² Електронний ресурс. Режим доступу: <http://www.dziejaslou.by/inter/dzeja/dzeja.nsf/htmlpage/ipat...>

прагненням якнайкраще показати етнографічне багатство «білорусців») домислу: на час виходу першої частини роботи з білоруської демонології – 1846 р. – П.М. Шпилевському було двадцять три роки.

Можливо, більш пильна увага дослідників (спершу О.О. Потебні, а в наш час – А.Л. Топоркова та О.Є. Левкієвської) не так до самої творчості П.М. Шпилевського, як до форми поданого ним міфоніма *Паляндра*, могла б спрямувати пошуки лексичної основи назви в інше, неслов'янське, русло. Утім, в дев'ятнадцятому столітті завданням кожного, хто цікавився народною творчістю в усіх її формах і проявах, насамперед було зафіксувати й донести до широких читацьких кіл уламки слов'янських старожитностей і лише потім – дати лінгвістичний аналіз відповідної лексики. Ба навіть більше – будь-яка праця, присвячена духовній культурі слов'ян, їх міфологічним уявленням, сприймалась як засіб відстоювання слов'янської самоідентичності – всупереч тогочасним пангерманським віянням у славістиці.

Проте – навіть із найкращих міркувань – перетворювати чуму-Паляндру на богиню смерті з боку П.М. Шпилевського було явним перебільшенням. Так само й звістка про пожирання душ Паляндрою, слушно піддана сумніву О.О. Потебнею, також могла належати фантазії білоруського етнографа. Проте вона, як свідчать подальші матеріали, небезпідставна і, очевидно, пов'язана в якимись народними уявленнями білорусів, що виникли як переосмислення перекручених і видозмінених неслов'янських уявлень про насельників потойбічного світу.

Як виявляється, чи не найважливіше місце в описі *Паляндри* у П.М. Шпилевського – згадка про хворобу: саме до х в о р о і людини вона приходить. Також важлива й вказівка на душу людини і через неї – на характер хвороби (за народними уявленнями, душа міститься в грудях, тобто тут можна бачити вказівку на біль, жар у грудях, а відтак розглядати *паляндру* як втілення, наприклад, легеневої чуми). Отже, у нас є вагомі лінгвістичні підстави погодитися з білоруським дослідником В. Короткевичем: за народними білоруськими повір'ями, *Паляндра* – персоналізована лихоманка, чума.

Етимологія назви неоднозначна. Контекст уживання лексеми *пальяндра* свідчить про те, що слово могло бути запозичене до білоруської мови з польської, оскільки в одному з польських текстів під 1820 р. знаходимо: «... ze u Zana był chłopiec, którego zwafi *Palandre*, bo palił w riecach ...»²³. Саме слово з цього тексту розглядається як продукт мовної мішанини – результат гумористичного словотворення в епістолярній мові філоматів²⁴ і може вбирати в себе елементи, зважаючи на білоруську територію, грецької мови²⁵.

Таке припущення цілком правомірне: у грецькій мові справді віднаходимо лексичну основу для міфоніма *Пальяндра*: *πολύανδρέω* (*πολύανδρος*) «бути велелюдним», *πολύ-άνδριον* «місце, куди сходиться багато людей; звич. кладовище» пізн., *πολύ-ανδρος* (*άνήρ*) «у кого є багато чоловіків»; поет. пізн. «велелюдний», «чисельний»²⁶. Проте цілком прийнятну мотивацію для створення *Пальяндри* – богині смерті, як її розумів білоруський дослідник, – убачаємо в іншому грецькому слові – *ρολύάνδριοι*, -ον «численні душі померлих, що постійно живуть у цвинтарних похованнях»²⁷. Та чи взяте слово *пальяндра* Шпилевським із лексикону філоматів, де воно могло набути різних значень, – сказати напевно важко. Єдине, що можна стверджувати напевно – те, що слово не було вигадкою білоруського етнографа: 1823 року, коли товариство філоматів припинило своє існування, П.М. Шпилевський лише народився.

²³ Електронний ресурс. Режим доступу: <http://www.polona.pl/Content/711/oct.txt>.

²⁴ *Філомати* – члени таємної організації студентів Віленського ун-ту 1817-1823 рр., до складу якої входили зокрема А. Міцкевич, Т. Зан, Я. Чачот, О. Петрашкевич, які займалися вивченням вірувань, звичаїв та уснопоетичної народної творчості. – <http://www.bibliotekar.ru/encSekt/51.html>.

²⁵ Електронний ресурс. Режим доступу: <http://www.mbc.malopolska.pl/dlibra/plain-content?id=17970>.

²⁶ Греческо-русский словарь, составленный А.Д. Вейсманом. – СПб., 1899. – С. 1024.

²⁷ *Δημητρακου Δ. Μεγα λεξικον ολης της ελληνικης γλωσσης*. – Αθηναί, 1953. – Τομος ΙΑ [11]. – Σ. 5952.

Найімовірніше, білоруська *Паляндра* – слово, яке до народного середовища потрапило з мови священників або радше з мови бурсаків, мандрованих дяків, яких багато тинялося по селах у XVI-XVIII ст. Якщо вони, аби показати свою освіченість і вищість від простолюду, або ж додати собі ваги в очах людей, уживали «велемудрі» слова, то й для позначення кладовища могли підібрати невідоме широкому загалові грецьке *πολυ-άνδριον* «місце, куди сходиться багато людей; кладовище» або інше подібне слівце на позначення душ мерців – гр. *ρολυάνδριος*, -ov. Зауважимо, що на старовинних кладовищах (своєрідному царстві смерті) і зараз збереглися склепи – останні «домівки» померлих.

Висловлене нами припущення про церковно-релігійне походження розглядуваного слова, хоча й опосередковано, підтверджує засвідчене в білоруській мові *паляндра* «дуже велика хата», що тлумачиться як неясне. Водночас допускається його зіставлення з пол. *landara* «карега; громадина; незграбна жінка; ландо»²⁸. Проте в контексті сказаного вище, структура й семантика білоруського слова цілком логічно корелюють із гр. *πολυ-άνδριον* «місце, куди сходиться багато людей». Тобто блр. *паляндра* у значенні «дуже велика хата» – переносне позначення приміщення, що вміщує велику кількість людей. Причиною для такої номінації міг бути, зокрема, той факт, що у середньовіччі в заможних родинах була поширена практика поховання мерців у родових склепах, де знаходили свій останній прихисток представники кількох поколінь однієї родини.

Не сприяє з'ясуванню походження міфоніма *Паляндра* пояснення білоруських етимологів його можливої твірної основи – блр. *паляндра* «повальна хвороба на кшталт білої гарячки»: «Очевидно, до *паліць*, пор. рос. розм. *палячка* «гарячка» з рідкісним суф. *-андра*»²⁹. Без сумніву, пропонований білоруськими етимологами зв'язок *паляндра* із *палячка* – на користь «епідемічної» етимології чуми-*Паляндри*. Проте й він зайвий раз демонструє підступність формального співвідношення двох

²⁸ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1993. – Т. 8. – С. 138.

²⁹ Там же.

спільнокореневих (якщо розглядати їх з позиції синхронії) слів³⁰.

Висловлені білоруськими фахівцями міркування про зв'язок *Паляндри* з *палити* мають реальні підстави. Так, в «Етимологічному словнику білоруської мови» із посиланням на словник М. Фасмера наводиться блр. *паляндра* «м'ясо найвищого гатунку з середньої частини свинячої туші біля хребта, яке коптять або в'ялять», пов'язане з пол. *połędwica* «т. с.» з варіанти *полендрыца*, *палендрыца*, *паляндрыца* та ін., рос. *полендвица*. Етимологічно польське слово пов'язують із *łędźwie* «стегна»³¹. Як бачимо, у зв'язку зі словом *palić*, *палити* мало місце переосмислення не лише білоруського, але й польського слова. Хоч первісно воно мало означати щось на зразок «частина туші, яка іде «після стегон»: *pa-* + *łędźwie*³².

Отже, як свідчать наявні в нашому розпорядженні факти, слово *паляндра* та його сліди простежуються лише в польській та білоруській мовах. Потрапивши на чужомовний ґрунт, це слово грецького походження зазнало десемантизації, будучи переосмислене у живомовному середовищі у зв'язку з найближчим співзвучним дієсловом *палити* та слов'янськими народними уявленнями про

³⁰ Водночас постульований білоруськими етимологами (з покликанням на словник А. Брюкнера) зв'язок блр. *паляндраваць* «тинятися без діла» з пол. *plondrować, plądrować* «грабувати, нишпорити, шукати» < нім. *plundren* «т. с.» (Етымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1993. – Т. 8. – С. 138) лише підсилює і без того доволі чітко виражений мотив тиняння чуми-*Паляндри* по людських хатах та нищення нею людей, взагалі властивого персоніфікованим лихоманкам. Але, як свідчить проведений нами етимологічний аналіз, народноетимологічне поєднання міфоніма *Паляндра* з блр. *паляндраваць* (пор. укр. *плюндрувати*) мало вторинний характер.

³¹ Етымалагічны слоўнік беларускай мовы... – С. 138.

³² Постає питання: чи не може пол. *łędźwie* мати дублет **łędra* (< псл. **łędra* «стегно, нога»)? На користь існування псл. **łędra* вказує укр. *шльондрати* (< псл. *(s)łędrati?*). У такому разі псл. **łędra* слід розглядати як утворення з суфіксальним *-r-*. Про ймовірність подібних конструкцій на праслов'янському рівні можуть свідчити, напр., наведені в «Етимологическом словаре славянских языков» відношення псл. **dǫbrova: *dǫbrь: *dьbь: *dьbrь* (Т. 5, с. 94), а також близьке структурно і семантично псл. **bedro* < **bed-* / **bod-* «бити, колоти» (Т. 15, с. 53). Версія потребує докладнішої перевірки.

чуму. Далі ж спрацьовувала аналогія: численні й типові перекази про лихоманки, до яких можна віднести й чуму чи якусь іншу тяжку інфекційну хворобу, могли перетворити *Паляндру* якщо не на вісницю чи богиню смерті, то принаймні, на уособлення лихоманки або смерті. Сам образ *Паляндри* багато в чому збігається з уявленнями балканських слов'ян про чуму. Схожі уявлення досить типові й поширені не лише на півдні Славії. Але міфоніма *Паляндра* чи якогось подібного слова ми в південнослов'янських мовах не виявили. Відтак польсько-білоруське *паляндра* – цікавий приклад адаптації й міфологізації іншомовного (найпевніше, первісно книжного) слова на слов'янському ґрунті.

Міфологічне осмислення реалій народної культури, намагання вхопити народну думку, заховану в словах, збагнути її в ширшому, слов'янському, контексті – все це можна знайти у творчості О.О. Потебні. На наш погляд, в аналізованій лексиці (у кожному з прикладів по-своєму) відбилося те, що О.О. Потебня вважав основою міфу – переплетення конкретного знання і віри, вигадки й досвіду³³. Часто саме від спроб міфологічного осмислення довоколишніх реалій (зокрема й духовного життя) починається шлях до етимологічної інтерпретації слова. Проте й дотепер переважна більшість понять української і слов'янської міфосфери потребує прискіпливої етимологічної уваги дослідників.

³³ Лукінова Т.Б. О.О. Потебня як дослідник слов'янського язичництва // Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія. – К., 1985. – С. 55.

Т.В. Радзівєвська
(Київ)

НАУКОВИЙ ДІАЛОГ ДВОХ УЧЕНИХ: О.О. ПОТЕБНЯ І П.Г. ЖИТЕЦЬКИЙ

Статтю присвячено комунікативно-прагматичному аналізу праці О.О.Потебні «Разбор сочинения П.Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия», яка вийшла у світ у період становлення мовознавчого дискурсу і відбиває його стан у другій половині XIX ст. у Росії¹. Як це видно з назви, вона містить аналіз розвідки П.Г.Житецького з діахронічної фонетики української мови. Нашим завданням буде з'ясувати характер дискурсивної практики наукового рецензування в другій половині XIX ст. і водночас виявити особливості критичного мислення і стилю викладу О.О.Потебні в контексті наукового діалогу з П.Г.Житецьким.

«Разбор сочинения П.Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия» (далі – «Розбір») вважається однією з найвідоміших праць Потебні, створених у критичному жанрі. Вона була підготовлена на замовлення Імператорської Академії наук і опублікована у 1879 р. у 33-му томі «Записок Академии наук». «Розбір» має обсяг 76 сторінок і являє собою вагомий науковий твір, значно відмінний за структурою, обсягом та змістом від наукових рецензій, що представляють сучасну дискурсивну практику

¹ Потебня А.А. Разбор сочинения П.Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». (Киев, 1876г.) // Записки Академии наук. – 1879. – Т.33. Приложение: Отчет о 20-м присуждении наград гр. Уварова. – С.764–839. Отдельный оттиск. – СПб., 1879. – 76 с.

рецензування, зокрема в лінгвістиці². Цей текст заслуговує на увагу як документ, який безпосередньо фіксує аналітичну діяльність Потєбні при ознайомленні з науковою працею іншого автора, часто фіксує його спонтанну реакцію на ті чи інші твердження в рецензованій книзі. Проте без розуміння того, в якому когнітивно-дискурсивному «форматі» створювався текст і якою є когнітивна природа розбору як різновиду текстової діяльності, неможливо виявити те індивідуальне в його лексиці, синтаксисі, структурі, що зумовлене рисами мовної особистості автора.

У сучасному науковому дискурсі текстовий жанр розбору представлений у трансформованому вигляді: він перетворився на жанр «внутрішньої» рецензії, яка подає експертну оцінку наукового дослідження до його введення в наукову комунікацію, до публікації. Можна сказати, що в цьому разі здійснюється «внутрішня цензура» колективу, або, в термінах Дж. Свейлза, дискурсивної спільноти³. У XIX ст. у період становлення мовознавчого дискурсу, вироблення його норм та стандартів докладний розбір наукової праці був важливим компонентом наукової діяльності, який мав структурно-організаційний, когнітивний і кваліфікативний смисл. Цьому складникові критико-аналітичної діяльності в сфері науки приділялася значна увага, про що говорить не лише сам обсяг критичних текстів, а й те, що їх авторами були провідні спеціалісти певної галузі знань. Поява розбору певної наукової праці найчастіше була зумовлена перспективами захисту магістерської або докторської дисертації і/або присудження премії⁴. В

² Корнева Н.А. Рецензия в современном научном дискурсе: семантико-композиционный та коммуникативно-прагматический аспекты. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – К., 2010 – 21с.

³ Про це див.: Радзиевская Т.В. Научный текст как представитель особого типа коммуникации // Научно-техническая информация. – Сер.2. – 1984. – №10. – С.1–6. Swales J.M. Genre Analysis. English in Academic and Research Settings. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P.21–32.

⁴ Див. зразки розборів наукових праць другої половини XIX ст.: Буслаев Ф.И. Разбор сочинения О.Миллера «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса: Илья Муромец и богатырство киевское // Отчет о 14-м присуждении наград графа Уварова. – Спб., 1872. Лавровский П.А. Разбор сочинения г.г.А.Н.Пыпина и В.Д.Спасовича «Обзор истории

аспекті становлення текстових форм наукового дискурсу йому належала своя ділянка з облігаторним статусом. Текстотипові ознаки розбору відрізняють його від відгуку – іншого «представника» наукового критичного дискурсу другої половини ХІХ ст., значно ближчого до сучасної рецензії⁵.

Найважливішою характеристикою розбору як тексту критичної спрямованості виступає заданість стратегії текстотворення, пов'язаної з його вторинною похідною природою. Дійсно, це текст, структура якого ізоморфна структурі твору, який виступає об'єктом рецензування. В процесі його створення відбувається його послідовна сегментація та коментування шляхом аналізу окремого виділеного сегмента, по суті певного твердження відносно досліджуваної проблеми. В процесі такого текстотворення породжуваний текст отримує вигляд ланцюга, що створюється з «блоків» цитування, прямого або непрямого, і висловлювань (ко-

славянских литератур» // Отчет о девятом присуждении наград графа Уварова. – Спб., 1867. – 169с. Срезневский И.И. Разбор сочинения О.Бодянского под заглавием «О времени происхождения славянских письмен» // XXV-е присуждение Демид. нагр. – Спб., 1856. – С.63-69. Срезневский И.И. Разбор сочинения А.Пыпина под заглавием «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских». – Спб., 1857. Фортунатов Ф.Ф. Критический разбор сочинения профессора Императорского Варшавского университета Г.К.Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», ч. I-II (Варшава, 1891–95г.). – Спб., 1897. – 158с. Шахматов А.А. Разбор сочинения И.А.Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». – Спб., 1899. Цей критичний жанр слід відрізняти від «розбору певного питання»: див.: Корш Ф.Е. Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» А.С.Пушкина // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т.4. – Спб., 1899. – С.476–588.

⁵ Див., напр.: Грунский Н.К. Отзыв об исследовании М.Мурка: «Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik. Mit einem Anhang: «Kollar in Jena u. beim Wartburgfest» (Graz 1897) // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т.2. – Спб., 1897. Потєбня А.А. Отзыв о сочинении А.Соболевского «Очерки из истории русского языка, ч. I-я, 1884г. // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т.2. – Спб., 1896. – С.804–831. Шахматов А.А., Карский Е.Ф. Критические отзывы о книге А.И.Соболевского «Опыт русской диалектологии. Выпуск 1 (Спб., 1897). I – II // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т.2. – Спб., 1897. – С.1157–1164.

ментарів, оцінок, критичних зауважень) рецензента. В цьому полягає основний процедурний принцип розбору – тексту, який в структурі наукової комунікації репрезентує один з найважливіших складників наукової діяльності – експертну оцінку виконаного дослідження.

Варто відзначити, що в тексті «Розбору» міститься висловлення Потебні про те, що він дотримується саме цього принципу. Про свою стратегію при створенні «Розбору» Потебня прямо пише: *Замечания мои будут следовать в общем порядке изложения, принятому автором...* (с.15) і чітко дотримується її впродовж аналізу всієї праці Житецького: він наводить певну цитату з рецензованої праці, супроводжуючи її своїми коментарями, зауваженнями, які разом утворюють структурно-семантичний блок створюваного тексту. У виданні 1876 року такий блок часто маркується двома графемами – абзацним відступом та тире. Створюваний у такий спосіб текст у структурному плані виглядає як послідовність різних за обсягом і змістовим наповненням блоків, у комунікативно-прагматичному плані він репрезентує інтелектуальний діалог двох учених, у Потебні і Житецького – напружений і драматичний.

Говорячи про розбір як різновид наукового тексту критичної спрямованості не можна не звернути увагу на його істотну відмінність від текстотипу рецензії, яка є важливим складником наукового дискурсу. На відміну від рецензії, що передбачає оцінку внеску дослідження в наукову галузь та визначення його місця в ній, значення для наступного розвитку наукового напрямку, розбір не націлений на його кваліфікацію «в цілому», особливо за шкалою аксіологічних оцінок («добре» – «погано»). Процедурний принцип розбору, зазначений вище, зумовлює його когнітивну обмеженість: фіксована точка зору рецензента не дозволяє йому враховувати ширший контекст, не дає можливості розглянути аналізований науковий твір з «інших» позицій. У фокусі уваги рецензента в цьому випадку опиняється певний текстовий блок – фрагмент тексту, який розглядається ніби «під мікроскопом» як в аспекті його змісту, так і в аспектах термінології, структури, логіки, характеру викладу.

Стиль аналізу Потебні виявляється при зверненні до окремих блоків тексту, які демонструють різні **типи критичного реагування**. Вони відображають різноманітні герменевтичні реакції вченого на висловлене в рецензованій праці Житецького, а у текстовому втіленні часто перетворюються на докладний коментар, породжують проблемні запитання, містять сумніви, припущення, поради. Вони, з одного боку, цілком традиційні для наукової критики, а, з другого, – виразно представляють Потебню як ученого та мовну особистість.

Особливості аналітичної діяльності Потебні в тексті «Розбору» можна представити чотирма основними типами критичного реагування. Для двох із них основним об'єктом реагування і водночас стимулом виступає фрагмент тексту Житецького, певне висловлення з нього в єдності плану змісту і плану вираження, в двох інших типах об'єктом реагування виступають певні наукові факти як атрибути предметної області науки, тобто лише план змісту.

1. Одним з типових випадків критичного реагування є констатація певної «некондиційності» твердження Житецького, яка конкретизується у закидах на неточність, неясність, хибність, неповноту та неаргументованість певного твердження і породжує численні запитання. Так, у фрагментах, що подаються нижче⁶, оцінки Потебні відносяться до синкретичного комплексу плану вираження і плану змісту: *Это «насколько» мне неясно. Ну, на сколько же в корне слова волк выразилось мирозозерцание, да еще и основное, русского племени? Потом, странное противоположение лексикона грамматике (с.8). 2) Неясно. Если были грамматические формы, то они служили уже не первобытной мысли, ибо*

⁶ Фрагменти праці О.О.Потебні ми подаємо за виданням 1879р. окремим відбитком (див. вище), вказуючи лише сторінку, у відповідності до сучасних орфографічних норм, але зі збереженням пунктуації першоджерела. Більшість фрагментів, внаслідок їх значного текстового об'єму, ми скорочуємо і позначаємо скорочення фрагмента в середині речення графемою «квадратні дужки» [...], наприкінці речення трьома крапками, при купюрах у цитатах використовуємо поєднання графем «лапки» та «квадратні дужки» «[...]». Фрагменти з тексту «Розбору» подаємо курсивом, внаслідок чого авторський текст Потебні та цитований ним матеріал графічно не розмежовується.

отсутствие форм, в том смысле как они с незапамятных времен есть в языках индоевропейского племени, еще первобытнее (с.8). Ідея неясності, нечіткості викладу передається завдяки різноманітним засобам, які фіксують герменевтичну реакцію рецензента, прагнення зрозуміти та проінтерпретувати смисл. Пор. 1) *Если под этим разумеется не только то, что в этот язык входили цел. элементы и другие [...], то желательно бы увидеть понятие...* (с.14). 2) *Если под двоегласием понимать ...* (с.25). 3) *На это замечу, что если под новым фонетич. типом разумеет напр. случай...* (с.63). 4) *Можно бы подумать, что по мнению автора – это специально малорусская особенность...* (с.46). Брак точності, недостатня аргументація, неясність фіксується висловами *Совсем не видно, почему...* (с.14), *А то мы можем подумать...* (с.14) і под. Іноді неясність, що призводить до непорозуміння, імплікує прями запитання (див. нижче).

Аналізуючи працю Житецького, Потебня відзначає неповноту аргументації: *При изображении и объяснении малорусских изменений о, е автор не принимает во внимание кое-чего, что до него было известно. Так, он говорит: ...* (с.37). Автор умалчує, *откуда ему известно, что русс. ударение есть показатель исчезнувшей долготы* (с.26). Він критикує певні слововживання та формулювання автора, які, на його думку, неадекватно представляють ситуацію в предметній галузі. Так, цитуючи твердження Житецького про те, що «явилась потребность возвратиться к долготе тех средних гласных звуков, которые по своей первоначальной природе были долгими», він висловлює заперечення і виступає проти запропонованого Житецьким словесного оформлення думки: *Выражаться так значит давать основание думать, что автор вводит, как агент истории языка, совершенно невероятную способность* (с.38). У іншому місці фокус критичної уваги Потебні звернений до логічних зв'язків, представлених у тексті Житецького сполучниковими засобами мови, і наводячи контраргументи, Потебня зауважує: *Поэтому «но...» автора неуместно* (с.46).

В окремих випадках, звертаючи увагу на недостатню ясність викладу, Потебня надає своєму зауваженню форму рекомендації:

Чтобы это было вразумительно, следовало бы показать, где кончается динамичность звука и начинается эвфоничность звука. Иначе «мера единства» остается неопределенною (с.9). І далі: Если так, то надобно говорить частностями, допускающими более точную поверку (с.9).

Таким чином, один із напрямів критичної діяльності в «Розборі» охоплює випадки, що відносяться до площини порушення постулатів категорії способу Принципу Кооперації П.Грайса, які стосуються ясності, однозначності, стислості та організованості викладу⁷. Критика Потебні охоплює випадки, які представляють порушення постулату кількості, що виражається у закидах на недостатню аргументацію. Однак у цілому слід сказати, що численні зауваження Потебні герменевтичного змісту стосовно того чи іншого тлумачення тверджень Житецького (*по словам автора, если только я его понимаю; если под этим разумеется; если под двоегласием понимают*) демонструють напруженість наукового діалогу двох вчених у період становлення наукового дискурсу: у ньому поки що слабо розвинута та визначена спеціальна термінологія, тезаурус предметної галузі є аморфним, неспеціальні літературні засоби вираження не набули конвенційного характеру, а погляди на об'єкти дослідження, характер аргументації значно відрізняються, що і призводить до актуалізації в «Розборі» теми розуміння один одного, необхідного для повноцінного та успішного обміну науковою інформацією.

2. З проблемою розуміння в «Розборі» пов'язаний і інший аспект критичної діяльності вченого: Потебня відзначає випадки неправильного тлумачення Житецьким його власних висловлювань відносно тих чи інших питань історичної фонетики. Це пояснюється наявністю в творі Житецького численних цитат з розвідок самого Потебні з історичної фонетики слов'янських мов – області, в якій Потебня вважався визнаним авторитетом. Однак приводом для реагування цього типу стало таке цитування його праць, яке викривлювало смисл висловлених ним положень. Так, майже вся

⁷ Грайс П.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С.223.

29-а сторінка «Розбору» відтворює фрагмент праці самого Житецького, в якій він цитує Потебню: *«Потебня, говорит автор, отвергает тождество Новг. і [...] с мр. і, во-1-х, на том основании, что [...]. Как ни отдалены эти века, но все же Потебня относит их к исторической эпохе, судя по тому, что...»* (с.29). Продовжуючи відтворення цього розлогого фрагмента з твору Житецького, Потебня відзначає: ***В этом зеркале я себя не узнаю. Постараюсь восстановить ход своей мысли. Я не мог помириться с тем, будто позволительно, на основании столь скудных примет, как аканье [...], разрывать связь между великорусскими говорами и ustanovlyat' ee между мрусским и сверским ...*** (с.29), після чого йде детальне роз'яснення своєї позиції (с.30-31 «Розбору»). У ньому Потебня також зазначає: *Г.Ж. научает, что «степень распространности звукового явления не подрывает факта его существования», как будто бы я утверждал нечто противное этой глубокой истине ...* (с.30).

У своєму намаганні відновити істину Потебня пише: *...но чтобы не возвращаться к вышеприведенным возражениям г.Ж., замечу, что мне не понятны те основания, на которых приписывал мне мнение будто «отдаленные века единства мрус. племени с новгородским» суть XI – XII ст.* А далі чітко постулює свою думку: *Моя мысль: с половины IX в. и донныне заметно лишь великое течение всех трех видоизменений русского народа с запада на восток. В другом направлении, с сев. на ю. или наоборот ничего столь крупного незаметно* (с.31).

В іншому місці, відновлюючи істину авторства, Потебня відзначає кілька джерел інформації, в тому числі працю Ватрослава Ягича, доводить хибність твердження Житецького: *Автор приписывает мне и сам держится мнения, что мр. дж (=dj) образовалось из ж (239). Об этом см. мое соч. Два изсл. о зв. 124; Зам. о мр. нар. 62 сл.; К ист. зв. 39–40; Iagić. Arch. f. Sl. Ph. II, 362–3. Пока найду возможность сказать об этом подробнее, я позволю себе привести голословно несколько положений относительно смягчения д, т, положений, б.м., уже высказанных другими: ...* (с.74). Двоголосся «Розбору», яке ґрунтується на діалозі

ідей та поглядів Потебні і Житецького, вирізняється в загальній поліфонії цього твору, зумовленій експліцитною інтертекстуальністю, опорою на всі значущі для тогочасних славістичних студій наукові праці та розвідки. При аналізі праці Житецького Потебня активно використовує весь наявний «арсенал» даних з праць академіків Я.Грота, О.Бетлінга, а також Ф.Міклошича, І.Вагилевича, В.Ягича, М. Колосова, І.Срезневського, В.І. Даля, Л.Гейтлера, І.Пречека, Гр. Квітки, Й.Шмідта, М.Мюлля, А.Л.Дювернуа, Ф.І. Буслаєва, Я.Головацького, А.Кралицького, О.Востокова.

Проте фіксація похибок в інтерпретаціях, викривлень смислу при цитуванні, неадекватних прочитань тих чи інших місць у наукових працях в тексті Житецького – це далеко не єдина лінія у діяльності його рецензента. Аналіз тверджень Житецького стимулює у Потебні подальший розвиток власних ідей. Він пише: – *О губных, как выше о гортанных, автор утверждает, что в укр. говорах «они относятся к разряду положительно твердых звуков» (251). Отказываясь от своего выражения «губные смягчаются посредственно, или, вернее сказать, вовсе не смягчаются (Два изсл. о зв. 128), я думаю, что»* здесь нужно различать несколько степеней: ... (с.75). Таким чином, зауваження Потебні, зроблені в рамках його наукового діалогу з Житецьким, об'єднує намагання відновити істину відносно фактів предметної області, що вивчається. Цей аспект діяльності Потебні-критика безпосередньо співвідноситься з постулатами категорії якості Принципу Кооперації П.Грайса: 1) «Не кажи того, що вважаєш хибним» та 2) «Не кажи того, для чого у тебе немає достатньо підстав»⁸.

3. Третій тип критичного реагування в «Розборі» представляють випадки спростування висловленого Житецьким. Акт спростування (в широкому розумінні) втілюється в тексті в різноманітних відкритих негативних реакціях рецензента на те, що стверджується автором рецензованого твору, і супроводжується необхідною аргументацією. Слід сказати, що спростування в тексті «Розбору» в своєму словесному оформленні досить різноманітні як за тональністю, так і за глибиною аргументації, що надається, а

⁸ Там же: – С. 222–223.

також і за ступенем експліцитності вираження своєї позиції (это ошибочное утверждение/ противоречит / неверно). Напр., *Здесь уместна оговорка. 1) Я высказываю свои сомнения в правильности взглядов г.Ж. в том предположении, что мы оба говорим ...* (с.10). *Есть ли у автора такие основания? Я их не заметил [...]. В этом отношении авт. ничего нового не представил даже со своим предположением общерусс. ф. куонь, так что можно не придавать значения следующим словам: ...* (с.11). *Скорее можно перевернуть утверждение г.Ж. и сказать, что ...* (с.19). *Относительно глаг. на увати авт. думает, что здесь в врусс. у сменилось посредством ы (138), т.е. связывать из связувать, что, по-моему, ошибочно* (с.46). *Против одного из утверждений г.Ж., что [...] можно заметить...* (с.59). *Г.Житецкий возводит это изменение к XI в., принимая что[...]. Никакого смешения тут нет.* (с.52). *На это замечу, что если под новым фонетическим типом разуметь, напр., случай, как роз-судити, то именно там, где заметна утрата этимологического сознания, никакой перестройки по новому типу не произошло ...* (с.63). Наведений матеріал демонструє, що словесна форма спростувань у Потєбні відповідає тому змісту, який вони передають. Спільним для всіх подібних випадків є виключно детальна аргументація вченого та виклад своєї позиції (прикладі такої аргументації в зв'язку з її об'ємним характером ми не наводимо; див. с.45-47, 52-53, 59, 61-63 та ін.).

Значно менш типові для «Розбору» випадки посилянн на чужі роботи замість повного наведення аргументації, напр., *Об этой весьма характеристической ошибке – Колосов. Загадочные зв. 32 след.* (с.20). Зазначимо також, що в окремих випадках докладна аргументація переростає в полемічні міркування (с.13, 45-47, 52-53 та ін.) з урахуванням даних з різноманітних джерел інших філологів. Напр., *Опущение еров в древних памятниках, в случаях, где этих звуков не слышно в новом языке, еще не служит доказательством отсутствия в этих случаях глухих в языке этих памятников. Здесь средством исправления правописания древнего памятника могут служить те более новые пам., в коих неправильно ставятся чистые вместо глухих [...]. Что при*

подобных заключениях можно впасть в ошибку, принявши, напр., два различные течения языка за одно; что остается некоторая возможность того, что, напр., писец Ев 1144 не произносил глухих там, где писцы Червонорусс. Грам. XV в. их произносили: это само собой разумеется (с.52). У процесі такого діалогічного обговорення певного питання Потебня переглядає свої погляди, корегує та уточнює свою позицію; пор. *беру назад свое мнение* (с.52); *поправлю свою ошибку* (с.64).

Таким чином, цей випадок критичного реагування демонструє те, наскільки великою в критико-аналітичній діяльності Потебні була увага, що приділялася ним аргументації: вона виступає одним з основних засобів у відстоюванні своєї позиції, пошуку наукової істини. Проте в ході критичного аналізу вчений вдається до корективів тих висловлювань, які була зроблені ним раніше, у попередніх працях і відтак розвиває свої власні напрацювання.

4. Якщо основою розглянутих вище типів критичного реагування виступає заперечення, повне або часткове, істинності висловленого Житецьким, то основою четвертого типу, що виділяється нами, є оцінка наведених даних як неповних або недостатніх. Можна сказати, що цей випадок співвідноситься з порушенням постулатів кількості та якості П.Грайса: «Твоє висловлення має містити не менш інформації, ніж вимагається», «Не кажи того, для чого у тебе немає достатньо підстав»⁹. Найбільш типовою дискурсивною формою цієї тактики виступає коментування: коментуючи певне висловлення Житецького, Потебня наводить нову інформацію, яка переважно підтверджує думку автора, іноді корегує її або деталізує. В ході такого коментування висловлене Житецьким завжди отримує істотне доповнення і у такий спосіб Потебня непрямо демонструє недостатнє «пророблення» питання Житецьким. В окремих випадках це може бути посилання на певну публікацію іншого автора, що має відношення до висловлюваного: 1) *Основания этой очевидности я опускаю; мнения о ней Iagić. Archiv. II, 359; Колосов, Загадочн. зв. 23-4* (с.16). См. *заметку в моем соч. Два изсл.85. Более новые сведения о существо-*

⁹ Там же. – С.222.

вании долгины независимо от ударения в Вятском у. – у **Колосова** *Зам. о яз. и пр. Отч. III, 65*. (с.27). Такі посилання використовуються впродовж усього рецензування, їх чимало у тексті Потебні (с.16, 17,18, 21, 23, 26, 27, 36, 37 і т.д.). Однак значно частіше вчений наводить численні лінгвістичні факти, взяті з текстових або усних джерел, наводить думки відомих славістів, які доповнюють картину, відтворену Житецьким.

Створюється враження, що Потебня намагається викласти все, що він може сказати з даного питання, і внаслідок цього коментар перетворюється на енциклопедичну довідку про стан його вивченості або розробленості. Прикладом такого енциклопедичного коментарю можуть бути сторінки 42–45 «Розбору», де розглядається питання про перехід в давньоруській мові *ы* в *и*, потім знову в *ы*. Він цитує Ягича, Срезневського, Колосова, Гейтлера, твори Памви Беринди, наводить значний масив фактів з текстових джерел (Зографське, Пересопницьке Євангелія, Новгородські грамоти та ін.), зіставляє думки різних авторів. Загалом коментар у даному разі виглядає як текст у тексті; його певна автономність, вочевидь, усвідомлювалася і самим автором, який, завершуючи його, пише: *Возвращаюсь к соч. г. Ж.* Подібні енциклопедичні коментарі представлено і в інших частинах «Розбору» (с.50–51, 59–61, 65–69, 71–72).

Характерним зразком такого коментарю, який виразно демонструє стиль аналітичної діяльності вченого, є фрагмент, присвячений питанню про піднебінно-гортанні звуки (с.71–72), де на противагу безапеляційності суджень Житецького Потебня, не заперечуючи висловленого ним, відзначає: *Объяснение причины явления перенесением этого явления в прошедшее («в начале было дело») несогласно с понятием о причинности, как чем-то отличном от тавтологии* (с.71). Він малює складну та неоднозначну картину мовних фактів, відносно якої і сам не може дати остаточної відповіді: *Не потому ли, что в одних преобладает небный характер согл., а в других гортанный? и прочее такое* (с.72).

Таким чином, відзначені типи критичного реагування пов'язані з усіма постулатами Принципу кооперації та стимульовані пору-

шенням або одного з постулатів, або їх комбінації. Найбільш істотним для критичного реагування виступають постулати якості, котрі «відповідають» за істинність повідомлюваного та наукового висловлення в цілому. З ними в контексті наукового дискурсу корелюють постулати способу та кількості.

Пафос пошуку істини, властивий «Розбору», яскраво виявляється в одному мовленнєвому уподобанні Потебні, а саме в активному використанні дискурсивної форми **запитання**. Запитаннями, а також і знаками питання – графемами зі значним смисловим навантаженням, насичений весь текст «Розбору». Запитань в авторському критичному тексті (не в цитатах), за нашими підрахунками, не менш, ніж 44. Це цілком закономірно, адже, як зазначає Н.К.Рябцева, розглядаючи когнітивне підґрунтя науки, «мова науки просякнута інтерогативною логікою», а розвиток науки – це зміна ситуацій «питання – відповідь»¹⁰. На відміну від «звичайного» питання, наукове питання породжує не відповідь, а значно складніші ментальні акції. «У відповідь на поставлене запитання висуваються гіпотези, виявляються закономірності, формуються теорії, будуються моделі, вводяться нові поняття та перевизначаються старі. Питання, що породжує нові або пов'язані з низкою суміжних, формує проблему»¹¹.

У тексті Потебні запитання відбивають різноманітні види інтерогативних інтенцій та способів роботи зі смислами різного рівня, наявних як у семантиці конкретного висловлення, так і в предметному полі науки в цілому. Їх можна розподілити на проблемні, герменевтичні, інформаційні та риторичні.

До числа **проблемних** запитань належать такі, в яких «озвучуються» певні проблемні твердження предметної області. Вони направлені на пошук причин явищ, істотних зв'язків об'єктів та відносяться до смислового поля предмета, що вивчається, загалом: *Совсем не видно, почему это наш нынешний язык не есть*

¹⁰ Рябцева Н.К. Интеррогативность научного языка // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С.241.

¹¹ Там же. – С.244.

нечто созданное под «непосредственным» влиянием природы, конечно через посредство человека? Почему он не бессознательный орган сознания?... (с.14). Но почему же з, ц, с, продукты смягчения древних з, к, х, должны исчезнуть...? (с.71) Но в таком случае чему же обязана мягкостью эта согласная, когда следующая...? (с.73). Но откуда же взялась эта краткость...? (с.26). Подібні запитання, сигналізуючи про певне незнання, лакуну в предметній області виступають поштовхом до розвідок, певним кроком у пізнанні явищ, дають можливість формування нового напрямку пошуку. Подібні проблемні запитання становлять типову дискурсивну форму мови науки.

До **герменевтичних** слід віднести такі запитання, які викликані недостатнім розумінням рецензованого тексту, можливістю його тлумачити у різний спосіб. Напр., *Нужно ли думать, что эти черты как принадлежность древнерусского языка, искусственны? (с.15). В каком смысле авт. называет оу уцелевшим остатком... ? (с.16).* Тут ми спостерігаємо ситуацію певного непорозуміння між двома вченими, в основі якого концептуальні розбіжності та недостатній ступінь експліцитності вираження смислів, що представляють наукову галузь.

Інформаційні запитання – це такі запитання, завдяки яким Потебня фіксує відсутню у висловленні інформацію та вказує на те, що не отримує позначення, найменування, словесного вираження, тобто на певну інформаційну лакуну. Напр., *Дело (чьё? автора? или вообще?) ... (с.2). Если формы служили мысли только отчасти, то чему еще они служили? (с.8). Если ф. на кони и в то время, когда и в этих говорах было здесь и = і уподобила себе форму на столі, то почему же эта последняя осталась при і, тогда как в первой окончание отвердело до «на кони»? (с.18–19). ...(однако когда-то было трудно?... (с.71).* Ці запитання відносяться до певних членів речення в тексті Житецького, а також їх складових частин, які не дають, на погляд рецензента, достовірної інформації у достатньому обсязі, часто вони торкаються незаповнених валентностей, можуть бути викликані відсутністю аргументації. Їх походження слід пов'язувати з недостатнім задоволенням

інформаційної потреби спеціаліста. Так, у наступному фрагменті запитання рецензента стимульоване відсутністю даних про джерело інформації: *Откуда известно, что в ... было начальное а, и что словин. еј есть...* (с.16). Отже, ці запитання стосуються здебільшого коректності наукового викладу, врахування «фактора адресата» і непрямо відображають реакцію на прагматичну недосконалість рецензованого тексту. Вони безпосередньо пов'язані з прототиповим значенням концепту *запитання* – відсутністю знання¹².

Риторичні запитання оформляють питальною дискурсивною формою твердження рецензента, однак у вигляді діалогічної реакції, котра звернена до автора, іноді непрямо: *Не лучше ли говорить прямо от себя, а не от имени науки?* (с.7). *Чем это не лексическое единство?* (с.2). В окремих випадках, зазвичай під впливом контексту, риторичні запитання набувають вигляду герменевтичних: *Есть ли это глухой звук? И да, и нет. Да, в смысле того минимума гласности, без которого согласная эксплозивная на конце не могла бы быть произнесена; нет – в смысле глухого образующего слог* (с.61), де відповідь на запитання демонструє його герменевтичний характер (*в смысле...*).

Відображаючи певний аспект у діалозі двох учених, запитання доповнюють картину аналітичних прийомів, які використовує Потебня, і разом з тим демонструють його індивідуальний стиль рецензування. За своєю семантикою вони представляють когнітивні операції зі смислами спеціальної галузі знань, а завдяки формі їх втілення в текст вноситься значна експресія. Запитання ще раз підкреслюють, що в науковому діалозі, який відображається текстом, Потебні належить провідна роль активного комунікативного партнера. Однак природа наукового дискурсу не дозволяє визначити адресатом запитань лише автора рецензованого тексту: сигналізуючи про «нове незнання», вони адресовані також і науковій дискурсивній спільноті.

Характер аналітичної діяльності Потебні представляють **мовні засоби оцінки**. Проте слід зауважити, що на відміну від рецензії,

¹² Рябцева Н.К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С.72–77.

яка є переважно оцінним жанром, у якому зазвичай використовується певний набір оцінної лексики і яка вживається для кваліфікації наукового тексту як за окремими параметрами, так і «в цілому» (часткова і холистична оцінка), розбір націлений на виявлення відповідності істині окремих сегментів аналізованої праці. Тому оцінювання тут має редукований характер і сфера його реалізації обмежена репертуаром істиннісних оцінок. Розгляд того, як у тексті «Розбору» виражені оцінні смисли, показує, що при різноманітті самих операцій оцінювання авторові властива стриманість в оцінних судженнях, зокрема, у використанні засобів емоційної оцінки.

Важливим для виявлення стилю Потебні в цій діяльності є визначення об'єктів, на які звернена його увага, тобто об'єктів оцінки. Серед них слід назвати передусім семантичний аспект певних висловлювань Житецького (теза, положення, міркування): *Итак общерусский язык был естественный, тогда как и в пенье соловья иные различают степень искусства, а «язык древнерусской письменности есть произведение искусственное в полном смысле этого слова» (39). Сильно сказано. (с.14). Всеобщность о выговоре [...] ошибочна; примеры неудачны: ... (с.17). Об этой весьма характеристичной ошибке – Колосов, Загадочные Зв. 32 след. (с.20). Все это **априорно** и **неверно** (с.64). И в другом месте авт. утверждает, что нельзя понять историю без начальной страницы (2). Это кажется **странным** (с.6); див. також приклади вище. Крім експліцитної семантики висловлення, об'єктом оцінки стають її «супутники» – можливі імплікації, презумпції різного типу, логічні умовиводи. Вони демонструють глибину аналізу праці Житецького. Пор. *На случай, если бы это место дало повод приводит в зависимость ф. возю, носю, видю и мягкость и, формы возю и отвердение ц, замечу, что это было бы неверно (с.75). После общих рассуждений (220-6), приступ к делу начинается с утверждения «что [...]» ... С этой **предвзятой** мыслью автор рассматривает различные разряды согласн., начиная с гортанных, которые называет небогортанными. (с.69). Также **шатки** заключения к языку от различия обычаев (с.13).**

При оцінюванні у фокусі уваги Потебні знаходиться коректність постановки проблеми, висновків проведеного дослідження – найважливіших складників наукової діяльності. Вони виступають об'єктами оцінки: *Он говорит: «предоставляем другим разработать поставленный нами вопрос» (188), но другие, пожалуй, могут найти, что и вопрос-то поставлен криво* (с.56). Об'єктами оцінки стають і загальний підхід до аналізу матеріалу, і окремі процедури аналізу: *Относить к явлениям южнорусским чередование е и и в Олгерд, Олгирд – чрезвычайно смело* (с.40). *«...Чтобы получить верные выводы из сравнения двух предметов, нужно восстановить изначально-древнейший образ того и другого историческим путем: тогда получится главнейшее условие сравнения, т.е. равнозначительность сравниваемых величин», ибо величины несоизмеримые сравниваемы быть не могут...»*. Конечно, автор **в праве называть эту мысль своею** в том смысле, в каком вообще идеи нашего времени составляют нашу собственность (с.3). У відповідності до когнітивної специфіки розбору набір семантичних предикатів (прикметники, прислівники), що використовуються в ньому, обмежений шкалою істиннісних оцінок (*верно, неверно, криво, предвзятый, сомнительно, шатки* и др.), в своїй більшості вони належать до оцінок, що виражають семантику негативності.

Загалом звернення до оцінного аспекту критичної діяльності Потебні демонструє, що текст Житецького став для нього потужним стимулом інтелектуальної діяльності, направленої на «пошук істини» і створення максимально адекватної картини предметної області. Наскрізною інтенцією «Розбору» виступає відновлення істини і в його тексті на різних його ділянках з'являються маркери достовірності, які розкривають та уточнюють епістемічний статус пропозиції – повноту або неповноту знання, абсолютну або відносну достовірність, сумнівність чи безумовність стверджуваного, гіпотетичний або безсумнівний статус повідомлюваного. Ці епістемічні маркери дійктивні в тому розумінні, що відображають стан знань та відношення до наукових фактів безпосередньо в момент написання тексту. Так, на с.48 Потебня, розглядаючи питання

про функціонування глухих звуків при плавних, вживає вислів *наскільки мне известно*, яке відображає стан знань з даного питання в момент створення тексту. Вислови *это можно оставить вопросом* (с.49), *остаётся по-прежнему вопросом* (с.71) сигналізують про брак підстав для винесення судження в даний момент. Більш експліцитно те саме відображається у висловленні *но можно бы повременить с объяснением необходимости явления, которое б. м. замечено только под влиянием готовой теории* (с.72), а також у закиді на передчасність суджень Житецького: *Г.Ж-му нужно было представить более многочисленные и убедительные примеры в доказательство своего положения* (с.53). У іншому місці він відзначає очевидну істинність стверджуваного: *Значит, нет сомнения, что в имен. ед. м.р. ...* (с.50). Обережність у формулюванні певних положень при усвідомленні їх сумнівного характеру відображено у висловах: *... не решаюсь приписать влиянию* (с.65). *Гадательную причину [...] б. м. позволительно усматривать в некогда частом ...* (с.54).

Як відомо, необхідним компонентом наукового тексту виступає **метатекст**, до основних функцій якого належить реалізація контактної функції та забезпечення зв'язності тексту. Метатекстових компонентів з власне функцією організації викладу в тексті Потебні не так багато: *Возвращаюсь к соч. г.Ж.* (с.45). *Прибавлю еще нечто* (с.17). *Обращаюсь за тем к тому, что дало повод к этому отступлению* (с.35).

Більш типові для нього такі метатекстові вислови, які поєднують функцію організації викладу з експлікацією аспектів наукової роботи. Це критерії оцінки, мотивація для умовиводів, статус процедур наукового аналізу та їх логічної послідовності. Так, у різних частинах «Розбору» вчений піднімає тему критеріїв, які забезпечують істинність результатів наукового дослідження – об'єктивних або суб'єктивних: *Этот прием и не претендует на математическую доказательность, но он вернее...* (с.52). *К вопросу [...] мы подходим с двух концов...* (с.48). *С этой точки зрения строго научная совесть должна бы заставить говорить не о звуках, а только о буквах ...* (с.16). Метатекстові

елементи розвивають також тему пошуку або відновлення істини: *Здесь есть некоторые сомнения, почему на этом вопросе я остановлюсь и привлеку к нему кое-что стороннее; но чтобы не возвращаться к вышеприведенным возражениям г.Ж, замечу, что мне непонятны те основания, на которых он приписывал мне мнение будто «[...]». Моя мысль: ...* (с.30).

Ознайомлення з текстом «Розбору» дозволяє побачити, що в праці Житецького Потебню найбільше не влаштувало поверхневе, спрощене бачення матеріалу та стиль його інтерпретації: він неодноразово відзначає безапеляційність суджень Житецького, намагання підвести факти під певне узагальнення, серйозне спрощення реальної ситуації. Подаючи свої коментарі, він показує, яким має бути коректне, в його розумінні, наукове дослідження. Він значно розширює діапазон наукових фактів, які використовує, прагне до повноти та максимальної точності відтворюваної картини, водночас не поспішає робити остаточні висновки, наводить факти *pro* і *contra*, відзначає їх статус в аспекті епістемічної модальності.

У кожному сегменті тексту, аналізуючи окремих, конкретний фрагмент праці Житецького, він намагається продемонструвати, що реальний стан речей є більш складним, багатовимірним, суперечливим і неоднозначним. Наприкінці розбору, на останній 76-й сторінці ми знаходимо фразу *Автор и здесь старается быть прямолинейным* (с.76), яка емпатично виражає думку рецензента (акцентне виділення, порядок слів, частка *и*) та насичена максимальною експресією, абсолютно не властивою Потебні: *Автор и здесь старается быть прямолинейным = автор прямолинеен здесь, а также во всех остальных случаях*. Ця фраза може бути «ключем» для інтерпретації його позиції, вона знімає всі сумніви і дає підстави для реконструкції загального, проте не висловленого експліцитно вердикту вченого, який у розборі найбільше звертає увагу на специфічну прямолінійність, спрощеність, схематичність стилю мислення і стилю викладу рецензованого автора.

В.А. Глущенко
(Слов'янськ)

СИСТЕМНІ ВЛАСТИВОСТІ МОВИ В ІСТОРИКО-ФОНЕТИЧНИХ СТУДІЯХ УЧЕНИХ ХАРКІВСЬКОЇ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ШКОЛИ

Важливе місце в науковій творчості вчених Харківської лінгвістичної школи посідає розробка твердження про системний характер мови. Для О.О. Потебні, М.О. Колосова та П.Г. Житецького була характерною свідомо орієнтація на принцип системності у вивченні мовних явищ. Серед висловлювань О.О. Потебні про системний характер мови можна виділити дефініцію мови як «системи знаків, здатної до невизначеного, до безмежного розширювання»¹. У більш розгорнутому вигляді тезу про системність мови О.О. Потебня експлікував так: «Не все одно, чи уявляється нам мова зібранням безладних і довільних значків, з [яких] кожний необхідно зачувати поодиночі і кожний обтяжує пам'ять, заважаючи іншого роду розумовій діяльності, або ж зв'язною системою, у якій знання дечого дає ключ до розуміння незрівнянно більшого»². Узагалі ж учений звичайно не вживав слово *система* в його термінологічному значенні, проте численні зауваження О.О. Потебні з приводу конкретних мовних явищ дають достатньо

¹ Потебня А.А. История русского языка: Лекции, читанные в 1882–3 ак. г. в Харьковском ун-те // Потебнянські читання. – К., 1981. – С. 134.

² Потебня А.А. Общий литературный язык и местные наречия // Олександр Опанасович Потебня: Ювілейний зб. до 125-річчя з дня народження. – К., 1962. – С. 68.

яскраву картину трактування ним системності мови. У зв'язку з цим можна говорити про розробку О.О. Потебнею принципу системності³.

Твердження про необхідність системного підходу до мови розвивав і М.О. Колосов. Він підкреслював, що орієнтація на принцип системності є ознакою високого рівня розвитку мовознавчої науки: «Можна розраховувати – у майбутньому – на такий стан науки про мову, завдяки якому, на основі деяких відомих рис, спеціаліст буде спроможним робити висновки про інші, теоретично визначаючи звукову фізіономію певної мови або наріччя»⁴. За словами М.О. Колосова, у будь-якій мові (будь-якому діалекті) «є своя система, свої звукові відношення»; у цьому смислі «кожний говір є самостійним організмом»⁵, причому він не може відрізнятись від інших, близьких йому говорів лише однією будь-якою ознакою, тому що з цією ознакою обов'язково пов'язані інші. Звідси необхідність «установлення гармонії в теорії звукових відношень»⁶.

Такий підхід протистояв атомарному розгляду мовних явищ, який учені Харківської школи оцінювали як істотний недолік сучасних їм досліджень: «До цього часу мовознавство здебільшого змушене обертатися в колі елементарних спостережень над розрізненими явищами мови і дає нам право лише сподіватися, що подальші комбінації цих явищ від нього не втечуть»⁷. Це примушувало вчених Харківської школи теоретично обґрунтовувати системний підхід до мовних фактів. У цьому плані викликає інтерес міркування П.Г. Житецького, який писав: «Ми вирішили

³ Глушенко В.А. Систематизація історико-фонетичного матеріалу в студіях О.О. Потебні // О.О.Потебня й актуальні питання мови та культури: Зб. наук. праць. – К., 2004. – С. 173–174.

⁴ Колосов М.А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. – Варшава, 1878. – С. III.

⁵ Колосов М.А. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. – СПб., 1876–77. – С 8, 9.

⁶ Колосов М.А. Загадочные звуки в истории русского языка. – Варшава, 1877. – С. 8.

⁷ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1–2. – М., 1958. – С. 162.

залишити осторонь прийом уривчастого, розрізненого вивчення звукових явищ. Нам здавалося, що, висмикуючи один факт з ряду генетично споріднених фактів, ми позбавляємо його ґрунту та мимоволі через це даємо йому фальшиве висвітлення. Визначити цей ґрунт, хоч би приблизно, було нашим завданням...»⁸.

Учені Харківської школи розглядали поняття мовної системи переважно в історичному аспекті: в історії тієї або іншої мови система зазнає якісних змін.

Як відзначають дослідники наукової творчості О.О. Потебні, системне трактування мовних явищ з достатньою повнотою відбилося в працях ученого з історичної фонетики східнослов'янських мов⁹. Проведений нами аналіз показує, що цей висновок можна поширити й на студії М.О. Колосова та П.Г. Житецького – представників Харківської школи, що плідно працювали на історико-фонетичному матеріалі.

Розгляд мовної системи в історичному аспекті в практиці фонетичних досліджень учених Харківської школи був пов'язаний з розумінням системного характеру сучасної мови. Так, М.О. Колосов підкреслював, що «малоруська фонетика становить органічну цілісність, що вказує на органічний розвиток»¹⁰.

Принцип системності в історико-фонетичних студіях учених Харківської школи реалізувався, зокрема, у процесі застосування прийому генетичного ототожнення фактів.

Подальше вдосконалення цього прийому, який ґрунтується на системному трактуванні мовних явищ, виявилось, наприклад, у дослідженні О.О. Потебнею історії африкати *дж* в українській мові. Слідом за І.І. Срезневським О.О. Потебня відзначив паралелізм виникнення в «спільноруській» мові африкат *ч* і *дж*. Отже,

⁸ Житецкий П.И. Очерк звуковой истории малорусского наречия. – К., 1876. – С. 144–145.

⁹ Олійник І.С. Питання історичної фонетики української мови в працях О.О. Потебні // О.О. Потебня і деякі питання сучасної славістики: Матеріали ІІІ Республіканської славістичної конф., присвяченої 125-річчю з дня народження О.О. Потебні (23–27 грудня 1960 р.). – Харків, 1962. – С. 43.

¹⁰ Колосов М.А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. – С. 266.

учений ототожнив певні факти історії мови із системних міркувань. Розглянувши рефлекси сполучень *tj* і *dj* у слов'янських і балтійських мовах, О.О. Потебня прийшов до висновку, що «литовсько-латиська мова подає в замінах *dj*, *tj* лише явища аналогічні, а не тотожні слов'янським»¹¹.

Учений висунув припущення, що звук *дж* може походити також із *z* (як наслідок першої палаталізації задньоязикових). О.О. Потебня порівняв ряди приголосних, що виникли в результаті першої та другої палаталізації задньоязикових, і відзначив, що з *z*, *k*, *x* повинні були виникати: 1) *дж*, *ч*, *ш*, 2) *дз*, *ц*, *с*, причому вчений підкреслив паралельний характер виникнення африкат *дз* і *дж*: «звуку *s=dz* мусить відповідати не *жс*, а *джс*»¹².

Свідома орієнтація вчених Харківської школи на принцип системності виявилася й у процедурі реконструкції архетипу та фонетичного закону.

Твердження про системний характер реконструйованих архетипів і фонетичних законів дістало певне теоретичне висвітлення. Його розробляв, зокрема, М.О. Колосов, хоча питання про те, у чому полягає системний характер тих або інших фонетичних законів (наприклад, переходу *o* в *i* в нових закритих складах української мови), для М.О. Колосова залишалося відкритим. Він був упевнений: будь-які фонетичні закони зумовлені мовною системою. Якщо ж та або інша зміна органічно не впливає з тенденцій розвитку фонетичної системи, то причина її не фонетична і вона, отже, не є фонетичним законом.

Учені Харківської школи практикою своїх досліджень стверджували: фонетичні закони не є поодинокими, ізольованими змінами, вони утворюють певну систему. Так, М.О. Колосов (на відміну, наприклад, від П.О. Лавровського) констатував тісний зв'язок переходів *ч* у *ц*, *ж* у *з*, *ш* у *с* у частині північновеликоруських говорів: *вѣцер* «вечір», *зърко* «спекотно», *бѣтjюска* «батюшка»¹³.

¹¹ Потебня А.А. К истории звуков русского языка: Этимологические и другие заметки. – Варшава, 1880. – Ч. 2. – С. 57.

¹² Там же. – С. 131.

¹³ Колосов М.А. Знач. праця. – С. 183–187.

На значно більш широкому матеріалі ідею взаємозв'язку архетипів і фонетичних законів реалізував О.О. Потебня. Він реконструював не окремі фонетичні закони, а систему законів із спільним (подібним) механізмом зміни. Беручи за відправну точку для спостереження окремих конкретних фактів мови, О.О. Потебня не обмежувався ним, але включав його в широке коло подібних фактів, що дозволяло вченому відтворювати історію того або іншого явища як прояв загальномовної тенденції, у частковому бачити загальне¹⁴. Тому відкриття О.О. Потебні, фонологічно осмислені, стали надбанням мовознавства ХХ ст. Це стосується, зокрема, його концепції «кількісних змін приголосних»¹⁵.

Введення цього поняття дозволило О.О. Потебні об'єднати в загальній концепції історичний розвиток ряду явищ східнослов'янського консонантизму, які до виходу праць ученого мовознавці розглядали як розрізнені. Водночас можливість пошуку в цьому напрямку певною мірою була підказана О.О. Потебні вивченням наукової спадщини компаративістів 20-х – 60-х рр. ХІХ ст.: як відзначав Я. Грім, у мовах (діалектах) з подовженими приголосними (що виникли зі сполучень «приголосний + j») не відбувається оглушення дзвінких приголосних у кінці слова; отже, виникнення подовжених приголосних і збереження дзвінких тісно пов'язані. Проте в працях українських і російських мовознавців середини ХІХ ст. (Я.Ф. Головацького, М.Н. Каткова, Ф.І. Буслаєва) ці й подібні процеси виступали як ізольовані зміни, причому їх механізм лишався нез'ясованим¹⁶.

З прийняттям у європейському мовознавстві чіткої класифікації приголосних стало можливим установаження взаємозв'язку між їхніми ознаками. Концепція «кількісних змін приголосних» в історії

¹⁴ Жовтобрюх М.А. Значення праць О.О. Потебні для розвитку вітчизняного мовознавства // Олександр Опанасович Потебня: Ювілейний зб. до 125-річчя з дня народження. – К., 1962. – С. 6.

¹⁵ Див.: Глущенко В.А. Концепція «кількісних змін приголосних» О.О. Потебні // Олександр Потебня: сучасний погляд. Матеріали міжнародних читань, присвячених 170-річчю від дня народження фундатора Харківської філологічної школи. 11–12 жовтня 2005 року. – Харків, 2006. – С. 99–100.

¹⁶ Там же. – С. 93–94.

східнослов'янських мов, запропонована О.О. Потебнею, установлювала такий взаємозв'язок між ознаками сили-слабкості, глухості-дзвінкості, проривності-фрикативності, м'якості-твердості.

О.О. Потебня писав: «Кількістю приголосної називається ступінь сили дихання, необхідний для вимови цієї приголосної. Дихання з більшою силою спрямовується до органів, коли вимовляємо **к, т, п**, ніж тоді, коли вимовляємо **г, д, б**, і з більшою силою в цьому останньому випадку, ніж тоді, коли вимовляємо *spirantes* (**ж, в, с, х, г** та ін.), язикові **р, л** і носові **н, м**. Тому зміну приголосних беззвучних або одночасних у напрямі до звучних або довгих, які непомітно зливаються з голосними (**н з а, ж з і, в з у**), є кількісним занепадом цих приголосних»¹⁷.

Отже, на думку О.О. Потебні, глухі і дзвінки, проривні і фрикативні приголосні фонетично розрізняються також за силою-слабкістю¹⁸. Ступені сили приголосних у порядку зменшення можна представити так: глухі проривні – дзвінки проривні – фрикативні та **р, л, м, н**. Останні на цій шкалі – голосні: це найбільш слабкі звуки, при цьому між приголосними і голосними немає чітких меж.

Звідси потебнянська кваліфікація тих або інших консонантних змін як «ослаблень» або «підсилень». Вони є різновидами «кількісних змін приголосних».

Включивши в явище «ослаблення» приголосних занепад приголосних, спірантизацію проривних та африкат і африкатизацію проривних, одзвінчення глухих, О.О. Потебня запропонував широке трактування консонантного еліпсиса, яке виявилось перспективним у лінгвістиці ХХ ст., зокрема у вивченні діалектів російської мови¹⁹.

¹⁷ Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии, II. О звуковых особенностях русских наречий. – Воронеж, 1866. – С. 68–69.

¹⁸ У сучасній лінгвістиці поряд з термінами *сила-слабкість* уживають терміни *напруженість-ненапруженість*, що відбивають артикуляційні особливості приголосних.

¹⁹ Пауфощима Р.Ф. О связи характера примыкания и звукового эллипсиса с особенностями фонологической системы (на материале говоров русского языка) // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. – М., 1987. – С. 102.

Так, О.О. Потебнею наведено багатий діалектний матеріал, що відбиває такий різновид еліпсиса приголосних, як спірантизація проривних. Це зміна проривного *z* (він був властивий праслов'янській мові) у фрикативний приголосний, що відбулася в історії ряду слов'янських мов, зокрема в українській і білоруській мовах та в південновеликоруському наріччі, а також такі зміни приголосних у різних східнослов'янських діалектах, як *к* > *х* (укр. і рос. діал. *кто* > *хто*, рос. діал. *к кому* > *х кому*), *д'* > *ј* (блр. діал. *малайца́* «молодця», півд.-зах. укр. *двайцять* «двадцять»). Предметом вивчення в О.О. Потебні стали також спірантизація африкат (*ч* > *ш*, напр. рос. *что* > *што*, укр. *ручник* > *рушник*; *ш'тиш'* > *ш'* > *ш*, напр. рос. діал. *шшыпáть* «щипати»; *ж'дэж'* > *ж'* > *ж*, напр. рос. діал. *дбэжык* «дощик») і африкатизація проривних: *тч, дч* > *ч*; *тц, дц* > *ц*²⁰.

Усебічно, з використанням широкого кола діалектних явищ дослідив О.О. Потебня й одзвінчення глухих приголосних.

Різновидами «підсилення» О.О. Потебня вважав перехід фрикативних в африкати та проривні і оглушення дзвінких.

Учений відзначив випадки переходу фрикативних *ж* і *з* в африкати *дж* і *дз* в українській мові (укр. *джерело*, *дзвін*, півд.-зах. укр. *джаворонок*, *дзерно*, фрикативного *х* у проривний *к* у діалектах російської мови: *сахари* > *сукари*, *хлеба* > *клеба*²¹).

Основну увагу серед явищ «підсилення» приголосних О.О. Потебня закономірно приділяв оглушенню дзвінких. Він розглядав цей процес як «підсилення» приголосних тому, що перехід дзвінких приголосних у глухі водночас є зміною слабких приголосних у сильні. Учений виділив ряд фонетичних позицій, у яких відбувається перехід дзвінких приголосних у глухі, і простежив це явище в східнослов'янських діалектах, відзначаючи в ряді випадків відмінності в говорах тієї самої мови.

Пов'язуючи перехід глухих приголосних у дзвінкі та дзвінких у глухі з занепадом редукованих, О.О. Потебня не спрощував цих

²⁰ Потебня А.А. Два исследования... – С. 70–88, 126–137; його ж. Заметки о малорусском наречии. – Воронеж, 1871. – С. 85–86.

²¹ Потебня А.А. Два исследования... – С. 124–125, 136, 91.

процесів. У його концепції зміна глухих приголосних у дзвінкі та дзвінких у глухі не є механічним результатом занепаду редукованих, має свій власний зміст.

Отже, концепція «кількісних змін приголосних» О.О. Потебні дозволила охопити практично всі фонетичні закони в історії консонантних систем східнослов'янських мов.

Хоча розглянуті фонетичні закони О.О. Потебня об'єднував на фізіологічній основі як такі, що мають подібний механізм, об'єктивно вони пов'язані між собою на фонологічному рівні, що й було показано в дослідженнях ХХ ст.²²

У працях з української лінгвістичної історіографії відзначено, що «Очерк звуковой истории малорусского наречия» П.Г. Житецького є першою спробою цілісного огляду історичної фонетики української мови²³. Системний підхід до мовних явищ у їх історії П.Г. Житецький реалізував насамперед шляхом поєднання в цілісній концепції розвитку вокалізму і консонантизму.

Важливо підкреслити, що П.Г. Житецький розглядав не лише зв'язок окремих голосних і приголосних у мовленнєвому потоці. Він досліджував зв'язок самих підсистем вокалізму і консонантизму. При цьому кожне фонетичне явище, до якого звертався П.Г. Житецький, органічно включене в загальну концепцію і з неї випливає.

Проведене нами фронтальне вивчення історико-лінгвістичних праць 20-х рр. ХІХ ст. – 20-х рр. ХХ ст. показує, що саме П.Г. Житецькому належить заслуга постановки проблеми зв'язку вокалізму і консонантизму в історії української мови і тим самим в історії слов'янських мов узагалі²⁴. Дослідники відзначають, що реалізація необхідності подолати межі між вокалізмом і консонантизмом є значним досягненням славістики і вперше представ-

²² Див.: Глушенко В.А. Значч. праця. – С. 99–101.

²³ Бевзенко С.П. Історія українського мовознавства. Історія вивчення української мови: Навч. посібник. – К., 1991. – С. 170.

²⁴ Глушенко В.А. П.Г. Житецький і проблеми фонологічної типології слов'янських мов // Історія української лінгвістики: Зб. наукових праць. – Київ; Ніжин, 2001. – С. 49.

лена в студіях О.О. Шахматова та Р.О. Якобсона²⁵. Аналіз праці П.Г. Житецького «Очерк звуковой истории малорусского наречия» в контексті тогочасного мовознавства показує, що пріоритет у постановці проблеми зв'язку вокалізму і консонантизму належить саме йому.

Проте цей факт залишився непоміченим як у працях з історичної фонетики української мови та слов'янських мов узагалі, так і в дослідженнях з історії мовознавства, незважаючи на те, що студіям П.Г. Житецького звичайно давали й дають високу оцінку. У зв'язку з цим ми хотіли б підкреслити, що «Очерк звуковой истории малорусского наречия» є значним внеском не тільки в україністику, а й у славістику: розв'язання проблеми зв'язку вокалізму і консонантизму на матеріалі будь-якої слов'янської мови має велике загальнославистичне значення²⁶.

Необхідно відзначити, що П.Г. Житецький пише саме про однієї зв'язок вокалізму і консонантизму, а не про їх взаємодію: в історії української мови зміни в підсистемі голосних (запад редукованих) викликали зміни в підсистемі приголосних²⁷. Твердження про зворотний вплив консонантизму на вокалізм в історії східнослов'янських (і взагалі слов'янських) мов уперше представлене в працях О.О. Шахматова, який розглядав зв'язок вокалізму і консонантизму як взаємодію.

Дуже важливим у праці П.Г. Житецького є встановлення стійких тенденцій до рівноваги голосних і приголосних в історії української мови. З погляду вченого, між вокалізмом і консонантизмом існують компенсаційні відношення. «Ослаблення» вокалізму, за П.Г. Житецьким, спричиняється до «підсилення» консонантизму, а «підсилення» вокалізму – до «ослаблення» консонантизму.

Щоправда, учений трактує це твердження дещо механістично і за різними ознаками для голосних і приголосних: «ослаблення»

²⁵ Журавлев В.К. Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов // Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. – М., 1987. – С. 485.

²⁶ Глущенко В.А. Значч. праця. – С. 49–50.

²⁷ Житецкий П.И. Очерк звуковой истории малорусского наречия. – С. 67–70, 145–150.

вокалізму полягає в скороченні кількості голосних звуків (занепад редукованих), а «підсилення» консонантизму – у вживанні в певних позиціях (у кінці слова та перед глухими приголосними) сильних (глухих) приголосних звуків. Водночас сама думка про те, що в тих чи інших сучасних слов'янських мовах (діалектах) та в їх історії «бідний» вокалізм поєднується з «багатим» консонантизмом і навпаки, виявилася дуже продуктивною в мовознавстві ХХ ст. Вона стала основою поділу слов'янських мов (діалектів) на два типи – вокалічний і консонантний, які було інтерпретовано як у синхронічному, так і в діахронічному аспекті²⁸.

Дістала великого поширення та подальшого поглиблення й ідея П.Г. Житецького про провідну роль вокалізму в процесі перетворення підсистем вокалізму і консонантизму слов'янських мов: саме зміни в підсистемі голосних (занепад редукованих) викликають наступні зміни як у підсистемі голосних, так і в підсистемі приголосних.

З погляду П.Г. Житецького, для «спільноруської епохи» характерне «процвітання глухих голосних»²⁹. Цей час і був періодом відносної рівноваги вокалізму і консонантизму у фонетичних системах слов'янських мов. Прямо на це П.Г. Житецький не вказує, проте це твердження представлене в ученого імпліцитно: воно органічне для системи ідей П.Г. Житецького. Про це свідчить, зокрема, і те, як зображував учений еволюцію фонетичної системи української мови після занепаду редукованих голосних: «Рух звуків у малоруському наріччі, як і в усіх слов'янських наріччях, почався, на нашу думку, з утрати глухих звуків **ъ** і **ь**...»³⁰. Ущипливе зауваження О.О. Потебні («Що ж робили звуки до того часу, якщо вони не рухалися»³¹) побудоване, з нашого погляду, на непорозумінні. О.О. Потебня справедливо вказує на те, що звуки змінюються завжди, однак, оскільки П.Г. Житецькому властивий історичний підхід до мовних явищ, це й для нього було очевидним.

²⁸ Глущенко В.А. Зазнач. праця. – С. 51–52.

²⁹ Житецкий П.И. Очерк звуковой истории малорусского наречия. – С. 67.

³⁰ Житецкий П.И. Очерк звуковой истории малорусского наречия. – С. 50.

³¹ Потебня А.А. К истории звуков русского языка. – Воронеж, 1876. – Ч. 1. – С. 44.

Пафос наведеного висловлювання в іншому: занепаду редукованих і фонетичним змінам, викликаним цим процесом, передував період відносної рівноваги вокалізму і консонантизму у фонетичних системах слов'янських мов.

Отже, у працях О.О. Потебні та П.Г. Житецького реконструйовано системи архетипів і системи фонетичних законів з подібним механізмом (об'єднаних спільною причиною). Завдяки цьому історія фонетичних систем східнослов'янських мов виступає як ланцюг причиново пов'язаних фонетичних процесів на рівні підсистем (вокалізм і консонантизм) і ознак звуків (сила і слабкість, глухість і дзвінкість, проривність і фрикативність, твердість і м'якість приголосних). Це й зумовило те, що концепції «кількісних змін приголосних» О.О. Потебні та зв'язку вокалізму і консонантизму в історії української мови П.Г. Житецького зберегли актуальність у мовознавстві ХХ ст.

Аналіз показує, що реконструкція фонетичних явищ у студіях учених Харківської школи, як і в працях істориків мови 20-х – 60-х рр. ХІХ ст., мала субстанціональний характер: О.О. Потебня, М.О. Колосов і П.Г. Житецький реконструювали *субстанцію, матерію* мови, а не відношення між мовними одиницями. Останнє стало надбанням лінгвістики ХХ ст.

Субстанціональний характер фонетичної реконструкції в працях учених Харківської школи відбився, зокрема, у реконструкції середніх звуків-архетипів, за допомогою яких можна пояснити сучасні рефлекси в різних слов'янських мовах (діалектах).

Аргументуючи це, О.О. Потебня зауважує, що, наприклад, пояснювати неповноголосну старослов'янську форму повноголосною східнослов'янською та навпаки «більш ризиковано, ніж виводити ту й іншу з третьої, яку вони передбачають»³². Тому вчений допускав можливість реконструкції для повноголосних і неповноголосних форм середнього архетипу³³. Подібно до цього О.О. Потебня вважав, що праслов'янські сполучення *tj* і *dj* на «русько-болгар-

³² Потебня А.А. Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». К., 1876. – СПб., 1878. – С. 50.

³³ Потебня А.А. К истории звуков русского языка. – Ч. 1. – С. 113.

ському» ґрунті давали *ч'ч'* і *дж'дж'*. О.О. Потебня реконструював такі архетипи саме тому, що вони пояснюють наявність різних рефлексів *tj* і *dj* у східнослов'янських і південнослов'янських мовах. Показовим у цьому плані є й пояснення походження початкових *je* та *o* в слов'янських мовах, яке дав М.О. Колосов. Він визнавав первинність початкового старослов'янського *je* та вторинність початкового *o* в східнослов'янських мовах (укр. і рос. **олень**). Водночас М.О. Колосов допускав можливість іншої інтерпретації: *je* та *o* походять від *третього* звука – праслов'янського *e*³⁴. У зв'язку з цим О.О. Потебня також обґрунтовував твердження про те, що праслов'янським архетипом міг бути лише *третій* звук³⁵.

Важливим внеском у розробку принципу системності стала теза про неприпустимість множинності в галузі реконструкції архетипів. Це твердження обґрунтовував М.О. Колосов. На його думку, істотним недоліком «Очерка звуковой истории малорусского наречия» є те, що П.Г. Житецький реконструює не один, а кілька архетипів як рефлекси «спільноруського» *ѣ*. Це, за М.О. Колосовим, свідчить про хаос, асистемність у зображенні історії мовних явищ.

Звернення до праці П.Г. Житецького показує, що реконструйовані ним два рефлекси наголошеного *ѣ* характеризували різні діалекти «спільноруської мови». Проте думка про різну локалізацію цих рефлексів висловлена П.Г. Житецьким недостатньо чітко, і це робить зрозумілою негативну оцінку М.О. Колосова.

Системний підхід учених Харківської школи до мовних явищ у їх історії відбито й у прийомі хронологізації фонетичних явищ. Так, М.О. Колосов негативно оцінював твердження О.О. Потебні про збереження редукованих голосних у деяких сучасних північно-великоруських говорах. Один з аргументів М.О. Колосова базується на розрізненні голосних призвуків на місці давніх редукованих, з одного боку, і редукованих голосних як фонем, з іншого: «Глухі звуки здавна загубилися в руській мові як окрема звукова катего-

³⁴ Колосов М. А. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. – Варшава, 1872. – С. 15–16.

³⁵ Потебня А.А. Зазнач. праця. – С. 18–23.

рія, як звуки, що незмінно виявлялися колись у відомих певних випадках; але *можливість вимови* (виділено автором – В.Г.) глухого мовою й досі в деяких говорах не втрачено»³⁶. Словосполучення *окрема звукова категорія* М.О. Колосов уживає в тому значенні, яке пізніше було закріплене за терміном *фонема*. Отже, у трактуванні історії **ѣ** і **ь** як одиниць системи фонем М.О. Колосов став попередником мовознавців ХХ ст.

Певна обмеженість історичного підходу до явищ мовної історії, характерна для П.Г. Житецького, виявилася в одноплщинному співвіднесенні архетипів: на площину «спільноруської прамови» було перенесено такі різні за часом виникнення явища, як повноголосся та занепад редукованих.

Притаманне вченим Харківської школи трактування мови як системи реалізувалося також у прийомі локалізації мовних явищ. Так, О.О. Потебня відзначив певну системність написань у Повчанні Єфрема Сіріна, волинській пам'ятці кінця ХІІІ ст. Учений звернув увагу на збіг двох давніх приєднань-префіксів **въ** та **у**. Давши цьому явищу фонетичну інтерпретацію, О.О. Потебня підкреслив, що такі форми, як **у чась, ув молитвах, узлюбиль**, з одного боку, і **вгодно, повчити, въмрѣти**, з іншого, мають «малоруське» походження. Проте форми типу **узя** (замість **взя**) і **вже** (замість **уже**) не можна вважати «малоруськими». Аргументуючи це твердження, О.О. Потебня зазначив, що подібні форми з давнього часу властиві говорам східнослов'янської півночі (учений зробив посилання на Смоленську грамоту 1229 р. та північні російські грамоти ХІV – ХV ст.) і гармоніюють з іншими північновеликоруськими рисами, які, за О.О. Потебнею, вніс північний переписувач (друге повноголосся, перехід напружених редукованих у сильній позиції в **о** та **е**, цокання)³⁷

³⁶ Колосов М. А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. – С. 7.

³⁷ Потебня А.А. Заметки о малорусском наречии. – С. 72–73.

В.И. Дегтярев
(*Ростов-на-Дону*)

ГРАММАТИКА СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОМ УЧЕНИИ А.А. ПОТЕБНИ

Внимание к научному наследию великого российско-украинского языковеда А.А. Потебни огромно. Едва ли кто-нибудь решится оспаривать истину, что он и сейчас остается самым читаемым классиком славяно-русского языкознания. О Потебне написано много, но его темы и идеи неисчерпаемы. К нему будут обращаться всегда, чтобы лучше понять, по-новому оценить его научное мировоззрение, да и просто еще и еще раз почувствовать вечно живое биение его мысли.

Главная книга А.А. Потебни «Из записок по русской грамматике» названа так не столько из скромности автора, сколько оттого, что его программа исторического или, скорее, историко-генетического исследования русского языка на основе сравнительного метода, намеченная автором, по существу не имеет границ, не укладывается в обычные рамки курса исторической грамматики и требует продолжения и развития, открывая простор для исследования новых, неизведанных тем и вопросов. В сущности в «Записках» А.А. Потебни «задействована» вся система грамматики, весь язык в его отношении к логике и психологии мышления. О том, насколько глубоко и основательно подходил А.А. Потебня к исследуемым явлениям языка и научным понятиям, красноречиво свидетельствует его требование к определению предложения: «Махітум определения предложения данного момента языка (с оговоркою «сколько нам известно») было бы синтезом синтаксиса

этого языка» (с. 84)¹. Такой подход к определению предложения в его эволюции от древнейшего состояния к

современному он сам блестяще продемонстрировал в много-томном научном сочинении «Из записок по русской грамматике».

Исследуя историю русского языка, А.А. Потебня постоянно имеет в виду отношение языка к мышлению, их связь и взаимовлияние. При этом он подчеркивает их диалектическое единство. Разграничивая грамматику и логику, он отнюдь не считает, что логическое мышление возможно без языка, но скорее рассматривает мышление и языковую коммуникацию как единый речемыслительный процесс. Основу его концепции составляет психология мышления, т.е. динамика мышления как процесс познания: язык есть «орган непрерывно деятельной мысли» (с. 64). Вместе с тем язык – это арсенал и база развивающегося мышления: «...новые языки вообще суть более совершенные органы мысли, чем древние, ибо первые заключают в себе больший капитал мысли, чем последние» (с. 65). Но если влияние мышления на язык было ясно и предшественникам Потебни, то обратное воздействие языка на мышление оставалось загадкой и после В. фон Гумбольдта, впервые поставившего вопрос о соотношении языка и мышления в таком ракурсе. Особенность позиции Потебни заключается в том, что он рассматривает отношения языка и мышления под углом зрения, направленным от языка на мышление: как язык своим строем, своими категориями реализует мысль и влияет на формы мыслительной деятельности. Прежде всего Потебня подчеркивает, что язык остается «постоянно орудием усложнения мысли» (с. 41), т.е. ее совершенствования и углубления познания. Язык исторически вырабатывает грамматические классы слов (части речи), грамматические категории и значения, с помощью которых выражаются мысли. Следовательно, вербальное мышление, во всяком случае способ выражения или формулирования мыслей, не может не испытывать «давления» системы языка, грамматического строя, языковых категорий; структура языка, его расчле-

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1 – 2. – М., 1958. Здесь и далее в ссылках на эту работу указаны только страницы в круглых скобках.

ненность не безразличны для членения и организации мысли: «Говорить на формальном языке, каковы арийские, – значит систематизировать свою мысль, распределяя ее по известным отделам», т.е. по грамматическим категориям (с. 37). А.А. Потебня подчеркивает преимущество и удобство грамматически развитого, совершенного в формальном отношении языка в выражении бесконечно усложняющихся мыслей. «...Языки различны между собою не одной звуковой формой, но всем строем мысли, выразившимся в них, и всем своим влиянием на последующее развитие народов» (с. 69). Позицию Потебни в этом вопросе лучше всего характеризует его краткая, но глубокомысленная формула: «Язык есть тоже форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается» (с.70). Таким образом, язык – это форма и способ мышления, заключающиеся в распределении, расчленении мыслимого содержания по рубрикам или отделам языковой системы, систематизирующем и организующем речемыслительный процесс. Такими рубриками в языке являются общие разряды, категории и части речи. Языковой формой, в которой происходит расчленение и оформление мысли, является предложение. В глоттогенезе речь древнее языка, а предложение предшествует слову. Предложение – динамичная, исторически изменяющаяся структура, в которой оформляется слово, формируются лексикограмматические классы слов – части речи – и синтаксические конструкции. Сложившийся грамматический строй языка оказывает воздействие на мысль, трансформируя ее в определенные национальные языковые формы.

Сопоставляя грамматику и логику, А.А. Потебня указывает на существенные различия между ними, между логическими и языковыми единицами: «Слово не одним присутствием звуковой формы, но всем своим содержанием отлично от понятия и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию» (с. 68), «грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением» (там же), члены предложения, особенно второстепенные – дополнение, определение и обстоятельство, - не вы-

водимы из компонентов логического суждения, поскольку логика не имеет дела с такими понятиями, грамматических категорий несравненно больше, чем логических» (с. 69).

Особенность языкового абстрагирования заключается в том, что языковые значения формализованы, условно-символичны в отношении к действительности; ср. об этом у А.А. Потебни: «... содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма» (с. 72). А.А. Потебня понимал форму как структуру содержания и подчеркивал, что «...формальность языкознания вещественна сравнительно с формальностью логики» (с. 70). Ср. также: «Значение слов, в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо *внутреннею их формою* в отличие от внешней, звуковой, иначе – способом представления внеязычного содержания» (с. 47). Подчеркнем главное: языковые значения – это особый, языковой способ представления внеязыкового содержания.

Из этого следует методологически важное требование к определению языковых единиц, которого придерживался А.А. Потебня: поскольку языкознание имеет дело с собственно языковыми значениями, языковые единицы слово и предложение должны определяться собственно лингвистически, а не с позиций логики или психологии. Он впервые убедительно доказал, что столь привычное в современном ему языкознании определение предложения как словесного выражения суждения, а слова как знака, заключающего в себе понятие, пусто и бесполезно, потому что не содержит в себе грамматических, т.е. собственно языковых, признаков определяемого. Естественно, что в своем грамматическом учении он стремился преодолеть этот недостаток традиционных представлений о языковых единицах и пытался выявить их структурные признаки, сформулировать собственно лингвистические определения и слова, и предложения. В результате им разработано оригинальное учение о грамматических категориях и формах слова и предложения на историческом материале русского языка, применимое и к другим славянским и индоевропейским языкам.

В языках, сформировавших грамматический строй, слово, наряду с индивидуальным лексическим значением, включает в себе «указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других» (с. 35). Это свойство слова указывает на его грамматическую оформленность. Строго говоря, в русском языке только род у имен существительных, в некоторой степени и вид у глаголов классифицируют слова, т.е. подводят значения слов под тот или иной грамматический разряд, тогда как падеж, например, характеризует изменение грамматической формы слова. На этом, как известно, основано различие словоизменятельных (реляционных) и классификационных (деривационных) грамматических категорий. Однако у Потебни такое различие типов грамматических категорий нивелировано, поскольку он считает, что любое изменение как лексического, так и грамматического значения слова создает новое слово в новой грамматической форме – такова речевая реальность, в которой создается и употребляется слово. Как психологист, А.А. Потебня исследовал акты речи, именно поэтому вслед за Г. Штейнталем он отрицал многозначность слова и грамматических форм. Но суть такого указания на грамматический разряд заключается в том, что оно «определяет постоянную роль слова в речи, его постоянное отношение к другим словам» (с. 35). Следовательно, грамматические значения своей природой служат цели организации коммуникативного акта, построению предложения, в котором каждое слово, благодаря взаимодействию своего лексического и грамматических значений, их взаимному согласованию и соответствию, находит свое место, занимает собственную позицию и выполняет определенную функцию согласно своему значению. В построении предложения грамматические значения играют смыслоорганизующую роль и изначально связаны с лексическим значением слова в предложении. Это подчеркивает и А.А. Потебня: «На мышление грамматической формы, как бы она ни была многосложна, затрачиваем так мало новой силы, кроме той, какая нужна для мышления лексического содержания, что содержание это и граммати-

ческая форма составляют как бы один акт мысли, а не два или более и живут в сознании говорящего как неделимая единица» (с. 37). Грамматическое значение, сосуществующее в слове с лексическим, определяется как общее, по сравнению с которым лексическое значение является частным и индивидуальным. Такой подход к определению грамматического значения, сопоставляющий его с лексическим, утвердился в отечественной грамматической традиции. Его влияние испытали многие грамматисты, например, А.А. Шахматов². Но если Шахматов определял грамматическое значение как неосновное, сопутствующее лексическому, то концепция грамматической формы А.А. Потебни дает основание для более глубокого и более точного определения грамматического значения, которое, по Потебне, составляет компонент грамматической формы слова. Суть вопроса состоит в том, *чему* в слове сопутствует грамматическое значение. Ответим на этот вопрос позже, познакомившись конкретнее с понятием грамматической формы слова в учении А.А. Потебни.

В предложении слово функционирует, будучи грамматически оформленным. Форменность, или формальность, в языке Потебня понимал как значение отношения. С этой точки зрения в языке нет бесформенных слов. Грамматическая форма слова создается самой позицией, положением слова в структуре предложения, отношением его к другим словам в потоке речи. Это соответствует общей идее А.А. Потебни, согласно которой слово, да и весь строй языка в целом, формируется в стихии речи, в процессе коммуникации, слово оформляется в предложении в результате его лексико-структурного расчленения. Вместе с тем, – указывает А.А. Потебня, – «формальность языка есть существование в нем общих разрядов, по которым распределяется содержание языка, одновременно с своим появлением в мысли» (с. 61), т.е. наличие грамматических классов или частей речи, которые формируются в предложении по мере развития грамматического строя языка. Грамматическая оформленность слова – это его принадлежность к определенной

² Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941. – С. 420.

части речи и отношение к грамматическим категориям, а грамматическая форма слова, которая, по мысли А.А. Потебни, есть элемент значения слова и однородна с его лексическим значением, – это комплекс грамматических значений словоформы (у существительного – значений рода, числа и падежа, у глагола – значений залога, вида, времени, наклонения, лица).

Позиция Потебни опирается на историко-генетические исследования частей речи. Формальность в языке содержательна или функциональна. Так, «в местоименных наречиях формально не то, что они указательно означают «качество» (*так, как*), «количество» (*сколько, столько*), «место» (*где, там*), «время» (*когда, тогда*) (Буслаев, Гр., § 160, 2), а то, что они суть наречия т.е. что они в качестве особого члена предложения равносильны деепричастиям и наречиям от других качественных (неместоименных) слов. Это слова столь же вещественные, как *верста* и т.п. Потеря склоняемости не связана в них с уничтожением специального значения, как в предлогах и союзах, а есть только средство обозначения категории наречия» (с. 37). Если какое-нибудь слово, например существительное в косвенном падеже, функционируя в качестве обстоятельства, т.е. подобно наречию, постепенно утрачивает субстанциональность или субстантивность, а вместе с тем и склоняемость, то это не означает утраты словом его прежнего лексического значения, хотя это значение преобразуется, а свидетельствует о его адвербиализации, или онаречивании. Наречность – это особое грамматическое свойство слова, формирующееся в предложении и определяющее его отношение к другим словам, принадлежащим к другим частям речи. Равным образом, категориальные значения других частей речи, такие как субстантивность, или существительность, вербальность, или глагольность, адъективность, или прилагательность, также формируются в структуре предложения и получают свое выражение в комплексе грамматических значений. Имя существительное обозначает предмет, но нередко – в особом, грамматическом смысле: фактически это не только действительный предмет или лицо, но и действие, явление, признак, отношение, свойство, мыслимые субстанционально. Такая пред-

метность создается в составе предложения. В предложении слово получает статус части речи.

Грамматическая оформленность слова не обязательно предполагает суффикс или флексию, т.е. внешний, формальный показатель грамматического значения. Она создается или осознается тогда, когда слово получает определенную грамматическую функцию в предложении. Грамматическая форма слова сохраняется и поддерживается только в речи, в связи, в соединении с другими формами: «Значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств...» (с. 42). Говоря специально о синтаксической форме, А.А. Потебня пишет: «Синтаксические отношения формы всегда согласны с нею самою: она ведь и узнается по этим отношениям» (с. 50 – 51). Грамматическая форма – это элемент отношения, и в качестве отношения она «есть всегда нечто отвлеченное» (там же, с. 52).

Идея грамматической формы как отношения составляет методологическую основу для понимания природы формы в языке. Что же касается грамматической формы слова, то у Потебни указаны все важнейшие признаки этого понятия: грамматическая форма слова определяется отношением слова к той или иной части речи или общему разряду (грамматической категории), местом в системах склонения или спряжения слова, связями с другими формами в сочетаниях слов, синтаксическими отношениями, функцией в предложении, в конечном счете грамматическая форма слова определяется всей системой языка, его грамматическим строем.

Легко понять, насколько неожиданным было впервые введенное в теорию грамматики понятие грамматической формы как элемента значения слова, однородного с его вещественным (лексическим) значением. Не смешивается ли таким образом форма с грамматическим значением? А.А. Потебня предвидел сомнения на этот счет и настоятельно доказывал, что в формальных языках флективного строя, каковы современные индоевропейские языки, вещественное и формальное содержание составляет единый акт мысли (с. 37, 39, 44). В истории каждого языка то, что

в данный момент составляет грамматическую форму, в прошлом было лексическим значением, а формальные показатели таких значений были служебными и даже знаменательными словами, но с общей семантикой. Ср. предлог *под* и существительное *под* (печи) или болг. *след* и *зад* «после», «за», серб. *због* «сбоку». Происхождение этих предлогов, как и более древних – типа *в*, *к*, *с* и других, давших приставки, т.е. морфемы в составе слов, явно показывает, что грамматические значения имеют реальные или действительные семантические основания и являются результатом формализации или грамматикализации вещественных значений. Совершенно очевидно, что «выветривание» форм, ослабление их лексичности и обобщение на основе широких и, следовательно, довольно расплывчатых значений, совершается в речи, в предложении и является собственно языковым процессом, благодаря которому и формируется грамматический строй языка. Форма, как ее понимал А.А. Потебня, – это структура содержания, т.е. внутреннее свойство, закономерность его организации. В таком понимании формы заключается одно из важнейших отличий психологического направления в языкознании от формально-логического. Оно восходит к диалектическому, гегелевскому пониманию формы как структуры содержания.

А.А. Потебня, конечно, несколько не умалял важности форм выражения языковых значений, но отводил им служебную роль, отдавая предпочтение формам содержания, на которых сосредоточен весь интерес мысли. Отвечая на вопрос о том, что такое создание и разрушение грамматических форм, Потебня показал фактическую несостоятельность и анахронизм известной теории двух периодов в жизни языка – периода развития или роста и периода падения или умирания. Согласно такому представлению язык и культура, равно и история народа, находятся в отношении обратной пропорции: чем богаче культура, тем беднее формами и проще в средствах выражения язык. А.А. Потебня остро сознавал ненаучность, несостоятельность такого представления. О грамматическом совершенстве языка невозможно судить путем простого подсчета флективных форм, количество которых, естественно,

колеблется в процессе развития грамматического строя. Утрата форм в истории языка свидетельствует только о том, что язык больше не нуждается в них как средствах выражения, поскольку пользуется иными, более совершенными формами – местом в системе, связью с другими формами, тогда как количество форм при этом не сокращается, поскольку «и разрушение, и рождение форм, равно как и вещественных значений, ближайшим образом зависят не от наклонностей внешних органов слова, а от известной потребности мысли» (с. 37). «Мысль в формальном языке никогда не разрывает связи с грамматическими формами: удаляясь от одной, она непременно в то же время создает другую» (с. 50). В хорошо структурированном, грамматически развитом языке формы подкрепляют друг друга, и поэтому система языка освобождается от избыточных форм выражения, сохраняя при этом все богатство содержания. А.А. Потебня утверждает непрерывность развития языка и совершенствования его форм: «Язык постоянно остается посредником между познанным и вновь познаваемым. Как вещественные значения, так и формы должны быть рассматриваемы как средства и вместе акты познания. Если мир, как мы верим, неисчерпаем для познания и если верно, что не может быть найдено пределов лексическому развитию языка, то нельзя назначить и черты, ограничивающей количество и качество возможных в формальном языке категорий» (с. 59), потому что изменения в языке есть «следствие усложнения мысли» (с. 60).

Предложение тоже должно быть определено, с точки зрения языковой формы, по составу его компонентов, т.е. по содержанию и структуре. Эта мысль постоянно подчеркивается Потебней: «Между тем простейшее предложение наших языков заключает уже в себе грамматическую форму; оно появляется в языке вместе с нею» (с. 82), «... в предложении, кроме формы, нет ничего, так что, отнявши форму, мы уничтожим предложение флексивных языков» (с. 72). Предложение, по определению Потебни, – то «ближайшее целое», в котором совершается жизнь грамматических форм – глагола, существительного, прилагательного, наречия. Вместе с развитием и изменением этих форм изменяется и само

предложение (с. 82). Таким образом, по мысли А.А. Потебни, «существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи; если их нет, то нет и *нашего* предложения» (с. 71).

При справедливо критическом отношении к современным ему грамматикам русского языка, в том числе и к лучшей из них – «Исторической грамматике русского языка» Ф.И. Буслаева, А.А. Потебня разделял утвердившееся мнение, что организующим центром предложения является сказуемое, а, следовательно, глагол как наиболее совершенная, «собственная и первоначальная этимологическая (здесь – морфологическая – В.Д.) форма выражения сказуемого» (с. 73). Предложение изначально, по своей природе предикативно, и предикативность его обязательно выражена, но на пути глагольности предложение прошло долгий и сложный путь преобразований от первоначального, диффузного в грамматическом отношении *словопредложения* (или *слова-предложения*) к современному предложению развитого глагольного строя, характеризующемуся наличием в своей структуре спрягаемой или лично-временной формы глагола. Сам Потебня говорит об этом так: «Переходя... к языкам, наиболее развитым в формальном отношении, каковы наши, мы замечаем в этих последних, что главное (независимое от другого) предложение невозможно (кроме случаев опущения глагола) без *verbum finitum* (т.е. глагола в тесном смысле, без причисления к нему причастных форм); что само по себе *vb. finitum* составляет предложение» (с. 84). В то же время известный младограмматик Г. Пауль посчитал заблуждением мысль о том, «будто бы во всяком предложении обязательно должен быть глагол в личной форме»³, сославшись на факты типа лат. *Omnia praeclara rara* «Все прекрасное редко», *Summum jus summa injuria* «Высшее право – высшая несправедливость», нем. *Träume Schäume* – «Мечты, что пена», *Ich ein Lügner?* «Я лжец?» и др., Г. Пауль отсылает также к фактам арабского языка. Однако очень сомнительно, чтобы А.А. Потебня не учитывал подобные факты. Суть дела гораздо глубже. Позиция Потебни дает основа-

³ Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960. – С. 143.

ние считать, что развитие языка и мышления он представлял как стадияльное (разумеется, не в марровском понимании), а строй предложения – эволюционирующим от именного к глагольному, так что глагольность является вершиной этого процесса.

Мысль о возрастающей глагольности древнего предложения находит подтверждение в реконструкциях праязыковых состояний. Ср. следующие заключения о развитии грамматического строя праиндоевропейского языка в монографии Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»: «Преобразование глубинной структуры праиндоевропейского языка выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола, который начинает различаться по бинарному принципу транзитивности – интранзитивности <...> Содержательная оппозиция с класса имен переносится на класс глаголов.

Такой сдвиг в глубинной структуре языка с именной оппозиции на оппозицию глагольную отражает, по-видимому, процесс перехода с более конкретного именного противопоставления на более абстрактное глагольное, с противопоставления конкретных денотатов на противопоставление типов действий и деятельности»⁴.

Определяя предложение как синтаксическую конструкцию с глаголом в основе, А.А. Потебня замечает, что речь в данном случае идет о главном типе простого предложения, независимом от других типов, его вариантов и производных от него. Положение об исконной глагольности простого предложения в формальных языках стало определяющим и в трудах учеников А.А. Потебни. Так, Д.Н. Овсяннико-Куликовский писал: «Наблюдая различные формы выражения сказуемого в современных индоевропейских языках, мы приходим к выводу, гласящему так: без глагола или, по крайней мере, без глагольности нет предложения»⁵. Что же касается однословных предложений, как *Пожар! Пора! Стыд! Хорошо!* и т.п., то они, по замечанию А.А. Потебни, «не первообразны, ибо находятся в зависимости от строя нынешнего языка,

⁴ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2 томах. – Тбилиси, 1984. – Т. 1. – С. 312.

⁵ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1912. – С. 52.

объясняются этим строем, как его части, вместе с ним предполагают продолжительное развитие языка» (там же, с. 85). Они основываются на первоначально или исконно более сложных моделях структуры предложения, от которых производны в результате эллипсиса или иных структурных преобразований. Обращая внимание на редуцированную диалогическую речь, где одной формы достаточно, чтобы выразить мысль, например: *Огня! Сюда!* и т.п., А.А. Потебня отмечает, что в сознании слушающего и говорящего есть готовые сложные схемы предложения, на фоне которых осознаются отрывки речи, поскольку они занимают свое, вполне определенное место в системе форм и конструкций, в парадигмах предложений. Д.Н. Овсяннико-Куликовский тоже считает, что реплики типа *Ну! Вон! Бух! Бац!* и особенно строчки из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: «*Татьяна ах!... Пошла – и что ж? Медведь за ней!*» представляют мысли с выраженным «ощущением необходимости глагола»⁶, т.е. глагол в них как бы подразумевается как способ выражения действия. В последнем примере пропуск глаголов «не означает отсутствие глагольности в самой грамматической мысли»⁷. Последующие рассуждения Овсяннико-Куликовского более проясняют его позицию. Несомненно плодотворной является сама идея найти структурный или конструктивный стержень предложения, связанный с предикативностью, а в генетическом плане определение предложения, данное Потебней для языков сформировавшегося флективного строя, представляется вполне корректным. В этом определении выражена главная мысль: глагол-сказуемое как структурный центр предложения определяет состав его форм – позицию подлежащего и второстепенных членов предложения, зависимых от глагола, предсказывает их формы выражения. Ср. следующую формулировку А.А. Потебни: «Наиболее самостоятельный член предложения есть сказуемое, которое одно может обойтись без всех прочих членов» (с. 109). Модели предложений взаимосвязаны и соотносительны. Это значит, что в целом язык – система, в которой находят

⁶ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1912. – С. 53.

⁷ Там же.

себе место каждый тип предложения и которая определяет состав и соотношение его форм.

Определив предложение как форму, А.А. Потебня, естественно, ищет ее в формах составляющих его слов – членов предложения. Он, в частности, указывает, что определение главных членов предложения – подлежащего и сказуемого – «может быть удовлетворительно только в том случае, если будет вместе с тем определением частей речи, функции коих – быть подлежащим и сказуемым» (с.74). То же относится и к определению второстепенных членов предложения – грамматическому объекту (дополнению), грамматическому атрибуту (определению) и обстоятельству. Значения членов предложения суть грамматические, формальные значения, характеризующие синтаксическое употребление слов в предложении. Но синтаксическое употребление слов не сводится к известным типам или способам выражения связей слов в предложении – согласованию, управлению и примыканию: «...второстепенных членов предложения нельзя подвести под рубрики согласования, управления и отсутствия того и другого, ибо несогласуемыми и неуправляемыми могут быть и дополнения» (с. 120). А.А. Потебня сознавал, что так называемые синтаксические связи – согласование и управление (термина *примыкание* он еще не применял) – это в действительности лишь способы морфологического оформления синтаксических отношений слов в предложении, не обязательно соответственные этим отношениям. Что касается разбора предложения по вопросам, то Потебня считал такой прием неграмматическим и некорректным для определения слова как члена предложения. Значения, выражаемые с помощью вопросов, обычно понимаются лингвистически и не имеют отношения к грамматической семантике.

Семантическую основу членения предложения составляют преломленные сквозь субъектно-предикатную структуру предикативной формы мысли действительные отношения между субъектом действия и действием его, с одной стороны, между действием субъекта и его объектами и обстоятельствами совершения, – с другой, отношения между определяемым и определением. Для

выражения компонентов этих отношений служат части речи – морфологизованные члены предложения. Основу членов предложения составляют категории субстантивности, или существительности (грамматического предмета), глагольности, адъективности, или прилагательности, адвербиальности, или обстоятельственности, т.е. категориальные значения частей речи, исторически формирующиеся в предложении в результате синтаксического употребления слов. Это, собственно, и есть синтаксические категории, образующие члены предложения.

Стремясь остаться на грамматической точке зрения относительно членов предложения, А.А. Потебня соотносит их с частями речи. Для Потебни эта связь – генетическая, позволяющая установить природу частей речи, закономерности их формирования и развития на базе предложения. Согласно проводимому им строгому грамматическому подходу к выражению членов предложения (именно такой подход он и считал единственно верным) личный глагол есть сказуемое или предикативная связка, имя в прямом (именительном) падеже, независимое, не согласованное с другим, – подлежащее, имя в косвенном падеже – дополнение, согласуемое имя в любом падеже – определение или часть сказуемого, наречие – специальная форма обстоятельства (с.124). Нужно согласиться с тем, что «включение грамматических объектов в понятие обстоятельства не может быть оправдано», но с исторических позиций, с которых подходит к членам предложения и частям речи Потебня, нельзя не считаться с переходными случаями или колебаниями мысли между объектными и обстоятельственными значениями. С этих позиций не можем согласиться, что «...ни существительное, ни прилагательное, ни глагол не могут быть обстоятельством» (с 124), что обстоятельство должно выражаться только собственной специальной формой – наречием. Да и сам Потебня указывает, что современные наречия типа *вчера, сегодня, завтра, дома, домой, долгой* в прошлой истории языка были именами существительными. Адвербиализация – это способ приведения формы выражения в соответствие с обстоятельственной функцией слова и значениями времени, пространственной ориентации предмета,

причины, условия и иных обстоятельств действия. Носителями таких значений выступают имена существительные и прилагательные в формах косвенных падежей. Утрачивая субстанциальность, излишнюю в обстоятельственном значении, они становятся наречиями.

Языковая система, развиваясь, стремится к гармоничному, уравновешенному соотношению или соответствию между членами предложения и частями речи, но все же не достигает однозначного соответствия между ними. Это приходится констатировать как факт. И все же А.А. Потебня верно обозначил общую тенденцию развития структуры предложения, открыл закономерности формирования частей речи на основе морфологизации членов предложения и структурного преобразования самого предложения, в частности возрастания его глагольности. А.А. Потебня убедительно показал, что предложение требует всякий раз нового определения на каждом этапе развития языка, что свидетельствует о динамичности его структуры.

С.А. Рылов
(*Нижний Новгород*)

**СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ ПОДХОД
А.А. ПОТЕБНИ К СИНТАКСИСУ
И СИНКРЕТИЗМ ДРЕВНЕРУССКОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Одним из важнейших достижений славистики XX века явилось становление и развитие исторического синтаксиса как самостоятельного раздела науки об истории восточнославянских языков. Выделение исторического синтаксиса в особую область исторического языкознания произошло сравнительно недавно – в 50-е – 70-е годы XX века. Однако оно было подготовлено всем ходом предшествующего развития восточнославянской грамматической науки XIX – первой половины XX столетия. Знаковой фигурой в этой области стал выдающийся восточнославянский языковед-мыслитель А.А. Потебня. Ученый впервые в восточнославянской грамматической науке выдвинул принцип историзма синтаксиса языка, непрерывной изменчивости грамматической структуры предложения, дал анализ происхождения отдельных структурных типов предложения (например, безличного) и их динамики в эволюции языка. Поэтому, как нами уже подчеркивалось¹, А.А. По-

¹ См.: Рылов С.А. А.А. Потебня об исторической изменчивости грамматической структуры восточнославянского предложения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. – Вып. 1(3). – Н.Новгород, 2001. – С. 17–18; Он же: Проблема развития структуры простого предложения в отечественной славистике // Славянский вестник. – Вып. 3. – М., 2009. – С. 157–159.

тебно по праву следует считать основоположником научного изучения исторического синтаксиса восточнославянских языков. В его трудах заложены идеи и исходные принципы, которые имеют методологическую значимость для разработки проблем исторического синтаксиса славянских языков и в современной лингвистике.

А.А. Потебня, основываясь на историческом принципе в понимании грамматической структуры предложения как изменяющегося во времени, развивающегося явления², тесно связывал специфику структуры предложения со всем существующим в данную эпоху грамматическим строем. Построение предложения как основного синтетического акта речи-мысли, по А.А. Потебне, может быть до конца понято только тогда, когда будет всесторонне рассмотрен процесс его постепенного «насыщения» имеющимися в языке данного периода грамматическими категориями, когда будет достигнут «синтез синтаксиса этого языка»³. Поэтому важной чертой синтаксической концепции А.А. Потебни является *синхронно-диахронный подход* в понимании славянского предложения, причем диахронный и синхронный планы, по А.А. Потебне, тесно взаимосвязаны. С одной стороны, с течением времени, в диахронии, совершенствуется синтаксический строй языка, изменяется – от одного хронологического среза к другому – грамматическая структура предложения. С другой стороны, при рассмотрении синтаксических конструкций в историческом аспекте нельзя к ним подходить субъективно. Возражая А.В. Попову относительно генезиса предложений типа *Пожар! Пора! Стыд! Хорошо!* и т. п., А.А. Потебня настаивает, что при этом следует прежде всего считаться с свойственными данному периоду *объективными* языковыми фактами, «обязательными для всякого здравого мышления»⁴. Важно и необходимо учитывать специфику грамматической структуры предложения применительно к определенному синхронному срезу истории языка, поскольку построение предложения обусловлено существующим в данный

² Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1/2. – М., 1958. – С. 83.

³ Там же. – С. 84, 85.

⁴ Там же. – С. 85.

период грамматическим строем. Так, полемизируя с А.В. Поповым и Ф.И. Буслаевым относительно конструкций «добрый конь стоит, *головашка наклонена*», «на иву, *вверху суковата*», «шуба *сукно красно-малиново*», «обертываться туром – *золотые рога*», А.А. Потебня возражает против перенесения современных представлений в историю языка, что не всегда может адекватно отражать историческую реальность: «Наше понимание рассматриваемого явления изменится с изменением точки зрения, как скоро мы спросим себя о его значении по отношению к строю того языка, в котором оно возникло»⁵.

Итак, синхронно-диахронный принцип, отчетливо выраженный в трудах А.А. Потебни, является основополагающим в его синтаксической концепции. Он имеет исключительно важную методологическую ценность и в современном историческом языкознании, в частности при решении проблемы специфики построения предложения в речи того или иного периода развития языка. Между тем, в указанном плане синтаксический строй древнерусского и старорусского языков далеко не изучен. Поэтому весьма актуальной в современном историческом синтаксисе русского языка представляется необходимость: а) детального исследования организации синтаксических структур на отдельных синхронных срезах – в реальной речевой последовательности, в текстах разной хронологической и стилевой отнесенности; б) установления тенденций изменения грамматической структуры предложения в письменной истории русского языка с XII по XVII вв. – на широком текстовом материале, с привлечением памятников неодинаковой стилевой и жанровой отнесенности.

Именно синхронно-диахронный подход к синтаксису позволил А.А. Потебне установить характерную черту древнерусской речи и раскрыть существенную особенность грамматической структуры древнего славянского предложения – его *синкретизм*. Правда, у А.А. Потебни мы не находим самого термина ‘синкретизм’, но, несмотря на это, весь его фундаментальный труд «Из записок по русской грамматике» пронизывает мысль о ведущей роли пред-

⁵ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3. – М., 1968. – С. 249.

кативности и атрибутивности, т. е. согласуемости, паратактичности, в организации древнего славянского предложения.

Древний индоевропейский период развития структуры предложения характеризуется, по А.А. Потебне, *именным типом*, в котором главную роль играли существительные (а не глаголы) и имя соединяло в себе признаки обеих этих частей речи: «Имя было, так сказать, гораздо предикативнее; предложение заключало в себе менее единства, основанного на противоположности главных членов, чем нынешнее»⁶. Поэтому, как считал ученый, «*по типу* обороты “я не езду”, “жалоба моя” – древнее, чем “не езжу”, “жалуюсь”. Первый тип не предполагает второго, а наоборот...»⁷. В древности отсутствовала также дифференциация существительного и прилагательного, вследствие чего существительное широко употреблялось в функции определения (приложения), отсюда атрибутивность имени, ср.: *рубаха-парень, бой-баба, тур золотые рога, ласточка косатка, мужик невежа, краса девица, дівчина горлиця, козаче хрещатий барвінку, кремень* человек, сербск. *кришчовјек* и мн. др. примеры, к которым обращается А.А. Потебня. «В течение долгого времени, – отмечал он, – ... совмещение существительности и атрибутивности может быть обычным состоянием мысли, настолько господствующим, что при нем и образовавшиеся уже прилагательные и будучи атрибутивными вновь превращаются в существительные»⁸. В связи с ведущей ролью атрибутивности (согласуемости) древнее славянское предложение отличало «такое господство в предложении начал согласования, при котором члены предложения, сравнительно с позднейшим языком, слишком однородны. Ср., напр., «избъраша Кира царя» с нынешним “выбрали Кира царем” и т.п.»⁹.

Итак, грамматическая структура древнего предложения-высказывания в целом характеризовалась А.А. Потебней нерасчлененностью, недостаточной упорядоченностью, бессвязностью,

⁶ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1/2. – С. 96.

⁷ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3. – С. 275.

⁸ Там же. – С. 65.

⁹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1/2. – С. 131.

дробностью, паратактичностью¹⁰; в древности «язык допускал только паратактические построения»¹¹, т.е. построения, в которых господствовало согласование и отношения зависимости в структуре предложения грамматически не выражены, поскольку предметы объективного мира воспринимались как сосуществующие.

Картина, которую рисует А.А. Потебня применительно к грамматической структуре древнего предложения-высказывания, впечатляюща, и те ее черты, которые отмечались ученым, в общем-то и составляют сущность синтаксического синкретизма. Интересно, что именной строй предложения А.А. Потебня тесно связывал с древним характером человеческого мышления, для которого были характерны образность, конкретность и в то же время *целостность восприятия* предметов и явлений действительности, без расчленения их на признаки, качества, действия. Однако именной тип предложения, подробно описываемый А.А. Потебней, был присущ древнему периоду развития языка, не представленному памятниками письменности. Ближе к нашему времени именной характер предложения постепенно стирается, и для «современного» периода характерен *глагольный* тип предложения. Усиление глагольности А.А. Потебня связывал с изменением мировосприятия людей, увидевших в окружающем мире проявление энергии, силы: «Кто же сомневается в том, что успехи мысли выражаются в замене таких *вещей*, мифических сущностей, как *мороз*, явлениями; что человек переходит от бессвязности, дробности, паратактичности мысли и речи к возможности стройного подчинения многих частных речей цельности периода, многих периодов цельности сочинения; от бессознательной однородности душевного строя к сознательному единству мирозерцания и характера?»¹².

Закономерен вопрос: где же хронологическая граница между «древним» периодом в развитии структуры предложения и «современным»? – Прямого ответа на этот вопрос мы не находим у А.А. Потебни. Кроме того, для реконструкции именного строя

¹⁰ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.. – Т. 3. – С. 505.

¹¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1/2. – С. 191.

¹² Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3. – С. 505.

предложения, его характеристики А.А. Потебня широко пользуется фактами, извлеченными из памятников устного народного творчества и письменных текстов XIV – XVIII вв., что не всегда может адекватно отражать историческую реальность. Поэтому, высоко оценивая достижения А.А. Потебни, глубину его теоретических положений и выводов, его историзм в подходе к синтаксическим явлениям языка, тончайшие наблюдения над семантикой разнообразных синтаксических конструкций, следует продолжать, основываясь на методологических принципах ученого, исследование синкретизма как важной особенности грамматической структуры *древнерусского* предложения-высказывания.

Прежде всего требует осмысления специфика понятия *синтаксического синкретизма* применительно к истории языка. По отношению к современным языкам под синтаксическим синкретизмом обычно понимается явление совмещения в пределах одной синтаксической единицы разных признаков, «противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности»¹³. Чаще всего исследователями рассматривается синтаксический синкретизм в системе членов предложения, когда в одном члене (словоформе) совмещаются типичные признаки разных членов предложения; в таком случае синкретизм связывается с явлением многозначности синкретического члена предложения, т.е. наличием у него нескольких значений, которые реализуются одновременно¹⁴. Конечно, такое явление имеет место и в древнерусском синтаксисе, где нередко можно встретить многозначность членов предложения, например: «а Деревляне затворишасѧ въ градѣ» (Лавр. летопись, л. 16)¹⁵: **въ градѣ** можно рассматривать и

¹³ Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 446. См. также: Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений. – Воронеж, 1967. – С. 6–7.

¹⁴ См., например: Чеснокова Л.Д. Явления синкретизма в сфере членов предложения // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка: Сб. научн. трудов. – Ростов н/Д, 1992. – С. 30–31.

¹⁵ Примеры даются по изданию: Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. – Том первый. – М., 1962. – С. 58.

как обстоятельство (где?), и как дополнение (в чем?); «**такъ бысть заутра всѣдше в лодью протиу свѣту**» (Лавр. летопись, л. 20)¹⁶: **в лодью** – обстоятельство/дополнение; **протиу свѣту** – обстоятельство/дополнение; «**тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи**» (Слово о полку Игореве, с. 3)¹⁷: **лебедѣи** – определение/дополнение. Однако подобный синкретизм членов предложения, характерный и для современного русского языка, чаще всего обусловлен сложным взаимодействием лексического и грамматического значения слова и, соответственно, разнонаправленностью лексической и грамматической валентности. Так, в словосочетании **стадо лебедѣи** опорное слово – существительное, обладая морфологическим значением предметности, требует в качестве распространителя слово со значением признака предмета, что и порождает атрибутивно-восполнительные отношения в словосочетании. Однако в лексическом значении слова **стадо** заложена сема ‘множественность’ (‘количество’), и это обуславливает возникновение объектных отношений в словосочетании, когда подчиненное существительное обозначает предметы, о количестве которых сообщает опорное. В итоге зависимый компонент словосочетания **стадо лебедѣи** в приведенном предложении-высказывании становится определением/дополнением. Разнонаправленность лексической и грамматической валентностей слова неизбежна так же, как «неизбежна» более высокая степень отвлеченности морфологического значения слова по сравнению с лексическим. Но в современном русском языке она проявляется внутри одного и того же словосочетания, входящего в структуру предложения. В древнерусских предложениях-высказываниях неопределенность семантики того или иного члена предложения является прежде всего следствием неопределенности, недостаточно четкой оформленности грамматических связей между компонентами предложения: компонент *a* находится в такой позиции или в такой форме, что может принадлежать как словосочетанию *ab*, так и словосочетанию *ac*.

¹⁶ Там же. – С. 66.

¹⁷ Дается по изданию: Слово о полку Игореве. – М.–Л., 1950. – С. 9.

В этом, на наш взгляд, и состоит существенное отличие синтаксического синкретизма в древнерусской речи по сравнению с современным русским языком. С исторической точки зрения важно установить и описать прежде всего такие явления синтаксического синкретизма, которые были обусловлены специфическими особенностями древнерусского языкового строя (синтаксиса, морфологии, лексической семантики) и которые представляются – с современной точки зрения – необычными, неясными, нелогичными.

Синкретизм – явление, несомненно, историческое, которое имеет объективную природу. С одной стороны, возможности синкретизма объективно заложены в самой языковой системе и обусловлены ее особенностями. При этом важно, что «синкретичные явления зарождаются внутри системы в результате ее функционирования и являются признаком динамичности системы, обслуживающей потребности общения»¹⁸. С другой стороны, синкретизм (в том числе синтаксический) как языковое явление по своей внутренней природе (в генетическом плане) носит мировоззренческий характер, представляет собой выражение определенной формы архаичного сознания. Так, А.А. Потебня в качестве источника этого явления рассматривал «мифическое мышление на известной степени развития», т. е. мышление, опирающееся на *миф*, который «есть словесное выражение такого объяснения (апперцепции), при котором объясняющему образу, имеющему только субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом»¹⁹. Первобытное мирозерцание, по мнению В.Н. Веселовского, отражает «наивное, синкретичное представление природы» и характеризуется нерасчлененностью восприятия, что объясняется «физиологическим синкретизмом и ассоциацией наших чувственных восприятий, в которой ... мы обыкновенно не даем себе отчета; мы постоянно воспринимаем впечатления слит-

¹⁸ Валимова Г.В. Явления синкретизма как результат функционирования системы языка // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка: Сб. научн. трудов. – Ростов н/Д., 1992. – С. 14.

¹⁹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 432–433.

ного характера, природа которых раскрывается нам случайно или при научном наблюдении»²⁰.

Итак, синкретизм как языковое явление основывается на слитности, диффузности мировосприятия. Это и обуславливает семантическую недифференцированность, нерасчлененность языковых средств на разных уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом. Такое понимание синкретизма – как свойственной древним языковым формам нерасчлененности значений – наиболее последовательно представлено в трудах историков языка – лингвистов ленинградской/петербургской школы²¹. Исходя из приведенного понимания синкретизма и основываясь на идеях А.А. Потебни, представляется возможным сформулировать сущность понятия синтаксического синкретизма применительно к истории языка: **синтаксический синкретизм** – это отсутствие четкой структурно-грамматической расчлененности, оформленности в построении предложения в речи, недифференцированности его синтагматической формы и, как следствие, – нерасчлененность, диффузность семантики простого предложения-высказывания. Синтаксическая синкрета – малоупорядоченное в грамматическом отношении синтаксическое образование, но выражающее сложную семантику, не укладывающуюся, как правило, в рамки современного «одномерного» членения.

На материале древнерусских текстов XII–XIV вв. разной функционально-стилевой отнесенности²² нами проведено исследова-

²⁰ Веселовский В.Н. Из истории эпитета // Собрание сочинений. – Т. 1. – СПб., 1913. – С. 63–65.

²¹ См., например: Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского университета. – Сер. 2. – Вып. 2. – Л., 1991. – С. 40–46; Он же: Древнерусский литературный язык. – Л., 1989. – С. 9, 247, 269, 280.

²² Сплошному обследованию было подвергнуто около 40 древнерусских текстов XII – XIV вв.: а) *художественно-повествовательные*: «Слово Даниила Заточника», «Послание Даниила Заточнаго», «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о житии Александра Невского» и др.; б) *летописно-хроникальные*: Лаврентьевская летопись, Новгородская I летопись по Синодальному списку; в) *деловые*: Правда Русская (Синодальный I список), грамоты официально-делового содержания; г) *бытовые*: новгородские берестяные грамоты бытового содержания.

ние грамматической организации и свойств конструкций синтаксического синкретизма. Как показал проведенный анализ, во всех обследованных древнерусских текстах, независимо от их стилевой принадлежности, синкретичные синтаксические конструкции простого предложения-высказывания (ППВ) оказываются весьма распространенными, не единичными. Наиболее «богатой» в этом отношении является, по нашим наблюдениям, *летописно-хроникальная* и *деловая* древнерусская речь, где особенно ярко проявляются недостаточная структурно-грамматическая оформленность простого высказывания, «дробность», нерасчлененность его синтагматической формы, диффузность семантики. Вместе с тем, синтаксический синкретизм представлен в древнерусской речи XII–XIV вв. разными конструкциями, неодинаковыми по характеру, степени проявления синкретизма. Он может наблюдаться внутри грамматической структуры ППВ – между отдельными его членами, ср. синкретичную конструкцию с постпозитивным приложением: **«и поклонишася кыяне и посадиша Кыевѣ Мъстислава Романовица вьнукъ Ростиславль»** (Новг. I летопись, Синод. сп., л. 80)²³, где постпозитивное приложение приобретает полупредикативность, относительную самостоятельность, что обуславливает диффузность семантики ППВ. Синтаксический синкретизм может относиться и к структуре всего ППВ в целом. Синкретизм здесь затрагивает предикативный центр и носит «глубинный» характер. Примером может служить синкретичная конструкция со значением необходимости: **«послоуѣси юмоу не надобѣ»** (Правда Русская, Синод. I сп., л. 620)²⁴, структура которой включает в свой состав диффузный грамматический элемент с семантикой «субъект/объект состояния», т.е. субъект, одновременно являющийся объектом, на который распространяется состояние.

Описание многообразия синкретических конструкций, разумеется, невозможно без их классификации. К сожалению, вопросы

²³ Цитируется по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л., 1950. – С. 53.

²⁴ Цитируется по изданию: Правда Русская, I. – Тексты. – М.-Л., 1940. – С. 127.

классификации и типологии синкретичных синтаксических конструкций в научной литературе в достаточной степени пока не разработаны даже применительно к современному русскому языку (следует отметить лишь общую классификацию явлений синтаксического синкретизма, предложенную Г.В. Валимовой²⁵). Что касается древнерусской речи, то при систематизации всего разнообразия синтаксического синкретизма в ней необходимо учитывать факторы как структурно-грамматические, так и семантические: структурный тип предложения, на основе которого строится высказывание, его предикативную основу, способ организации синтагматической формы ППВ, смысловые и грамматические связи между компонентами ППВ (членами предложения), характер соположения грамматически и по смыслу связанных членов предложения (постпозиция/препозиция, контактное/дистантное соположение), морфологическое выражение члена предложения и его морфологическую «предрасположенность» к синкретизму, предикативную «силу» определенных морфологических форм (прежде всего древнерусских кратких действительных причастий) и др.

При решении проблемы классификации явлений древнерусского синтаксического синкретизма важно опираться и на идеи А.А. Потебни, актуальные в современном историческом синтаксисе. Так, им был подробно описан ряд характерных для древнерусской речи синкретичных конструкций.

Богатство рассмотренных А.А. Потебней паратактических синтаксических конструкций, данный им их тонкий семантический и грамматический анализ – это, несомненно, может и должно стать основой для дальнейшего углубленного изучения явлений древнерусского синтаксического синкретизма. Можно думать, что исследование синтаксического синкретизма в древнерусской речи позволит лучше понять особенности мировосприятия и ментальности наших предков, подойти к решению проблемы развития синтаксического строя языка в когнитивном плане.

²⁵ Валимова Г.В. Явления синкретизма как результат функционирования системы языка. – С. 7 – 14.

*М.І. Канюшкевіч
(Гродна)*

**А.А. ПАТАБНЯ І Я.Ф. КАРСКІ
АБ АДНЫМ ЗНАЧЭННІ ТВОРНАГА СКЛОНУ**

Лёс і навуковая дзейнасць А.А. Патабні і Я.Ф. Карскага маюць шмат агульнага. Абодва вучоныя былі з небагатых сямей, але ўжо з дзяцінства былі вельмі здатныя да навукі і самастойнасці мыслення. І нават калі іх заслугі былі ўжо прызнаныя навуковай супольнасцю, шмат што аб'ядноўвала гэтых лінгвістаў: кожны ў свой час (А.А. Патабня ў 1875 г., Я.Ф. Карскі – у 1901 г.) быў адзначаны Ламаносаўскай прэміяй, абодва былі абраныя ў члены Расійскай і Чэшскай акадэміі навук, што таксама невыпадкова, бо бліскучы даследчыцкі талент і цягавітасць у працы былі ўласцівыя гэтым выбітным лінгвістам у аднолькавай ступені. Паказальна, што і прадмовы да некаторых перавыданняў прац абодвух вучоных былі напісаны адным і тым жа даследчыкам – акадэмікам В.І. Баркоўскім¹.

Аб'ядноўваў гэтых вучоных і галоўны прынцып у даследаванні моваў – прытрымлівацца гістарычнай і нацыянальнай перспектывы. Яны зыходзілі з разумення мовы як дынамічнай сістэмы, звярталіся да вытокаў моўнага факта, супастаўлялі яго з аналагамі з іншых моў. Кожны з іх, будучы сынам свайго народа, асабліваюць

¹ Борковский В.И. Предисловие // Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. Т. I–II. – М., 1958. – С. 3–4; Борковский В.И. Исследования Е.Ф. Карского по белорусскому языку // Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. – М., 1955. – С. 453–471.

ўвагу надаваў жывому народнаму маўленню, паказваючы месца ўкраінскай (Патабня) і беларускай (Карскі) моў сярод іншых славянскіх і неславянскіх ідыёмаў. Гэтыя выбітныя лінгвісты мелі энцыклапедычныя веды, шырокі славістычны круггляд, рэдкае ўменне ахапіць і даследаваць шырачэзны лінгвістычны матэрыял для супастаўлення.

У навуковай спадчыне абодвух вучоных выспявалі і тыя напрамкі лінгвістычнай думкі, якія сёння маюць акрэсленыя рысы самастойных лінгвістычных дысцыплін – этналінгвістыкі, лінгвакультуралогіі, кагнітыўнай лінгвістыкі, сацыялінгвістыкі, гендэрнай лінгвістыкі і інш.

Ёсць яшчэ адно нешта агульнае, што ў святле сённяшніх рэалій набывае, на нашу думку, асаблівую вагу, хоць і выходзіць за межы ўласна лінгвістычнай тэматыкі. Гэта Украіна, якая сталася для іх знакавай прасторай. Уся навучальная і навуковая дзейнасць А.А. Патабні звязана з радзімай – Харкаўскім універсітэтам. Для беларуса Карскага Украіна стала першым прыступкам у навуку: вышэйшую адукацыю ён атрымаў у Нежынскім гісторыка-філалагічным інстытуце. З удзячнасцю адзначым, што alma mater памятае і шануе імя свайго выхаванца: у 2008 г. на фасадзе Нежынскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М.В. Гоголя была ўстаноўлена мемарыяльная дошка ў гонар Я.Ф. Карскага, праведзены дзве (1998, 2008 гг.) міжнародныя навуковыя канферэнцыі (Карскія чытанні), а восенню 2011 года адкрылася аўдыторыя імя Я.Ф. Карскага.

І мерапрыемствы, звязаныя з імем Карскага, і стварэнне навуковага зборніка, прысвечанага А.А. Патабні, сведчаць пра тое, што гэтыя імёны – НАД, – над палітычнымі, эканамічнымі, фінансавымі і іншымі ўзрушэннямі нашай рэчаіснасці, што спадчына ўкраінскага і беларускага вучоных запатрабаваная і сёння і будзе запатрабаваная ў будучым.

Ёсць і адметнасці. Яны – у часе: калі ў 1891 г. А.А. Патабня адышоў, Яўхім Карскі толькі здаў магістарскі экзамен. Адметнасці – у саслоўях: А.А. Патабня – хоць і збыднелы, але дваранін, Я.Ф. Карскі – сын вясковага настаўніка. Адметнасці – у абставінах:

на долю Карскага выпалі дзве вайны і тры рэвалюцыі, а пад самы канец жыцця ўжо навісала пагроза і сталінскіх рэпрэсій.

Маюцца адметнасці і ў задачах, метадах і выніках навуковай дзейнасці вучоных: калі працы А.А. Патабні – гэта перш за ўсё параўнальна-гісторыка-філасофскае асмысленне руска-славянскай славеснасці, то ў цэнтры ўвагі Яўхіма Карскага перш за ўсё беларуская мова, беларускі фальклор, беларускі народ. Таму і сваю шматгадовую сямітомную працу назваў ён коратка і ёмка – “Беларусы”.

Я.Ф. Карскі вельмі ўважліва вывучаў працы А.А. Патабні. Толькі ў двух выпусках «Беларусаў» налічваецца 24 спасылкі на працы ўкраінскага вучонага. Некаторыя з рэмаркамі і каментарыямі. Прывядзем частку з іх.

1) Прыступаючы да разгляду вінавальнага склону, «які звычайна называецца вінавальным унутранага аб’екта», Карскі падае заўвагу: «Крытыка гэтай назвы – у Патабні»² і прыкладае спасылку на гэтую працу.

2) Ён уводзіць у свае меркаванні цытату: «Да гэтага належаць і тыя выпадкі, “калі (гаворачы словамі Патабні, «Из записок по русской грамматике» I-II, 384) аб’ект галоўнага выказніка паказвае на дзейнік неазначальнага” або – іншымі словамі – сляды зварота вінавальнага з неазначальным»³.

3) Пішучы пра выказнікі ў сказах тыпу *маці лягла спаці*, Карскі дае заўвагу: «Падрабязна гэтае пытанне разгледжана ў Аўсяніка-Кулікоўскага (Синтаксис, 85-95) і ў Патабні (I-II², 351-382)»⁴.

4) Загалавак падраздзела «Выпадкі ўжывання множнага ліку» Карскі суправаджае зноскай: «Галоўным дапаможнікам служыць праца А.А. Патабні “Значение множественного числа в русском языке”. Воронеж, 188»⁵.

² Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. Вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского языка. – М., 1956. – С. 399.

³ Указ. сач. – С. 398–399.

⁴ Указ. сач. – С. 366.

⁵ Указ. сач. – С. 328.

5) Разважаючы пра неабходнасць вырашэння пытання аб граматыцы сказа, Карскі прымае думку А.А. Патабні: «Канечне, пасля крытыкі А.А. Патабні азначэнні сказа як “суждения о предмете, выраженного словами” (Записки², I, 60-75), ужо немагчыма змешваць граматычны сказ з лагічным сужэннем»⁶.

6) Лічачы выпадак «“сжатия” о у і» ва ўкраінскай мове «крытэрыем пры вызначэнні, дзе ў беларускай неабходна бачыць сапраўдныя дыфтонгі, а дзе толькі простую лабіялізацыю зычнага, што стаіць перад о», Я.Ф. Карскі спыняе сябе: «На далейшым даследаванні пытання не буду спыняцца, паколькі гэта справа ўкраінскай дыялекталогіі. Літаратура прадмета ёсць у А.І. Сабалеўскага... Сам працэс пераходу о ў і разглядаецца, між іншым, у працах А.А. Патабні «Два исследования», 103-104 и «К истории звуков русского языка» (Филол. зап.», 1876, 1, 47»⁷.

7) Параўноўваючы рус. *гадкий* і бел. *гудкий* і аналізуючы погляды наконт гэтага іншых даследчыкаў, Карскі заўважае, што «наколькі можна меркаваць па спалучэнні *-гид-* = асн. гы, тут быў бы пераход а у ы; аднак, як даказаў у свой час А.А. Патабня, тут трэба бачыць асобнае ўтварэнне»⁸.

Будучы паслядоўнікам А.А. Патабні ў параўнальна-гістарычным падыходзе да інтэрпрэтацыі моўных фактаў, Я.Ф. Карскі, у адпаведнасці з задачамі свайго даследавання, пры супастаўленні фактаў беларускай мовы з іншымі мовамі ішоў сваім шляхам. Гэта праглядаецца ў адборы лінгвістычнага матэрыялу (разам з помнікамі старажытнага пісьменства ён шырока выкарыстоўвае працы Францыска Скарыны), у прыцягненні шырокіх дыялектных даных, сабраных ім на тэрыторыі Беларусі, у выкарыстанні аналагаў і паралеляў з латышскай і літоўскай, рускай і польскай моў.

Калі А.А. Патабня ў рэтраспекцыі і праспекцыі («адкуль і куды ідзе мова») імкнуўся да вызначэння агульнага для ўсіх моў шляху іх равіцця, то Я.Ф. Карскі, наадварот, на фоне іншых моў вылучаў

⁶ Указ. сач. – С. 310.

⁷ Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. – С. 133.

⁸ Указ. сач. – С. 111.

беларускую і даказваў, што беларуская мова не «западно-русское наречие», а самабытная і самастойная моўная сістэма. Калі ў першага вучонага дамінаваў параўнальна-гістарычны метада, то другі метадалагічна быў бліжэй да кантрастыўнай граматыкі.

Шмат якія адзначаныя Я.Ф. Карскім асаблівасці беларускага маўлення сталі фактамі і нормай сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Па-за ўвагай Карскага не прайшлі такія цікавыя граматычныя з’явы, як а) ужыванне ў беларускім маўленні дзеепрыслоўяў у безасабовых сказах і нават у ролі выказніка ў двухсастаўных сказах, б) актыўнасць канструкцый з псеўдадзейнікам *яно*, в) ужыванне формы роднага склону лічэбніка ў якасці дзейніка, г) пашыраны спектр дапаможных функцый дзеяслова *мець* і інш.

Некаторыя з адзначаных Я.Ф. Карскім моўных з’яў нармалізатарамі беларускай літаратурнай мовы не кваліфікуцца як літаратурныя, аднак іх надзвычайная жывучасць у сучасным беларускім маўленні насуперак рэкамендацыям нарматыўных граматык і слоўнікаў сведчыць аб сістэмнасці гэтых фактаў, якіх вучоны не лічыў дэвіцымі.

2. Адзін з гэтых фактаў разгледзім падрабязней, тым больш што і А.А. Патабня, і Я.Ф. Карскі звярнулі на яго пільную ўвагу пры аналізе значэнняў творнага склону ў рускай і беларускай мовах адпаведна.

Размова ідзе аб прыслоўях з указаннем трасы – транзітывах *кудой, сюдой, тудой* і інш., якія адсутнічаюць у рускай мове, хоць у Слоўніку У.І. Даля ўказанне на дэйктычныя транзітывы знаходзім у артыкулах, прысвечаных лексемам *туда* і *сюда*: «**Тудую** нар. той стороны, тем путем, дорогой. **Сюдою** поближе, а **тудую** дорога получше»⁹. «**Сюдою** юж. зап. Этой стороны, дорогой, сим путем. **Сюдою** иди, там не пройдешь»¹⁰.

Слоўнікі сучаснай беларускай мовы дэйктычныя транзітывы маркіруюць як абласныя, аднак у жывым маўленні гэтыя лексемы ўжываюцца вельмі шырока. Сустрэкаюцца яны таксама

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – В 4 т. Т. IV. – М., 1956. – С. 382.

¹⁰ Указ. сач. – С. 440.

ў фальклорных тэкстах, у аўтарскай мове майстроў беларускага мастацкага слова. Яшчэ багацейшыя імі дыскурсы Інтэрнета.

«Беларуска-рускі слоўнік» падае слова *сюдэю* ў асобным артыкуле, а яго рускі адпаведнік наступным чынам: «**Сюдэю нареч. обл. (в эту сторону, в этом направлении)** здесь; з **машынай сюдэю не праедзеш** с машиной здесь не проедешь; **ідзі сюдэю** иди здесь»¹¹. Тое ж самае і з лексемай *тудэю*: «**Тудэю нареч. обл. (в ту сторону, в том направлении)** там; **хадзем тудэю, тут на той бераг не перабярэшся** идем там, здесь на тот берег не переберешься»¹².

«Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» вызначае транзітыўнае значэнне лексем *сюдой / сюдою, тудой / тудою, сюдэй / сюдэю, тудэю* так: «у гэтым напрамку, у гэты бок», «у той бок, у тым напрамку» і дае кожнай памету «абл.»; у ілюстрацыях, як правіла, падаюцца прыклады персанажаў з твораў мастацкай літаратуры, прычым не для ўсіх лексем, а самі лексемы даюцца не аднатыпна: або як пары марфалагічных варыянтаў (*сюдой / сюдою, сюдэй / сюдэю*), або ў загалоўку даецца толькі адзін варыянт (*тудэю*), а ў прыкладзе – другі (*тудою*). Вось усе ілюстрацыі ТСБМ для згаданых лексем: – *З коньмі сюдой не пралезеш*, – *сказаў Серада (Брыль)*¹³; – *Я сюдэй пайду*, – *сказаў ... чалавек (Галавач)*¹⁴; [Міхась:] – *Давай, правядзі мяне да перавозу. [Рыгор:] – Добра, якраз я сам меўся тудою ісці (Гартны)*¹⁵.

Сённяшняя маўленчая практыка дэманструе шырокае ўжыванне ўказальных транзітываў у беларускай мове, уключаючы самыя розныя стылі і жанры, у тым ліку аўтарскую мову класікаў беларускай літаратуры і нават адаптаваныя тэксты для дыктовак у агульнаадукацыйнай школе, што сведчыць не толькі аб узусе, але і аб пашырэнні нормы іх ужывання. Прыклады: *Ксёндз ў вадно гаворыць свенцячы: «Выходзь тудою, кудою ўвайшоў»* (Запіс

¹¹ Беларуская-рускі слоўнік: У 2 т. – Т. 2.: П–Я. – Мінск, 1989. – С. 541.

¹² Указ. сач. – С. 569.

¹³ Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. – Мінск, 1984. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 440.

¹⁴ Указ. сач. – С. 441.

¹⁵ Указ. сач. – С. 545.

М. Федароўскага); *А ў бары, бары тры дарожанькі. Тудою ішлі тры малайчыкі* (Песня); *Плывучы сюдой, Норманы заваёўвалі па дарозе некаторыя землі* (Я. Станкевіч); *Мы з Міколам [Дзяшкевічам] – блізкія землякі. Ягоная вёска Пагора знаходзіцца ў трох кіламетрах ад Шчорсаў, кудою я сотні разоў мінаў, едучы з Мінска ў родныя мясціны* (Я. Лецка); *Алёшка спыніўся і доўга варажыў, кудою падацца: сцежачкай ці дарогай, якую ўскапалі снарады і здратавалі гусеніцамі танкі, калі тут тыдні два назад цэлыя суткі ішоў бой*. (Пераказ: Бульба // Экзаменацыйныя изложения и пересказы для 11 класса по белорусскому языку); *Вось толькі цікава, кудою будуць дабірацца да Аўгустоўскага канала замежныя турысты, што возьмуць на пракат новенькія ровары ў Цэнтры турызма і спорта* (газ.); *Не наракайце на мяне, я ўвасланы, а я слухаць мушу сваіх старшых. Мяне той і той уваслаў, але пазвольце мне выйсці, кудою я схачу, то я выйду* (вольны ананімны пераклад з Бібліі); *Сюдой ласі спяшаюць к вадапою* (В. Швед); *Мне так і падумалася, што ты сюдой будзеш ісці* (В. Адамчык); *І ўсцяж стаіць натоўп – кудой, пашто ісці – не палагодзіць* (Бібліятэка Бацькаўшчыны); *Сюдой да санітарных цягнікоў!..* (М. Арочка); *Шчодры вечар, добры вечар! Ішла тудэма слічна паненка, Несла мёд-віно ў туравым розе. За ёю, за ёю панскі сыночак* (Песня-шчадроўка).

У Інтэрнет-тэкстах: *А зараз трэба ўванзіць сюдэма свае зубы. Але варта папярэдзіць – зубы не павінны праходзіць наскрозь да дна кубачка. Пачакай тры хвіліны і... вуаля!*; *Еўрапейскія пісьменнікі, скажам, вельмі часта падтрымліваюцца структурамі ва ўласных дзяржавах, якія выпраўляюць светача ў творчы шлях тудэма ці сюдэма. З беларускімі цяжэй; Палякі любяць вандраваць, і тысячы яе грамадзянаў цягаюцца «тудэма -сюдэма» па свеце ў пошуках лепшай долі; Каб у сенакос не ішло многа вады пад мост, і каб нікудою вада не ўцякала, і каб для рыбы вады было не мала, Бюро і база на горцы, там працуюць фахоўцы: спавач, электрыкі і кіроўцы; Калі Вы ўсю рабочую вобласць заставіце перагародкамі так, што нават вадзе ня будзе кудой ісці, паток стане роўны 0 (не зможа забяспечвацца зададзены літраж).*

Як ужо было сказана вышэй, у рускай мове аднаслоўны дэйтчычны паказальнік транзітыва адсутнічае, замест яго выкарыстоўваюцца спалучэнні *каким путем? какой дорогой?* (Забягаючы крыху наперад, адзначым, што і А.А. Патабня ў сваім рускім маўленні ўжывае *кудой* як сінонім спалучэнню *каким путем* у межах адной фразы; цытата будзе прыведзена ніжэй.)

У сучаснай рускамоўнай гарадской нізавой культуры беларусаў ужыванне займеннікавых транзітываў назіраецца паўсюдна, пра што сведчаць прыклады з Інтэрнета. Мы зафіксавалі наступныя прыслоўі з указаннем на транзітыўную семантыку: *кудой, тудой / тудюю, сюдой, кудой-то, тудюю-сюдою, тудэма, сюдэма, тудэма-сюдэма*. У кантэкстах: *А кудой ідти к хорошему, если родители этого не показали?»; А кудой пойдет 84 автобус?; Кудой, все-таки, будет проезд к строящемуся дому на перекрестке Рокоссовского-Плеханова?; Собираюсь в Судак из Брестской области на машине, подскажите, кто ездил, где лучше пересекать таможенню и кудой ехать, где дороги лучше; По-русски ты должен объяснять своему второму компьютеру, кудой выходит в инет; Кудой лучше до 0 км добраться, господа, по объездной или через кладбище?; На Раубичи кудой? Лесом?; Сами выбирайте, кудой ийти до ДК, по дороге, либо по шпалам; Интересно, кудой Гродно–СПб будет ходить?; Зачастую в проходах торгового зала (кудой в любом случае пройдет покупатель) на подставках предлагается купить товар со скидкой; Начал наводить порядок, обнаружил в углу между бетонными плитами реальный лаз, кудой она приходила поспать-поесть и уходила в свет по делам своим крысиным; Сейчас пропала тяга. Закрываешь рукой вход, а он кудой- то себе так тянет воздух; Всё не там, где надо и не через тудой , кудой нужно; Поехали! Кудую? Тудую!; Всего 7 шт. отдам за 10 000 тыс, но это только потому что вы сюдой покупаете, а не через сайт, а так они дороже; И зачем мне запись тискать, если я по лесу накрутил км наццать и нет желания тудюю-сюдою возвращаться; Выкручиваю заливную масло-пробку на картере и сую тудэма термодатчик от тестера; Есть ещё один переход, ездил тудэма из Киева; Знаю одно точно: россияне*

поломяцца **сюдэма** за машынамі, і тэ, хто мае пару-тройку тачек з буйным аб'ёмам, змогуць непахо падзаработать; Сколькі я ўжо такіх фіналов відаў, калі настроенне боевое, а гэты выходзяць і коўзаюць бедны мячык **тудэма-сюдэма**.

Карыстальнікі Інтэрнэту абмяркоўваюць пытанне аб нарматыўнасці такіх лексем, прычым думкі палярызуюцца:

1) Цытата: – **Кудой** ты шёл? – **Сюдой**! Ужэ 200 лет пераучваюць на рускай, а яны ўсе равна гавораць **тудой, сюдой**;

Гэта проста эпідэмія ў Мінску какая-то. То і справа слышу: «**Кудой** пойдём? **Тудой** ці **сюдой**?» Ці мяня ў школе пахо учылі, ці гэта новыя веянні ў рускай мове?;

А я буйную частку жыцця пражыла ў Пітэры і калі прыехала ў Мінск, мяня вельмі нервіравалі (і да сённяшніх дзён нервіруюць) словечкі – «**кудой**», «**тудой**», «**сюдой**»;

А я калі слышу словы «**тудой**» – «**сюдой**», проста убываюць тое, хто побач гэта прачынае. Яна сядзіць.

2) А вось на гэты словы вы зра наезжаеце, яны, канечна, не ў літаратурнай рускай мове, але гаворыць, што замест **тудой(ю)** трэба гаворыць **туда**, а замест **сюдой(ю)** – **сюда**, я лічу, у карані непава. Так як «туда» і «сюда» абазначаюць канечную кропку руху, а «тудой(ю)» і «сюдой(ю)» маршрут руху. **Сюдой** бліжэй, а **тудой** дарога лепш. Але кансерватызм акадэмічнай мовы рускай мовы не ведае разумных межаў і межаў. І гэты словы поўна заканамерна будуць выкарыстоўвацца і далей у розных мовных сітуацыях, так як яны маюць рознае значэнне.

Прастамоўе, безумоўна, не паказчык правільнасці маўлення, але прастамоўе – «першыя ці апошнія званок у сістэме» (А.А. Земская). Дзевяці, ці яны ў прастамоўі, ці ў дзіцячым маўленні, гэтыя сігналы, якія паказваюць на дыктат сістэмы. Тут будзе дарэчы згадаць адзін аргумент М.У. Усеваладавай (не аднойчы чулы і прыняты на ўзбраенне і аўтарам гэтых радкоў), які яна прыводзіць у адказ на папрокі прыкладаў сістэмных адхіленняў ад нарматыўнага маўлення: «Я так не кажу і ніколі не буду казаць, але вывучаць такія з'явы – святы абавязак лінгвіста».

У адной са сваіх прац Т.М. Нікалаева даказала на прыкладзе злучнікаў *хоть* і *хотя*, што існуе памяць мовы, настолькі глыбокая і моцная, што інфінітэўнае і дзеепрыслоўнае мінулае гэтых слоў уплывае на ўмовы іх ужывання ў якасці злучнікаў у сучасным складаным сказе.

Можна казаць і аб памяці дэйктычных транзітываў *кудой*, *сюдой* і інш. Доказ таму знаходзім у А.А. Патабні, які, разгледзеўшы некалькі думак наконт зыходнага значэння творнага склону, адзначае: «По Даничичу (Синт., 553 и сл.), творит. первоначально означает **путь движения** <...> Подобным образом и Зикмунд из зн. «**каким путем**», «**кудую**» выводит не только знач. времени и орудия, средства, но прямо оттуда же и знач. причины, повода, общности и качества... <...> Полагая в основу всех прочих значений местное, я думаю, что в этом отношении имею только одного предшественника, Ю. Даничича, который в своем сербском синтаксисе тоже исходит из местной функции творительного»¹⁶ (выдзяленне наша. – М.К.).

Паказальны аргумент, які А.А. Патабня прыводзіць далей у пацвярджэнне сваёй падтрымкі думкі Ю. Данічыча і апісання творнага сацыятывнага склону без прыназоўніка: «Творительный социативный (беспредложный) в слав. принадлежит к числу падежей, наиболее устаревших и в наибольшей мере заслоненных другими, преимущественно творительным с предлогом *с*. <...> Поэтому, стараясь определить круг первоначального твор. социативного, наиболее обезопасим себя от ошибок, справляясь не с теми наречиями, в коих говорится, напр., «бить с палкой», как в немецком, а из славянских – в лужицких, хорутанском, болгарском, отчасти в сербском, а с теми, в коих, как в русском, употребление социативного предлога с твор. наименее распространено»¹⁷. І працягвае, паясняючы творны месца: «Мнение Дельбрюка (1. с), что в основании «идти путем» лежит представление социативности, как в нем. «immer mit dem wege gehen» (подобно тому, как в рус. «плыть за водою» или «с водою», так что вода плывет и вслед за

¹⁶ Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. Т. I–II. – М., 1958. – С. 432.

¹⁷ Указ. сач. – С. 434–435.

нею или **вместе с нею** – другое: «несется мимо неутомимо с рекой ладья»), пока не может быть ни принято, ни опровергнуто. Мы видим только, что рассматриваемый твор. означает **путь движения, на неопределенном протяжении совпадающий с движением**. <...> В русских говорах значение местоименных наречий куды, сюды, туды уже смешалось с куда и пр., так что обе формы ставятся безразлично, или одна вытеснила другую, присвоив себе ее значение, напр. «иди сюда (сюды) ко мне» и «обойти сюда» (этой стороною). Но, вероятно, формы на *ы* суть тв. п. мн. ч., причем **ответом на них сначала мог служить только твор. (полем)**, а не винительный (в поле). На укр. наречия кудую, сюдою, тудую можно смотреть как **на восстановление такого значения**, еще явственного в чеш. *kady* и *kudy*... <...> В польск. ... *kędy* уже зн. и “где”, и “куда”, а не “кудою...”»¹⁸ (выдзяленне наша. – М.К.).

Такім чынам, А.А. Патабня а) падкрэсліў значэнне шляху (трасы) для творнага склону як самае старажытнае значэнне, б) адзначыў, што творны беспрыназоўнікавы з гэтым значэннем даўжэй за ўсё захаваўся ў рускай мове (зноў жа, забягаючы наперад, скажам, што ў беларускай мове гэтая рэліктавая рыса яшчэ больш яўная), в) вылучыў у творным месца транзітыўнае значэнне (натуральна, без ужывання гэтага тэрміна), г) у выніку супастаўлення з аналагічнымі фактамі з другіх моў прышоў да высновы, што формамі ўказальных прыслоўяў у некаторых мовах гэтае значэнне ўжо не перадаецца або сумяшчаецца з іншымі значэннямі.

У сучаснай рускай мове значэнне транзітыўнасці можа супадаць з іншымі значэннямі. Як піша Ганна Залізняка, «пытанне *Как туда добраться?* часта выкарыстоўваецца замест пытання *Где находится?* Такая подмена не випадковая: сапраўды, мы і не можам з дапамогай мовы перадаць іншаму чалавеку веданне аб прасторавым размяшчэнні аб’екта інакш, як апісаўшы ўяўны шлях да яго»¹⁹.

¹⁸ Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. Т. I–II. – С. 437–438.

¹⁹ Зализняка Анна А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол добираться // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 37.

Я.Ф. Карскі, «прытрымліваючыся Патабні, у якога творны выкладзены лепш за ўсё»²⁰, пры аналізе творнага склону ў беларускай мове таксама на першае месца паставіў творны сацыятыўны, або камітатыўны. І гэтак жа, як і Патабня, вылучыў як вельмі блізкі да яго «творны месца (abl. loci), што захоўвае **старажытнае значэнне руху “по чем”**. Сувязь з месцам тут асабліва заўважная, напр.: ходзі *лесом, стораной*... да гэтага ж належаць і тыповыя беларускія прыслоўі *кудою, тудою, сюдою* (в вып. 2 «Белорусов» на с. 66 он приводит также *кудэю, сюдэю, тудэю* – М.К.), а таксама *куды, туды, сюды*, што ўяўляюць сабою закасацянелую форму творнага множнага»²¹ (выдзяленне наша. – М.К.).

Адзначым, што беларускі вучоны прыслоўі са старажытным значэннем руху «по чем» кшталтам *кудой* назваў тыповымі для беларускай мовы. Сучасная маўленчая рэчаіснасць пацвярджае гэта. На сёння ў беларускай мове зафіксаваныя наступныя дэйктычныя транзітывы: *кудой / кудою, сюдой / сюдою, тудой / тудою, кудэма, сюдэма, тудэма, тудэма-сюдэма, нікудою, ня будзе кудой*, прычым іх ужыванне магчыма ў пыталнай, указальнай, адноснай і адмоўнай функцыях (прыклады ў кантэкстах прыводзіліся вышэй).

У сучасных рускай і беларускай мовах старажытнае значэнне «по чем», г. зн. транзітыўнае, не толькі засталася, але і яшчэ больш дыферэнцыравалася. Існуюць, па крайняй меры, чатыры яго разнавіднасці, якія выражаюцца а) формамі творнага склону без прыназоўніка (рус. *идти лесом*, бел. *ісці лесам*), б) формамі давальнага склону з прыназоўнікам *по* ў рускай мове, якім у беларускай адпавядаюць формы меснага склону з прыназоўнікам *па* (*идти по лесу – ісці па лесе*), в) формамі вінавальнага склону з прыназоўнікам рус. *через*, бел. *праз*: *идти через лес – ісці праз лес*, г) формамі вінавальнага склону з прыназоўнікам рус. *сквозь*, бел. *скрозь*: *проникать сквозь щель – пранікаць скрозь шчыліну*.

²⁰ Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. Вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского языка. – С. 416.

²¹ Указ. соч. – С. 416–417.

У залежнасці ад таго, якое з гэтых чатырох значэнняў прафілюецца моўцам, выбіраецца і адпаведная форма назоўніка: калі важна, напрыклад, падкрэсліць характар руху, г. зн. акрамя значэння трасы ўключыць яшчэ і адзначаемае многімі рускімі і беларускімі слоўнікамі значэнне ‘пераадольваючы перашкоду’, то ўжываецца форма з прыназоўнікам рус. *через* (бел. *праз*), а ў выпадках перцэптыўнага руху, які адлюстроўвае зрокавае ці слыхавое ўспрыманне аб’ектаў, ужываюцца формы з прыназоўнікам рус. *сквозь*, бел. *скрозь*.

Цяжэй вызначыць, чым адрозніваюцца формы *на дарозе* і *дарогаю*. Калі так доўга гэтыя формы канкурыруюць паміж сабою, то ў чым прыныповае розніца паміж імі? Празорлівасць А.А. Патабні, які хутчэй адчуў, чым убачыў сему «общности» (у сучаснай тэрміналогіі – камітатыўнасці), пацвярджаюць назіранні П.В. Дурст-Андэрсэна, які розніцу паміж выказваннямі *Они едут дорогой* і *Они едут по дороге* бачыць у характары адносін, якія з боку назіральніка ўстанаўліваюцца паміж рухомым аб’ектам і прасторай. У выказванні *Они едут по дороге* «дарога служыць рэцэптам, мадэллю язды, г. зн. яны прытрымліваюцца дарогі, “следуют дороге”²². У выказванні ж *Они едут дорогой* гэта іншыя адносіны – адносіны ўключэння (інклюдзіі), калі назіральнік бачыць суб’екта, уключанага ў прастору як частка ў цэлае, як элемент у множнасць, як фігура (*они*) і як фон (*дорогой*), «і псіхалагічны і лагічны ход мыслення пры творным склоне ўзыходзіць да адносін фігура-фон, дзе супастаўляюцца дзве непараўнальныя велічыні»²³.

Наш матэрыял сведчыць, што творныя транзітыўныя без прыназоўніка ў сучаснай беларускай мове вельмі актыўны і фактычна можа пакрываць усе чатыры названыя вышэй разнавіднасці транзітываў. Прыцягненне да гэтай формы заўважна нават у адыменных прыназоўніках са значэннем трасы: *ісці кірункам / накірункам / кірункам да / накірункам да вёскі* (у рускай

²² Дурст-Андерсен П.В. Предложно-падежная система русского языка. Понятие контакт vs. неконтакт // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 149.

²³ Там сама.

мове гэта в направлении к, по направлению к). Яшчэ больш гэта бачна ў высокай долі творнага транзітыўнага ў беларускамоўных тэкстах. Напрыклад: *А пойдзеш ў Ліпава лясамі, Напэўна стрэнешся з лясамі* (Я. Колас). *Яны бягуць дваром, Гервазы – іх слядамі, Не раз без стрэльбы, без сабак блукаў у гаі, Як дэзерцір, што бездарожжсамі* кульгае (А. Міцкевіч. Пер. П. Бітэля). *Бяжы ж ты, сынку, імхамі-балотамі на падмогу яму* (В. Іпатава). *Барыс з Пратэсам спяшалі лесам, Міхайла долам спяшаў з Антонам, Грысь з Маланнёю гналі раллёю, Раман з Ігнатам, са сваім братам, Плылі тудою Эўфрат-ракою* (Калядкі). *На дзізель-цягніку напрамкам Лунінец* (Я. Колас). *Бег за здраднікам жахлівымі чорнымі калідорамі і галавакружна стромымі сходамі* (У. Караткевіч).

У арыгінале рамана У Караткевіча «Каласы пад сярпом тваім» гэтая доля настолькі вялікая, што, як ні імкнулася В. Шчадрына захаваць аналагічную форму ў перакладзе на рускую мову, часам нават нягледзячы на пэўную штучнасць такога перакладу (прыклад 1), у пошуках міжмоўнага эквівалента ёй прыходзілася адыходзіць ад мовы арыгінала: мяняць прыназоўнікава-склонавую форму (2), замяняць саму намінацыю трасы (30, а то і проста апускаць тое ці іншае выказванне. Параўн.:

(1) *Як сем год назад, ён ішоў пакоямі, а потым галерэяй, пад аркай. – Как семь лет назад, он шел комнатами, а потом галереей, под аркой.*

(2) *Проста роўна ў поўнач, калі ідзеш раздарожжам... – назаві першае імя, мужчынскае ці жаночае. – Просто ровно в полночь, когда идешь через раздорожье... назови первое имя... ; Стрэл пракаціўся вершалінамі пушчы. – Выстрел прокатился по верхушкам пущи; сравн. некорректное: *Выстрел прокатился верхушками пущи); Яна проста прайшла лоджыяй і спуцілася сходамі ў парк. – Она просто прошла лоджией и спустилась по ступенькам в парк.*

(3) *Ён бег капуснымі градкамі. – Он бежал огородами.*

Аналізуючы верш Гётэ “Лясны цар” (*Wer reitet so spät Durch Nacht und Wind?* букв. рус. *Кто скачет так поздно Сквозь ночь и*

ветер?) і яго пераклад на рускую мову Жукоўскім (*Кто скачет, кто мчится Под холодной мглой?*), В.У. Мартынаў адзначыў, што «сквозь ночь и ветер» – метафара, якая яшчэ не нарадзілася ў часы Жукоўскага, але з’явілася ў ліку ёй падобных у рускай паэзіі ХХ стагоддзя. Адсюль немагчымасць іншага перакладу ў часы Жукоўскага. Мяркуем, калі б у часы Жукоўскага верш Гётэ перакладалі на беларускую мову, то самай натуральнай формай была б форма творнага склону без прыназоўніка: *Хто скача, імчыцца такою **ноччу і ветрам?*** Бо выказванні накшталт *Куды ты пойдзеш такою **слатою / дажджом / бураю / цеменню?*** і сёння натуральныя для беларускага маўлення.

Чым жа можна растлумачыць жывучасць творнага транзітыўнага склону без прыназоўніка ў маўленні (і беларускамоўным, і рускамоўным) беларусаў? На нашу думку, акрамя такога магутнага фактару, як памяць мовы, дзейнічае яшчэ і кагнітыўны фактар – своеасаблівасць канцэптуалізацыі прасторы ў беларускай лінгвакультуры. Паколькі канцэптуалізацыя прасторы ў любога народа прадстаўлена ў асноўным чатырма канцэнтрычнымі кругамі, што пашыраюцца, зыходзячы з паняццяў *чалавек – дом – краіна – свет* (рус. *человек – дом – страна – мир*²⁴), то нацыянальныя асаблівасці дыскрэтызацыі топаса трэба шукаць у межах кожнага з названых кругоў.

Так, «тэма прагоравай бязмежнасці – адзін са структураўтваральных элементаў рускай культуры. Яна не толькі часта ўзнікае ў рускіх мастацкіх і філасофскіх тэкстах, але і з’яўляецца агульным месцам усіх абыходкавых уяўленняў аб Расіі і рускім нацыянальным характары»²⁵. Разумеючы «нацыянальны характар як фрагмент моўнага вобразу свету, што рэканструецца на грунце лінгвістычных даных і адлюстраваных у культуры стэрэатыпаў»²⁶, аўтары ўказанай працы паказваюць яго нацыянальныя своеасаблі-

²⁴ Так В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 128.

²⁵ Левонтина И. Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 338.

²⁶ Там сама.

васці на прыкладзе такіх канцэптаў, як *простор*, *приволье*, *раздолье*, *размах*, *удаль* і інш.

Прыведзеныя канцэпты зусім не ўласцівыя нацыянальнаму прастораваму вобразу свету беларуса: у беларускай лінгвакультуры прастора больш звужаная, арыентаваная перш за ўсё на першыя два кругі (*чалавек – дом*). Разам з тым гэтая прастора і больш дыскрэтызаваная, асабліва ў бліжнім крузе – адносна цела чалавека. І хоць «ва ўсіх мовах найменні частак цела ўжываюцца для абазначэння напрамкаў ці лакалізацыі частак прадметаў»²⁷, дыскрэтнасць бліжняга круга моўцы адносна яго ўласнага цела прадстаўлена ў беларускай мове як ні ў якой іншай.

Доказам таму могуць служыць прыназоўнікі: у беларускай мове налічваецца звыш 150 прасторавых прыназоўнікаў і іх аналагаў, утвораных ад 16 саматызмаў²⁸. Асабліва прадуктыўныя прыназоўнікі, утвораныя ад саматызмаў *бок*, *плячо*, *рука*. Гл., напрыклад, прыназоўнікі і іх аналагі, што ўзыходзяць да лексемы *плеч-*: *апоплеч*, *на плечы*, *на плячах*, *на плячах у*, *поплеч*, *поплеч з*, *поплечкі*, *упоплечкі*, *поплечкі з*, *поплеч ля*, *упоплеч да*, *упоплеч з кім*, *упоплечкі з*. А лексема *бок* дала ў беларускай мове звыш 60 прыназоўнікаў і ізафункцыянальных ім адзінак!

Транзітыўнае значэнне творнага склону без прыназоўніка ў беларускай мове вельмі дакладна карэлюе з бліжнімі кругамі моўцы: выбіраючы форму творнага склону, моўца (ён жа і назіральнік) уяўляе суб'екта руху нераздзельна ад яго бліжніх кругоў: *ісці дарогаю*, г. зн. быць у другім бліжнім крузе (дарога – гэта яго «дом»), у які ён уключаны як частка гэтага круга).

Мы не ведаем, на якія кругі арыентаваныя суседнія з беларускай лінгвакультуры, але што тычыцца адсаматычных прыназоўнікаў, то мяркуем, што ў рускай лінгвакультуры іх менш па прычыне дамінацыі згаданых вышэй канцэптаў *простор*, *приволье*, *раздолье*, *размах*, *удаль*, якія арыентуюцца на дальнія прасторавыя кругі (*страна – мир*). Не выпадкова міжмоўным

²⁷ Гак В.Г. Пространство вне пространства. – С. 128.

²⁸ Конюшкевич М.И. Предложный потенциал соматизмов // Язык. Речь. Речевая деятельность: сб. науч. ст. – Гродно, 2011. – С. 3–15.

еквівалентам бел. *бок* служыць рус. *сторона*: *паглядзець у бок суседа – посмотреть в сторону соседа*.

Але, як ужо адзначалася вышэй, дэйктычныя транзітывы ў рускім маўленні таксама сустракаюцца, нават праглядваецца іх нейкая парадыгматыка: *Тут пошла кутерьма, улицы с задворками переплелись! Жители из домов вышли, кто по делам, кто по бездельям, и не знают, как идти. Тудою, сюдою али етойдою?* (С.Г. Писахов. Ледяна колокольня).

Калі звярнуцца да ўкраінскай мовы, то ў аднатомным слоўніку ўкраінскіх прыназоўнікаў²⁹ (праўда, аўтары слоўніка арыентаваліся толькі на ўласна прыназоўнікі і прыводзілі транспанаваныя формы) зафіксавана звыш паўсотні (г. зн. утрая менш, чым у нашым матэрыяле) адсаматычных прыназоўнікаў, што таксама можа сведчыць пра перавагу бліжніх прасторавых кругоў у вобразе свету ўкраінца. Дарэчы, маўленчая рэчаіснасць дае прыклады і пашырэння ва ўкраінскай мове і дэйктычных транзітываў *кудою*, *тудою*, *сюдою*, а ў Інтэрнеце яшчэ і іх адмоўнага дэрывата *нікудою*: *Тудою* *пливли тумани* (І. Нечуй-Левицький); *Сюдою* *тривоги бігли* (Г. Барівнок); *Кудою* *йти, кудою* *вертатися* (С. Руданський). В Інтернете находим их отрицательные дериваты: *Сього переходу через річку Камінку бо обминути нікудою не могли; Йде вона повз шинок, не можна нікудою* *було обійти*.

У слоўніку другасных польскіх прыназоўнікаў Б. Мілеўскай³⁰ адсаматычных прыназоўнікаў налічваецца менш дваццаці: *u boku*, *pod okiem*, *w obliczu*, *w postaci*, *z ramienia* і інш. І таксама, у працы заўвагі А.А. Патабні аб тым, што ў польскай мове *kędy* «уже зн. і “где” і “куда”, а не “кудою”»³¹, адзначым, што ў сучаснай польскай мове транзітывнае значэнне падаецца ў слоўніках іншым прыслоўем – *kturendy*. Гэта пацвярджаюць і прыклады з Інтэрнета: *Przepraszam, kturendy do ratusza pan? Musi iść pan*

²⁹ Загнітко А.П. та ін. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова. – Донецьк, 2007.

³⁰ Milewska B. Słownik polskich przyimków wtórnych. – Gdańsk, 2003.

³¹ Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. – С. 438.

*prosto, a potem w lewo. Niemają **kturendy** chodzić, bo jakieś debile parkują na chodniku. Nic nie pamiętam, ani **kturendy** jechałem, ani jak długo. 4) Jak mogę tanio, szybko i **kturendy** najlepiej jechać do polski z wyspy?*

У матэматыкаў ёсць афарызм: «Ураўненне залішне прыгожае, каб быць няправільным». Перафразуючы матэматыкаў, скажам: «Кудою і яму падобныя транзітывы залішне прыгожыя і патрэбныя, каб лічыць іх няправільнымі». Можа, не трэба спяшацца адмаўляць ім у нарматыўнасці як для беларускай мовы, так і для нават рускай, як ні дзёрзка сёння гэта гучыць. Практыка вольнага маўлення ў Сеціве паказвае і даказвае неабходнасць гэтых сродкаў для камунікацыі, прычым існуе іхня і толькі іхня законная ніша на самым вышэйшым – дэйктычным – узроўні семіятычнай сістэмы мовы.

І.Ю. Гальчук
(Київ)

**АКЦЕНТОЛОГІЧНА СПАДЩИНА
О.О. ПОТЕБНІ НА ТЛІ СТАНОВЛЕННЯ
УКРАЇНСЬКОЇ АКЦЕНТНОЇ СИСТЕМИ**

Дослідження Олександра Опанасовича Потебні, що, випереджуючи час, мали значний вплив на розвиток багатьох галузей лінгвістики, ще й сьогодні живлять вітчизняну науку оригінальними ідеями. Учений стояв і біля витоків слов'янської акцентології, однак йому не судилося визначити напрям акцентологічних студій у мовознавстві.

Інтерес до акцентології у славістичній науці як, напевно, в жодній лінгвістичній галузі, циклічний. Він то підіймається до неймовірної висоти, захоплюючи в акцентологічне лоно мало не всю наукову еліту, то спадає, жевріючи всередині вузького кола вчених. Хоч, як відомо, наукові здобутки не завжди залежать від цього фактора.

Вибух наукового зацікавлення акцентологією стався в останній чверті XIX ст. Тоді чи не кожен з великих лінгвістів намагався сказати своє слово в галузі слов'янського наголосу (В. Ягич, П.Ф. Фортунатов, Р.Ф. Брандт, О.І. Соболевський, О.О. Шахматов та ін.). Виходить ряд солідних праць, зокрема «Начертание славянской акцентологии» Р.Ф. Брандта (1880), «Zur vergleichenden Betonungslehre der litu-slavischen Sprachen» П.Ф. Фортунатова (1880). Період інтенсивних акцентологічних досліджень у славістиці тривав до 20-х років XX ст., і до них активно долучилися

Ф. де Соссюр, А. Лескін, Г. Гірт, А. Мейє, Н. ван Вейк, І.І. Огієнко, Л.А. Булаховський, Т. Лер-Сплавинський та ін. Проблемам українського наголосу присвячено розділ в граматиці О.М. Огоновського «*Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*» (1880), монографію Я. Гануша «*Über die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen*» (1883), статті К.М. Ганкевича, І.Г. Верхратського та ін. Теоретичний виклад праці С.Й. Смаль-Стоцького та Т. Гартнера «*Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache*» (1913), де ілюстративний матеріал послідовно наголошено, власне, також подано з врахуванням специфіки української акцентної системи.

О.О. Потебня в акцентологічних студіях був попередником цих досліджень, тобто розпочав їх раніше, але не став попереду когорта видатних учених, як у багатьох лінгвістичних сферах. Його дослідження наголосу опубліковано тільки через століття. У свій час учений як акцентолог був знаний за статтею «О полногласии» та екскурсами в «Заметках о малорусском наречи», цитованими Р.Ф. Брандтом, О.М. Огоновським, Я. Ганушем та ін. Рукописні акцентологічні матеріали, які зберігалися в архіві О.О. Потебні, упорядкувала й видала в 1973 р. під назвою «Ударение» В.Ю. Франчук. Вона ж написала ґрунтовну передмову до монографії, в якій, зокрема, схарактеризувала стан вивчення наголосу в 60-і роки ХІХ ст., коли вчений працював над книгою. Видання в цей час акцентологічної праці О.О. Потебні є до певної міри символічним, адже саме в 60–80 роки ХХ ст. відбувається черговий підйом акцентологічної науки. Новий етап у дослідженні слов'янського наголосу пов'язаний значною мірою з виходом книги Х. Станга «*Slavonic accentuation*» (1957) та його морфологічною концепцією праслов'янської акцентології, що базується на протиставленні акцентних парадигм: баритонованої, окситонованої та рухомої. Питання слов'янського наголосу отримали розвиток у працях В. Кіпарського, З.М. Веселовської, В.А. Дибо, В.В. Колесова, В.Г. Скляренка, А.А. Залізняка, В.М. Винницького та ін. У цьому ж руслі виконані дослідження О.О. Потебні, однак йому не судилося визначати напрямки розвитку слов'янської акцентології, бо праця десь загубилася в численних невиданих рукописах видатно-

го вченого. Потім Р.Ф. Брандт видав свою книжку, та ще й з такою емкою назвою. Належно оцінивши цю об'ємну роботу, відомий сучасний російський мовознавець В.В. Колесов зазначив: «Перша опублікована в цій галузі розвідка Р.Ф. Брандта в багатьох відношеннях поступається перед працею О.О. Потебні»¹.

Дослідження слов'янського наголосу було тільки розпочато, але О.О. Потебня вже тоді глибше від сучасників розумів завдання, які стоять перед акцентологією. У відповідь на пошуки О.Х. Востоковим і Я.К. Гротом можливості пізнати систему наголошення російської мови вчений указує шляхи вирішення цієї проблеми. Суть його теорії полягає в тому, що вивчення літературного наголосу не дасть розуміння руської² системи наголошування слів і акцентних процесів, які відбуваються в ній. Тому потрібно брати до уваги не лише всі діалекти російської мови, але з метою отримання вивірених результатів необхідно залучати до дослідження українську мову, а виявлені розбіжності звести до східнослов'янської, загальнослов'янської, балто-слов'янської, індоєвропейської мовних єдностей³. На всіх цих етапах, зрозуміло, не уникнути залучення до досліджень знакових мов, які утворюють названі єдності. І це не просто декларування принципів акцентологічних студій. Такої методології вчений дотримувався у своїх дослідженнях. Щоправда, теорія порівняльної акцентології на той час не була новою. Як зазначає В.Ю. Франчук, порівняльне вивчення наголосу в індоєвропейських мовах започатковане працею Ф. Боппа «Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Übereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen» (1854), де використано також акцентуаційні факти литовської та слов'янських мов⁴. О.О. Потебня врахо-

¹ Колесов В.В. [рец. на:] А.А. Потебня. Ударение / Подг. к изд. В.Ю. Франчук. – К., 1973. – 172 с. // Мовознавство. – 1974. – № 6. – С. 80–83.

² За традиційною термінологією О.О. Потебні, „русский язык” (у статті при перекладі – руська мова) – це мова, що об'єднує „великорусский язык/наречие” (у статті – російська мова) і „малорусский язык/наречие” (у статті – українська мова).

³ Потебня. А.А. Ударение / Подг. к изд. В.Ю. Франчук. – К., 1973. – С. 21.

⁴ Там же. – С. 9.

вував акцентологічні напрацювання Ф. Боппа, а в порівняльному дослідженні слов'янського наголосу він був першопрохідцем.

О.О. Потебня глибоко усвідомлював необхідність розвитку історичної акцентології: «Одним з найважливіших засобів для вивчення руської акцентуації мало б бути порівняння її сучасного стану з акцентуацією давніх руських і старослов'янських пам'яток, якби вони були відомі»⁵.

Аби глибше зрозуміти тогочасні акцентні процеси, досліджувани О.О. Потебнею, його інтерес до слов'янського наголосу, й українського зокрема, акцентологічні положення вченого заглибилося в історію літературного наголошення.

О.О. Потебня досліджував фонологію та граматику давніх пам'яток і, безперечно, мав загальне уявлення про наголос у них, але історичного акцентуаційного матеріалу він не зібрав. Однак учений вказував на необхідність дослідження наголосу давніх пам'яток: «Вивчення акцентуації пам'яток XV, XVI ст., без сумніву, дуже важливе, – відзначає Потебня, – оскільки навіть у новодрукованих церковнослов'янських книгах збереглися риси глибокої давнини. Але, по-перше, вивчення ще майже не розпочалося і приступити до нього можуть лише декотрі, що мають змогу користуватися невиданими пам'ятками⁶, по-друге, у більшості випадків воно не веде дослідника далі того часу, коли руська мова уже розпалася на наріччя»⁷. О.І. Соболевський, який володів значно ширшим фактичним матеріалом, погоджується з Потебнею. Він також стверджує, що найдавніші східнослов'янські рукописи не були акцентованими, хоч грецький літургійний устав IX–X століть, як правило, мав проставлені наголоси. Чи не вперше Соболевський засвідчує наявність акцентованої рукописної пам'ятки XIV ст. – Чудівського Нового Завіту з поєднанням живого східнослов'янського та традиційного церковного акцентуван-

⁵ Там же. – С. 22.

⁶ На жаль, основний масив давніх пам'яток до сих пір малодоступний дослідникам, що дуже стримує розвиток історичного мовознавства. За сучасних технологій створення комп'ютерної бази хоча б із сотні знакових найдавніших рукописів та стародруків є завданням для української науки цілком посильним.

⁷ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – М., 1985. – Т. 4. – С. 22.

ня. Учений указує також на існування кількох пам'яток XIV–XV століть, переписаних з середньоболгарських оригіналів зі слідами південнослов'янських наголосів, однак не називає їх⁸.

Чудівський Новий Завіт 1335 р. ввів у науковий обіг як словник наголосів І.І. Огієнко⁹. Словник видано у Львові в 1937 р., тільки для славістики тоді був складний час, і ця дуже цінна й трудомістка праця вченого довгий залишилася маловідомою. Так, В. Кіпарський уже в 1958 р. зауважив: «Ми все ще не маємо акцентологічного словника давньоруської мови. Обіцяний Огієнком у 1932 р. акцентологічний словник до Чудівського Нового Завіту, який мав бути надрукований в *Prace filologiczne*, до сих пір, наскільки мені відомо, ніде надрукований не був»¹⁰. Як дослідив І.І. Огієнко, автором цього послідовно акцентованого видання був митрополит Олексій, син чернігівського боярина Федора Бяконта, що перейшов на службу до московського князя. А наголос видання у своїй основі «московський чи східнослов'янський, але в нім багато й того, що було в церкві українській»¹¹. Для характеристики давнього акцентування слів його використовують також українські акцентологи. Загалом же, рукописи у слов'ян не акцентовані, а різні проставлені значки, як правило, грецькі, не відображали в них системи наголосу. Лише починаючи з XVI ст., послідовно акцентують друковані кириличні видання, переважна більшість яких має релігійне спрямування. Ця традиція вводить з метою уніфікувати наголос богослужбової відправи, а також відповідно до грецької традиції.

Уже в XVI ст. колись єдина для слов'ян християнської релігії східного обряду літературна старослов'янська мова, що використовувалася насамперед для конфесійних потреб, розпалася й перестала виконувати свою об'єднавчу функцію. Перед Костянти-

⁸ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. – М., 1907. – С. 257.

⁹ Огієнко І. І. Східнослов'янський наголос у XIV-м віці. Словник наголосів Чудівського Нового Завіту 1335 р. – Л., 1937. – 102 с.

¹⁰ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке. I. Односложные имена существительные. – Хельсинки, 1950. – С. 7.

¹¹ Митрополит Іларіон. Український літературний наголос. – Вінніпег, 1952. – С. 52.

нопольською Церквою постало нагальне завдання кодифікувати церковнослов'янську мову для всього православ'я, що було успішно реалізоване в граматиці М. Смотрицького 1619 року. Однак це не стосувалося акцентуації, оскільки на той час через відсутність наголосів у рукописах наголошення слів у слов'янських народів було уже настільки різним, що навіть у московському перевиданні граматики М. Смотрицького 1648 р. при збереженні тексту було суттєво змінено наголоси¹². Значні акцентуаційні розбіжності спостерігаються і в українських та південнослов'янських стародруках. Натомість наголосові розбіжності в українських стародруках (а їхніми авторами були переважно вихідці із західноукраїнських земель) незначні й такі, що відображають історичний розвиток акцентуації.

Живий український наголос зберігався в друкованих пам'ятках до кінця XVII ст. й навіть певною мірою вплинув на російську вимову. З цього приводу ще російський письменник А. Сумароков зазначав: «*Лѣта, вмѣсто лѣта, г. Ломоносовъ утвердилъ, бывъ не Московитяниномъ, а не ввелъ самъ собою; ибо Малороссіяны то ввели: а по тому, что всѣ школы ими были наполнены; так сіе провинціальное произношеніе и вкоренилося, яко Всигды, Теби, Мья, и протчіе Малороссійскія испорченныя выговоры.. [...] Но естли намъ писать powyговору Малороссійскому; такъ должны мы вмѣсто лѣта, говорить литà, а вмѣсто Только, тилько и протч. или вмѣсто однако, однакъ и протч. изъ чево многое уже и восприято*»¹³.

«Не помогли скарги Сумарокова: в російській мові множина *летà* таки ввійшло в літературну вимову», – констатує І.І. Огієнко¹⁴. Принаймні, за В.В. Колесовим, «у поезії поч. XIX ст. наголос *лѣта* вже сприймається як архаїчний»¹⁵, а Л.А. Булаховський

¹² Див. Гальчук І. Ю. Граматика М. Смотрицького як відбиття акцентної системи староукраїнської мови // Мовознавство. – 2008. – № 4. – 5. – С. 79 – 91.

¹³ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. – С. 26.

¹⁴ Митрополит Іларіон. Український літературний наголос. – С. 27.

¹⁵ Колесов В. В. Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI–XVII вв. (К вопросу об акцентологической адаптации заимствованной лексики) // Русская историческая лексикология и лексикография. – Ленинград, 1972. – С. 195.

указує, що «в слові *лето* варіант з нерухомістю – книжний, який відображає церковнослов'янський вплив; *летá* – російський»¹⁶. У сталому словосполученні *мно́гие ле́та*, що спричинилося до зміни в акцентуації лексеми, наголос нині, однак, російський історичний. Мабуть, як знак вибачення в росіян за спричинені незручності в українській мові також унормовують *мно́гіі літа*¹⁷. Варто було б подавати подвійний. На жаль, ця проблема дуже серйозна, і в нас не лише в церкві віддавна читають старослов'янські та церковнослов'янські тексти за російським зразком. Так, як указував П.Ф. Фортунатов: «Наголос слів не позначався в старослов'янських текстах, і, значить, нам не відомо достовірно місце наголосу в старослов'янських словах; у нашій вимові ми ставимо наголос звично там, де знаходимо його в російській мові, а там, де в російській мові немає відповідного слова, ми використовуємо традиційну вимову церковнослов'янської мови»¹⁸. Потрібно зважати, що слова вченого стосуються російської мови. Їх повною мірою можна застосовувати також для української практики, якщо слово *російський*, яке ужито двічі, замінити словом *український*. Адже в українців також була кількасотлітня літературна традиція й церковна зокрема.

З утворенням Російської імперії в XVIII ст. російська влада не могла миритися з функціонуванням двох літературних мов у її межах. У 1720 р. Петро I сумнозвісним наказом заборонив друк книг в Україні, крім церковних. А церковні книги перед виданням в українських друкарнях мали пройти цензуру, якій належало «справлявать прежде печати съ тѣми великоросійскими печатми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія во оных не было». Реакція не забарилася. Уже 1722 р. в київському виданні Апостола на другій, після титульної, сторінці замість звичної передмови до «ласка́вого чітельника» зазначено: «Сі́я Кни́га

¹⁶ Булаховський Л. А. Вибрані праці: В 5-ти т. – К., 1975 – 1983. – Т. 5. – С. 474.

¹⁷ Словарь української мови: В 4 т. / За ред. Б. Грінченка. – К., 1907 – 1909. – Т. 3. – С. 348.

¹⁸ Фортунатов Ф. Ф. Лекції по фонетикѣ старославянскаго (церковнославянскаго) языка. – Петроград, 1919. – С. 19.

АПОСТОЛЬ, Повелѣнїемъ Святѣйшаго Правїлствующаго СВНОДА, въ Канторѣ Тѣпографской противо Апостола Всероссійскаго свѣду изслѣдована, и по изслѣдованїю обрѣтается, во всѣмъ съ великороссійскимъ сходна: того ради Печати предати, и въ народъ отпушати, Святѣйшїй Правїлствующїй СВНОДЪ Благословляетъ.

Акадѣмїй и Тѣпографїй Протѣкторъ ГАВРІЙЛЬ
Архіандритъ Троицы Сѣргіева Монастыря»¹⁹.

При порівнянні акцентуації цього видання Апостола і видання Апостола 1695 р. виявляємо чимало розбіжностей. Наведімо кілька показових з ідентичних текстів:

в имя (Апостол 1695: 4 зв.) – *во имя* (Апостол 1722: 4 зв.),
отрѣка твоего (Апостол 1695: 7 зв.) – *отрока твоего* (Апостол 1722: 7 зв.);

галілеѣне (Апостол 1695: 3) – *галілеѣне* (Апостол 1722: 2 зв.),
парѣяне (Апостол 1695: 3) – *пѣрѣяне* (Апостол 1722: 3), *крїтяне*
и аравіяне (Апостол 1695: 3 зв.) – *крїтяне и аравіяне* (Апостол 1722: 3),
убїл еси егїптянина (Апостол 1695: 12 зв.) – *убїл еси егїптянина* (Апостол 1722: 12);

во Італїю (Апостол 1695: 49) – *во Італїю* (Апостол 1722: 45 зв.),
паремїя пѣрвая (Апостол 1695: 63) – *паремїя пѣрвая* (Апостол 1722: 58),
паремїя (Апостол 1695: 63 зв., 65) – *паремїя* (Апостол 1722: 59, 60),
конѣц паремїи (Апостол 1695: 63 зв., 64, 65 зв.) – *конѣц паремїи* (Апостол 1722: 58 зв., 59, 60 зв.).

Зазначимо, що в останній чверті XVII ст., особливо після остаточної втрати Українською Церквою самосійності в 1686 р. та приєднання її до Московської, українська книга зазнавала різних обмежень, гонінь і заборон. Так, церковний собор 1690 р. у Москві осудив книжки П. Могили, К. Ставровецького, І. Галятовського, Л. Барановича, А. Радивиловського та ін. і наклав на них «проклятво и анафему, не точїю сугубо и трегубо, но и многугубо»²⁰. У зв'язку з цим мова тогочасних українських видань постуново

¹⁹ Апостол. – К., 1722 (стародрук).

²⁰ Див. Огієнко І. Українська культура. – К, 1918. – С. 138 – 142.

відходить від народної основи і наближається до московських, однак наголос в Апостолі 1695 р. ще проставлено староукраїнський. Тобто староукраїнська літературна традиція втрачала свої акцентуаційні позиції в останню чергу. Наведені наголосові розбіжності можна поділити на три групи:

1. На українському ґрунті виникали акцентуаційні тенденції, пов'язані з аналогійними впливами в межах однієї словотвірної чи морфологічної групи праслов'янських слів, що не збігалися з акцентними процесами в інших слов'янських мовах. Або ж дії цих акцентних тенденцій у одній з мов були послідовнішими. Цим спричинені відмінності в наголошенні початкової форми слова *ім'я* в українській та російській мовах, починаючи з давніх пам'яток до нашого часу²¹. Особливо показовим є наголос лексеми в граматиці М. Смотрицького 1619 р. *имѣ*, род. *имѣне* (стор. 7/1) та в її московському перевиданні 1648 р. *імя*, род. *імене* (стор. 115). Іменник *отрок* в українських стародруках та пізніших джерелах до ХХ ст. характеризується наголосом на другому від початку складі, а в сучасних словниках, очевидно, під впливом російської лексикографії отримав початковий наголос. Цікаво, що в найдавніших російських пам'ятках, а також пізніших виданнях західної частини Росії наголошення слова кінцеве: *отро́к*, род. *отрока́*²².

2. Часто по-різному акцентуються суфіксальні утворення від питомих та іншомовних слів. Так, українські іменники на **-анин** узагальнили в однині наголошення на другому, сингулятивному суфіксі, а у множині, коли він випадав, – на першому: *римляні́н*, род. *римляні́на*, мн. *римля́не*, род. *римля́н* (См. М.: 14/2 зв. – 14/3), *римляні́н* (Рад.: 52), род. *римляні́на* (Філялет: 46/1 зв.; Бар.: 447 зв.), мн. *римля́не* (Сб.: 193; Єв.: 80, 80²; Гал.: 25, 38 зв., 66, 108 зв.); *самаряні́н* (Єв.: 147², 149² зв., 153²; Бар.: 314 зв., 318, 320 зв.), дав. *самаряні́ну* (Філялет: 21/4), мн. *самаря́не* (Єв.: 133 зв., 136, 136 зв.). Потім, очевидно, під впливом множинних форм, відбувалося вирівнювання наголосу. У російській мові ці утворення зберіга-

²¹ Див. Скляренко В. Г. Історія українського наголосу. Іменник. – К., 2006. – С. 272 – 274.

²² Див. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. – М., 1985. – С. 289.

ли наголос твірного слова, і акцентна перебудова в ній на зразок української розпочалася значно пізніше²³.

3. Найбільше розбіжностей спостерігається в наголошенні іншомовних слів. Зокрема, слова на **-ія** українська мова переймала з грецької (як правило, з наголосом на другому від кінця складі) та латинської як посередника (з наголошеним третім від кінця складом). Згодом у більшості цих запозичень відбулося вирівнювання за поширенішим латинським зразком, до чого спричинилася й польська мова²⁴. У російській мові впродовж XVII ст. через відсутність латини в освіті (та й самих навчальних закладів) відбувалося вирівнювання наголосу за грецькими зразками, з яких здійснювалися переклади церковної літератури. Цим і пояснюється відмінність наголошення *Італія*, пор. ще *во Антіохію* (Апостол 1722: 25 зв.), *Фінікію* і *Самарію* (Апостол 1722: 26). Пізніше більшість топонімів отримали латинсько-німецький зразок наголошування, до чого спричинилася й українська мова, в якій давня пропарокситонеза в таких назвах була поширенішою, ніж тепер: *Россії* – род. (Бер.: 365).

Окремі запозичення з грецької на **-ія** зазнали в російській впливу питомих утворень типу *бадья*, *ладья*, *статья*, тому в ній віддавна *ектєннья* (ОСРЯ: 143) з гр. *ἐκτένεια* через стел. **кктєннѣа** (пор.: *ектєнія* і *ектєнья* (Даль I: 1289)); *епитимья* (ОСУМ: 143) з гр. *ἐπιτιμία* через стел. **кпитимѣа** (пор.: *епитимія*, *епитимія* і *епитимья* (Даль I: 1296)); *паремія* і *паремья* (ОСУМ: 366) з гр. *παροιμία* через стел. **парємѣа** тощо.

У сучасній українській літературній мові наголос цих та інших конфесійних термінів перенесено з нашої церковної вимови, яка донедавна була виключно російською, пор.:

ектєнія (ОСУМ I: 457) „молитовне прохання” і *ектєнія* (Сл.: 430, 489), *ектєнія* (Тр.: 3), *от ектєнії* (Тр.: 448), зн. *ектєнію* (Тр.: 50), *в ектєнії* (Коп. Ом.: 13); *ектєнія* (Желех. I: 214);

²³ Див. Гальчук І. Ю. Граматика М. Смотрицького як відбиття акцентної системи староукраїнської мови // Мовознавство. – 2008. – № 4. – 5. – С. 82-84.

²⁴ Див. Гальчук І. Ю. Історія наголошення запозичень на -ія в українській мові // Мовознавство. – 2009. – № 1. – С. 14 – 28.

епітімія (ОСУМ I: 457) і *епітіміа*: *покута* (Бер.: 399), дав. *епітєміу* (Тр.: 387), зн. *епітімію* (Тр.: 31, 132, 907), *епітємію* (Гал.: 31);

паремія (ОСУМ II: 86) і *париміа* (Бер.: 443), *парімія* (Тр.: 5Г², 35³), *парімѣи* – род. (Тр.: 163), зн. *парімію* (Тр.: 140²), *парємѣю* (Рад.: 1027); *паремія* (Біл.-Нос.: 304) (див. також вище наголос в Апостолі).

Штучність сучасного наголосу в цих словах для української мови очевидна. Флексійний наголос у запозиченнях на **-ія** не логічний для української мови. Власне українські утворення типу *печія*, *течія* не впливали на становлення наголосу в аналізованих словах. Українізація слів на **-ія** відбувалася не шляхом перенесення наголосу на флексію, а так, як і в російській мові, – паралельно з іншими фонетичними змінами, пор.: *кутія* (Тр.: 848), *коліва*, *сієст*: *кутіи*, *или варєнои пшеници с мєдом смѣшианои и различними сладкими овоцами украшєннои* (Тр.: 223²) і *коліво*: *кутя* (Бер.: 99) з гр. *κουκί(ov)* через стсл. **коуцниа** < **коуцниа**; *попадія* (Тр.: 803 – двічі) (з нгр. *попадія́ (попадіа)* через стсл. **попадиа**) і сучасне *попадя* (ОСУМ II: 260). У російській мові процес перенесення наголосу на флексію пішов далі, але був у лексикографії стриманий, пор.: *скинія* (*скинья́*) (Даль IV: 183), *скульприя* (*скульпри́я*) (Даль IV: 232).

Приділяємо тут стільки уваги акцентуванню слів на **-ія** тільки заради слова *паремія*, яке поряд зі значенням „уривок із книги Старого Заповіту, що містить пророцтво або повчання і читається у православній церкві під час відправи” набуло ще значення „народний вислів, що виражений одним або кількома реченнями, які передають елементарну сценку чи найпростіший діалог”. З останнім слово широко вживається в лінгвістиці. За нашими спостереженнями, його вимовляють тільки з грецьким наголосом. Потрібно запровадити хоча б подвійне нормативне акцентування цієї лексеми, що може бути на першій порі компромісом. Зрештою, в російській літературній мові як паралельний залишено грецький варіант, наша ж лексикографія спрацювала на випередження російської у властивих тільки їй акцентних змінах .

Та повернімося до розгляду особливостей акцентування в українських виданнях у зв'язку із забороною українського друкованого слова в 1720 р. Звичайно, надалі у виданих книгах на українських теренах Російської імперії не було місця українському наголосу. Це стосується не лише різних перевидань, зокрема Апостола, про що йшлося вище, а й оригінальних творів відомих на той час в Україні високоосвічених Дмитра Туптала, Стефана Яворського та інших, які перейшли на службу до російського царя, напр.: *бесѣда, в бесѣдах* (Яворський: 126), *злодѣя* – зн. (Рост.: 126) при українському *бесѣда* (Бер.: 5), *злодій* (Бер.: 64). Зрідка цензура пропускала окремі акцентні українізми, як-от *самаряніном* – ор. (Яворський: 115), можливо, за недоглядом, а може, й тому, що його автором був високий церковний сановник²⁵. Взагалі, в тогочасних виданнях уже строго дотримано російської акцентуації, напр.: *корінвяном* – дав. мн. (Яворський: 1031), *к римляном* (Рост.: 151 зв.), *к россіаном* (Рост.: 115). У попередніх книгах Д. Туптала кінця XVII ст. наголос тогочасний український, пор.: *в имя* (Тупт.: 291 зв.), зн. *имя* (Тупт.: 380); *отрѣок* (Тупт.: 304), род. *отрѣока* (Тупт.: 321 зв.), ор. *отрѣоком* (Тупт.: 31), *в отрѣоцѣ* (Тупт.: 17), *отрѣок* – род. мн. (Тупт.: 16); *аріаніин* (Тупт.: 377), зн. *египтяніна* (Тупт.: 33 – двічі), род. *іудеаніна* (Тупт.: 24), *римлянин* (Тупт.: 1689: 42 зв.); *всея Росіи* (Тупт.: 54 зв.) тощо.

Отже, з видань підросійської частини України викорінювалися не тільки українська лексика, фонетика, граматики, а й наголос. Однак вплив попередніх видань, усного мовлення був таким, що навіть через півстоліття митрополит київський і галицький

²⁵ З українським проповідником і викладачем Києво-Могилянської академії С. Яворським (1658–1722) сталася цікава історія, що характеризує тодішню епоху. Помер близький друг Петра I боярин Олексій Шеїн, і виявилось, що нікому було виголосити надгробне слово, достойне честі цієї людини. Коли взнали, що в Москві перебуває С. Яворський, який у Києві славився своїм красномовством і не гребував різними урочистими заходами, доручили цю справу йому. Поминальне слово Яворського розчулило Петра I, і він призначив оратора митрополитом рязанським і муромським, президентом Московської слов'яногреко-латинської академії, а по смерті патріарха Адріана в 1700 р. він призначається „місцєблюстителем” патріаршого престолу.

Самуїл Миславський, стурбований вимовою студентів Київської духовної академії при читанні церковних книг, під суворою погрозою виключення із „духовного відомства” наголошує в наказі від 26.XI.1774 р.: «А щоб усі студенти і учні, особливо які бажають досягти святих чинів, у вільний від навчання час вправлялися найстаранніше в читанні різних церковних книг, передовсім Біблії, з метою набуття доброї й чистої вимови, особливо з дотриманням наголосів і сили в книжках надрукованих, тобто оксії, що насамперед необхідно, – до цього ректор з префектом повинні вжити такі заходи, які б виконанню цього наказу дійсно могли відповідати»²⁶.

А оскільки засвоєний з дитинства наголос дуже важко скоригувати, виходить наказ Миславського від 08.VI.1787 р.: «Малолітніх, що залишилися вдома, у зручний час благочинним [...] виявляти, чому вони навчаються і з яким успіхом, [...] наставляти батьків їхніх на спостереження, щоб вони навчалися вдома і в церквах читати за наголосами в книгах позначеними, тобто за оксіями обов’язково...»²⁷.

Півторасотлітня перерва в розвитку української писемної традиції дала свої результати. Уже в XIX столітті на теренах України єдиним орієнтиром у літературному наголошенні слів було діалектне мовлення. М. Лучкай, використавши у своїй праці „Grammatika Slavo-Ruthena” акцентовану по-староукраїнськи граматику М. Смотрицького, не наважився проставити наголоси, тому виправдовувався: «Найважчим розділом граматики для початківців був і тепер є розділ про наголошування слів та інтонацію. Навіть корінні русини, які добре знають мову, в цьому відношенні відчувать немалу трудність і можуть помилитися, бо в книгах дуже рідко позначені наголоси. Граматики або нічого не говорять, або розходяться, або ж, як Мразович, відсилають до святих книг. Але черпати це (про наголос) із релігійних книг справа довга й непевна, бо релігійні книги в цьому пункті розходяться залежно від часу, а також і місця видання. Друковані у Венеції подають не такі

²⁶ Петров Н. И. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. – К., 1908. – Т. V. – С. 81 – 82.

²⁷ Там же. – К., 1908. – Т. V. – С. 211 – 212.

наголоси, як видані в Росії або Польщі. [...] Виходить, що серби, друкуючи релігійні книги, використовували наголос своєї розмовної мови. Те саме робили росіяни. На цій підставі виникло розходження в наголосі у виданих книгах. Росіяни не перенесли всіх наголосів із біблійної мови в свою літературну мову. [...] Русини достатньо зберігають наголоси, але часто розходяться з росіянами і хорватами, напр.: *лоза*, *слуга́*, *оце́т* тощо. Вважаю за краще не ставити наголос, а залишити читачеві вимову, вигідну його духові, ніж заводити в оману недоречним позначенням»²⁸.

Звичайно, такої вольности жоден граматист у XVI–XVII ст. собі дозволити не міг. Автора може виправдати тільки те, що, починаючи з XVIII ст., книгодрукування українською мовою припинено, отже єдиного літературного наголосу не існувало. На різних українських землях староукраїнська акцентна система отримала свій окремішний розвиток, і зорієнтуватися граматистові в цьому діалектному розмаїтті було непросто.

О.О. Потебня розумів важливість вивчення українського наголосу для збереження ідентичності української мови взагалі й вироблення літературних акцентних норм зокрема. Саме тому він приділяв так багато уваги українській мові в своїх акцентологічних дослідженнях, опікувався виданням акцентованих творів. «Узагалі, дуже не вигідно для майбутніх досліджень, – відзначає вчений, – що попри існування хороших прикладів, зразки народних говорів до сих пір видаються без наголосів. Немає сумніву, що вчення про наголос становить досить важливий розділ історії російської мови»²⁹. Його акцентологічні дослідження, які зібрала, опрацювала й опублікувала окремим виданням «Ударение» В.Ю. Франчук, власне, присвячені українській мові. Про це, зокрема, свідчить ілюстративний матеріал, залучений автором зі словника П. Беринди, етнографічних збірників, літературних творів. Російська мова представлена в літературному варіанті, а інші слов'янські мови, литовська, санскрит використовуються переважно як порівняльний матеріал. Тому вченому вдалося не лише

²⁸ Lutskay M. Grammatica Slavo-Ruthena. – Budae, 1830. – С. 131 – 135.

²⁹ Потебня А. А. Ударение / Подгот. к изд. В. Ю. Франчук. – К., 1973. – С. 10.

виявити та продемонструвати своєрідність української акцентної системи, описати окремі українські акцентологічні закони, а й закласти наукові основи вивчення українського наголосу.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

Бар. – Баранович Л. Меч духовный. – К., 1666 (стародрук).

Бер. – Лексикон словенороський Памви Беринди / Підгот. тексту і вступ. стаття В. В. Німчука. – К., 1961. – 272 с.

Гал. – Галятовській І. Ключ разумѣнія. – 1659 (стародрук).

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.: Изд. 3-е испр. и дополн. – М., 1903.

Єв. – Євангеліє учителное. – Єве, 1616 (стародрук). Цифровим індексом ² позначається другий рахунок.

Желех. – Желеховський Є., Недільський С. Малорусько-німецький словар: В 2 т. – Львів, 1886.

Коп. Ом. – *Копистенській З.* Оміліа. – К., 1625 // Тітов Хв. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI – XVIII вв.: Всезбірка передмов до укр. стародруків. – К., 1924. – С. 147 – 172.

ОСРЯ – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под. ред. Р. И. Аванесова. – М., 1985. – 704 с.

ОСУМ – Орфоепічний словник української мови: В 2 т. / За ред. В. М. Русанівського. – К., 2001.

Рад. – Радивилівській А. Огородок. – К., 1676 (стародрук).

Рост. – *Ростовській Д.* Розыск о расколнической брынской вѣрѣ. – К., 1748 (стародрук).

Сл. – Служебник. – Стрятин., 1604 (стародрук).

См. М. – Смотриській М. Грамматіки словенскія правилное Сѣнтагма. – Єве, 1619 / Підгот. вид. і вступ. стаття В. В. Німчука. – К.: Наук. думка, 1979 (стародрук, факсим. вид). При документуванні з цієї пам'ятки перша цифра вказує на зошит, друга – на аркуш у цьому зошиті.

Тр. – *Транквіліон К.* Зерцало богословія. – Почаїв, – 1659 (стародрук).

Тупт. 1689 – *Туптало Д.* Книга житій святих. – К., 1689 (стародрук).

Тупт. – *Туптало Д.* Руно орошенное. – Чернігів, 1683 (стародрук).

Філялет – Філялет Х. Апокрисис. – Острог, 1598 (стародрук). Перша цифра вказує на зошит, друга – на аркуш у цьому зошиті.

Яворський – *Яворській С.* Камень вѣры. – К., 1730 (стародрук).

Ф.С. Бацевич
(Львів)

**ЛІНГВІСТИЧНА КОНЦЕПЦІЯ
О.О. ПОТЕБНІ В НАВЧАЛЬНОМУ КУРСІ
«ТЕОРІЯ МОВОЗНАВСТВА»**

З відомих і достатньо численних навчально-методичних видань, присвячених теорії мови, чи не найповніше лінгвістична концепція О.О. Потебні знайшла своє методологічне застосування в посібнику для студентів філологічних факультетів вузів Російської Федерації відомого нижньгородського мовознавця Віктора Олександровича Гречка¹. Подальший виклад – короткий огляд праці плідного вченого-мовознавця, глибокого знавця творчої спадщини О.О. Потебні.

Автор цього огляду, знаючи систему лінгвістичної підготовки студентів-філологів у вишах України зсередини (більше 30 років викладання загальнолінгвістичних дисциплін в університетах), може стверджувати, що з концепцією видатного українського філолога, засновника Харківської лінгвістичної школи О.О. Потебні випускники філологічних факультетів знайомі фрагментарно. Якщо не брати до уваги нечисленні спецкурси, які читаються у деяких вишах України, більш-менш цілісно лінгвістичне вчення

¹ Гречко В.А. Теория языкознания. – М., 2003. – 376 с. Посилання на цю працю В.О. Гречка в тексті у круглих дужках. Гречко Віктор Олександрович (1931 р. н.), доктор філологічних наук, професор Нижньгородського державного університету ім. М.І. Лобачевського. Автор більше п'ятдесяти наукових праць, зокрема монографій, із різних проблем русистики і теоретичного мовознавства. Особливе місце в дослідженнях В.О. Гречка займає аналіз загальнолінгвістичних поглядів видатного мовознавця-філософа О.О. Потебні.

геніального українського вченого подається лише в курсі «Загальне мовознавство» у розділі «Історія лінгвістичних учень» з тією мірою повноти і глибини, яка повністю залежить від інтересів конкретного викладача і кількості часу, відведеного на тему. І, звичайно, окремі ідеї вченого згадуються при вивченні тем, присвячених розгляду конкретних рівнів мови. Зовсім не дивно, що знання студентів-філологів, які стосуються лінгвістичної і, ширше, філологічної діяльності О.О. Потебні надзвичайно скромні. Одна з причин такого стану – відсутність у підручниках із різних дисциплін лінгвістичного циклу (зокрема теоретичного характеру) системного розгляду ідей О.О. Потебні. Прекрасним винятком із цього не дуже втішного правила є навчальний посібник В.О. Гречка, що містить 10 важливих загальнолінгвістичних тем, які є осердям курсу «Загальне мовознавство» і які, фактично, розглядаються якщо не крізь призму лінгвістичної концепції Потебні, то, принаймні, з обов'язковим зверненням до його вчення. Вписані у відповідний контекст аналізованих важливих мовознавчих проблем, думки видатного українського філолога увиразнюються як такі, що запліднили сучасну лінгвістичну думку низкою непересічних надзвичайно актуальних ідей. Аналіз змісту посібника В.О. Гречка дає всі підстави твердити про те, що вся його струнка концепція значною мірою сформована з оперттям на діяльнісну, «енергетейну» теорію мови таких геніїв лінгвістичної думки, як В. фон Гумбольдт і О.О. Потебня, думки яких «суголосні пошукам сучасних лінгвістів» (с.3).

Зокрема, розглядаючи найважливішу теоретичну проблему сутності й природи мови, В.О. Гречко повністю стає на позиції Гумбольдта і Потебні щодо діяльнісної природи мови. Автор постійно схиляється до генетичних засад мови, які, за О.О. Потебнею, полягають у тому, що «постійною ознакою мови є членований звук. Поняття мови вичерпується ... синтезом членованого звука і думки» (с.37). Синтез звука і думки, за Потебнею, відбувається у внутрішній формі слова (і мови в цілому) завдяки когнітивній діяльності людини, яка оперує мовою як особливою знаковою системою. Розглядаючи знакову природу мови як одну з її

найважливіших сутнісних ознак, В.О. Гречко в окремому параграфі розглядає концепцію мовного знака О.О. Потебні та його школи (с.41-43). Автор посібника доходить висновку про оригінальність цієї концепції, що синтезує звукову форму слова, його ближче і подальше значення.

Проблема Мови, Мовлення і Мовленнєвої діяльності як форм (модусів) існування людської мови розглядається В.О. Гречком історично, тобто концепції Гумбольдта про мову як ергон і мову як енергею до найповнішого її сучасного втілення в концепції Ф. де Соссюра. І тут автор посібника не обходить увагою концепцію українського лінгвіста, підкреслюючи його думки щодо здійснення «живого життя слова» в мовленні (с.53).

Розгляд теми «Мова як система і структура» розпочинається з аналізу ідей системності мови у працях Ф.І. Буслаєва, О.О. Потебні, І.О. Бодуена де Куртене та інших відомих учених. Підкреслюється, що системність мови була однією з основних методологічних засад О.О. Потебні, який ще на початках своєї наукової діяльності у період написання лінгвофілософської праці «Мысль и язык» стверджував ідею, згідно з якою «в языках есть система, правильность». У пізніших працях, насамперед «Психология поетического і прозаического мышления», О.О. Потебня зазначав, що «язык – система – это что-то упорядоченное, всякое явление пребывает в связи с другими». Системність притаманна мові в цілому та її окремим рівням. Зокрема, системність організації синтаксичного рівня, на думку В.О. Гречка, пов'язується Потебнею з роллю дієслова-предиката. Як відомо, вчені Харківської лінгвістичної школи, зокрема Д.М. Овсянико-Куликовський, вважали, що в структурі індоєвропейського речення роль дієслівного предиката постійно зростає.

Детальний розгляд концепції О.О. Потебні щодо сутності слова як основної одиниці мови, його ролі в мовленнєво-мисленневих процесах, співвідношення типів мислення з мовою знаходимо в розділах посібника «Изменение и развитие языка», «Мысль и язык». Спираючись на низку праць О.О. Потебні, зокрема «Мысль и язык», «Психология поетического і прозаического мышления»,

«Из записок по русской грамматике», «Из записок по теории словесности», автор посібника глибоко і водночас доступно для студента розглядає потєбнянську концепцію переходу від чуттєвих, образних форм сприйняття людиною світу до абстрактного логічного мислення у формі понять і суджень. При цьому постійно підкреслюється творчий характер мовленнєво-мисленнєвих процесів, де, згідно з Потєбнею, мова «постійно залишається посередником між пізнаним і тим, що пізнається». Мова, за Потєбнею, – суб’єктивний засіб відображення і пізнання дійсності, за допомогою якого «ухоплено» те, що існує об’єктивно в дійсності. Суб’єктивність у мові – це результат антропоцентризму людського пізнання світу.

Проблема форми і змісту в мові розглядається автором підручника в світлі вчення В. фон Гумбольдта і О.О. Потєбні про внутрішню форму мови і слова. При цьому В.О. Гречко підкреслює, що концепцію українського мовознавця не можна зводити виключно до поняття «внутрішня форма слова», як це роблять деякі дослідники; вчення Потєбні охоплює також елементи і процеси динаміки внутрішньої форми слова в часі. Форма мови, за Потєбнею, – це спосіб входження в свідомість людини нового змісту думки, це рух думки (с.182-183). В.О. Гречко детально розглядає всі складники («елементи думки»), які складають внутрішню форму слова, а через нього – і мови.

Проблема внутрішньої форми мови логічно пов’язується автором посібника з проблемою типології мовних значень. І тут, розглядаючи важливі аспекти семантичної структури одиниць мови, пов’язані з процесами номінації, зв’язками слова і образу, слова і поняття, співвідношенням значення і смислу, проблемами значень власних імен, словосполучень і речень, метамови опису семантики та інші, В.О. Гречко звертається до вчення О.О. Потєбні, використовуючи його ідеї ближчого і подальшого значень слів, специфіки значень граматичної форми, історичного формування різних типів значень тощо.

У розділі «Язык и общество» В.О. Гречко особливу увагу приділяє проблемам мови і народності в концепції О.О. Потєбні, який

вважав мову «абсолютною подобою народності» (с.307). Український лінгвіст доводить, що засвоєння в дитинстві рідної мови – суттєвий крок у сприйнятті й стихійному вихованні в собі відчуття конкретної народності. Мова – одна з найважливіших форм втілення сутності народності. О.О. Потебня в низці праць відстоює важливість існування різних народів з їх неповторними мовними картинами світу, оскільки, на його думку, «для існування людини потрібні інші люди, а для народності – інші народності» (с.324). Спираючись на ці основоположні теоретичні засади, В.О. Гречко вибудовує струнку і переконливу теорію взаємозв'язків мови і етносу, мови і суспільства.

В останньому розділі посібника, присвяченому проблемі походження мови, автор звертається до вчення Гумбольдта і Потебні про спільність психологічних законів формування і функціонування довербального і вербального мислення людини. Виявлення цих законів О.О. Потебня вважає ключем до пізнання походження мови. Він стверджує, що домовний психологічний розвиток людини готує таку його ступінь, коли виникнення мови стає можливим. Тобто у Потебні проблема походження мови тісно пов'язується з розвитком психіки людини. Проблема походження мови в концепції українського лінгвіста переноситься в площину психології сприйняття і відтворення звуків людської мови в їх тісному зв'язку з образами предметів об'єктивного світу. Цей процес пов'язування звука і образу речі (в широкому сенсі слова) за своєю сутністю уже не індивідуально-психологічний, а соціальний, оскільки, за Потебнею, «суспільство передує появі мови» (с.351).

Отже, глибокий, творчий і одночасно дохідливий виклад надзвичайно складного матеріалу засвідчує непересічну наукову і методичну вправність автора посібника. Вміння віднайти вирішення складних проблем теорії мови з опертям на глибинні ідеї, сформульовані класиками мовознавства, – яскрава риса концепції В.О. Гречка, якому вдалося синтезувати й адаптувати в процесі викладання глибинні концепції видатних попередників і яка повною мірою відповідає відомому лозунгу сучасної лінгвістики «Вперед до Гумбольдта» і, додамо, «Вперед до Потебні».

РУССКАЯ ГРАММАТИКА.
Лекции, читанные в Харьковском университете
ординарным профессором Потебнею. 1879-1880.
Собственность А. Карташева*

Обращаю ваше внимание, милостивые господа, на 10-ю главу моего сочинения, в котором на странице 101 сказано: «Строго говоря, история языка на значительном протяжении времени должна давать целый ряд определений предложения, и если бывает иначе, то это зависит лишь от несовершенства наблюдений»**.

Такое мнение, высказанное мною, вызвало рецензию, в которой автор указывает на полную неприменимость делаемых мною определений и, признавая за моими словами оригинальность и остроумие, предпочитает остаться при прежних определениях, делаемых нашими грамматистами. Но не говоря уже о том, что я вовсе не имел в виду сказать что-либо остроумное, я и нового, оригинального ничего не высказал, так как мнение это представляет общеизвестный результат науки. Во всяком случае, мне кажется, что я могу удовлетворительно объяснить это место! Известно, что в предметах, сваленных в кучу, форма этой последней зависит от формы самих предметов: так ядра дают пирамидальную кучу. Подобное этому мы видим и в социологии: общество формируется, слагается как куча ядер, из отдельных индивидуумов и от преобладания той или другой черты в его членах, от той или другой их личной особенности зависит и физиономия самого общества. То же верно и относительно языка; язык каждого народа, каждого племени имеет свою, ему лишь свойственную, особенность. Даже в таких родственных языках, как чешский и русский, соответствующие друг другу формы не адекватны, так что

чех, начиная говорить по-русски, очень часто впадает в ошибки, в особенности же в употреблении видов, которые, заметим, существуют и в чешском языке. Тем более не адекватны соответствующие друг другу формы грамматические в языках менее близких: например, наш предикативный творительный падеж в предложении «я был студентом» не имеет себе аналогии ни в одном из других языков. Что же касается до разницы между древними и новыми языками, то о том, насколько она велика, нечего и говорить, ибо с течением времени исчезают не только падежные формы и видоизменяются, но иногда также исчезают падежные окончания, то есть изменяется количество знаков для выражения разных отношений между членами предложения. Заметим далее, что то, что мы называем умственной деятельностью, в своих отправлениях очень сходно с деятельностью машины, ход которой вполне зависит от того или другого устройства ее частей. Так, подобно ходу часов, зависящему от длины маятника, тяжести гирь, хода колес, и наша умственная деятельность вполне обуславливается общим устройством нашего организма. Нам нет дела до того, поддается ли это явление нашему объяснению или нет. Для нас важен факт; при этом самая общая и первоначальная деятельность есть апперцепция, состоящая в том, что когда какой-нибудь предмет, поражая наши органы чувств, производит на нас впечатление, то это впечатление возбуждает в нас следы прежних подобных впечатлений и ассоциируется с ними; таким образом апперцепция есть участие следов прежней мысли в создании новых. Простейшая форма этого психического явления такова: **x**, то есть новый, поразивший меня предмет, напоминает мне **a**, то есть то, что я заметил еще прежде. И в ней мы видим 3 части: первая – нечто объясняемое (так как новое впечатление объясняется прежним), вторая – объясняющая или апперционирующая, и третья – нечто между ними среднее, то, что мы называем *tertium comparationis*.

В сущности это тоже форма мышления, которую называют психологическим суждением, так что апперципируемое и подлежащее объяснению есть субъект суждения, а апперципирующее и определяющее – его предикат.

Теперь возвратимся к сделанному нами выше сравнению: как в ходе часов, несмотря на постоянное тяготение гирь, замечаются порывистые движения, отдельные акты, так и в человеческой мысли мы видим постоянный ряд перцепций и апперцепций, соответствующий порывам стрелки, и как темп различных механизмов различен, ибо нельзя найти даже двух совершенно тождественных темпов часов, так различен и темп мысли в различных субъектах. Тем сильнее изменяется он в каждом индивидууме по мере усложнения его жизненных процессов.

Речь ребенка отрывиста; она ограничивается одним словом там, где речь взрослого человека отличается определенностью и ясностью. Но и ребенок и взрослый говорят предложениями, – это несомненно. Когда ребенок при виде матери тянется к ней и говорит «мама», то в этом слове заключается следующее предложение: человек, которого я теперь вижу (x в нашей формуле), вызывает во мне воспоминание о человеке (a), которого я называю «мама». Но не следует ли отсюда, до очевидности ясно, что предложение ребенка и взрослого человека, столь существенно отличные друг от друга, требуют и совершенно различных определений. Не следует ли, говорю я, что в жизни народа, аналогичной с жизнью человека, язык – явление до чрезвычайности сложное, необходимо представляет в своем развитии фазы, в которых для предложения требуется особое определение.

Рассмотрим это положение несколько подробнее. Если мы останемся на почве родного языка, то, хотя круг наших наблюдений будет до чрезвычайности узок при той несомненной медленности, с которой развивается и изменяется язык, хотя древнеславянский язык, представляя заметные различия от современного нам русского, сходится с ним в том, что как первый, так и второй суть языки в высшей степени сложные, однако, если пристальнее взглядемся, то в пределах этого круга найдем данные, по которым можно делать заключение о временах более древних. Некоторые предложения позволяют нам шагнуть в вековую глубину за несколько тысячелетий, причем самый верный путь будет тот, что мы, исходя от известного нам и анализируя его, будем продолжать

результат анализа до конечных выводов. Возьмем, например, предложение «птица летит».

Помимо всей сложности этих двух слов, из которых каждое представляет корень, уже в значительной степени видоизмененный в соединении с суффиксами, отправляющими ту или другую грамматическую функцию, помимо этой, повторяю, их сложности, представляющей работу целых тысячелетий, остановим свое внимание на так называемых корнях этих слов, то есть таких частях, от которых зависит их лексическое значение. Заметим при этом, что различаются корни двух родов:

а) качественные или объективные, указывающие на признак, заключенный в самом предмете, иначе говоря, сообщающий его лексическое значение;

б) указательные или субъективные (то, что мы назвали теперь суффиксами), обозначающие явление или предмет не по признаку, в нем заключенному, а по его отношению к говорящему.

Так, в слове *летит* видно окончание *ть*, которое заставляет нас приписывать действие летания третьему лицу единственного числа, далее видим звук *и*, заставляющий нас относить это слово к известной категории глаголов. Найдено, что эти корни по большей части сближаются, а иногда совершенно тождественны с местоимениями (*ть* – *тотъ*), почему их иначе называют местоименными.

Таким образом, мы нашли, что оба слова в предложении «птица летит» представляют нечто весьма сложное; такую сложность представляет огромное большинство слов нашего языка, и можно сказать, даже почти все слова, исключая некоторых частиц. Но, наблюдая за речью ребенка, который, как сказано, в своем развитии представляет аналогию с народами, или за такими языками, которые мы все с высоты нашего европейского развития и, может быть, не без основания, называем низкими, мы заметим, что такая сложность не есть исключительная и что то, что теперь представляет слово, некогда было двумя или более словами, что речь первобытного человека являла в себе не сочетание элементов, а расчленение их.

Основываясь на этом замечании, постараемся объяснить, какое синтаксическое значение могли иметь эти отдельно взятые элементы в те незапамятные времена, когда речь человека состояла из несложных, несплоченных слов. Видя летящую птицу, первобытный человек, положим, произносит *pat* - это есть древнейший корень этого слова; очевидно, то же слово должно было служить связью между вновь воспринимаемым и воспринятым прежде. Это столь же мало глагол, как и существительное, которое не подходит ни к одной из современных частей речи. Наш глагол прежде всего относит свое содержание к различного рода действиям, но первобытный человек не мог отделять предмета действующего от действия; когда он видел летящую птицу, то не видел птицы и летания отдельно, как нечто разъединенное, разложенное; в его душе, напротив, всплывало навстречу воспоминание такого же точно неразложенного восприятия, полученного им прежде и представлявшего такое же полное безразличие действия и действителя.

Нет, следовательно, никакого основания называть такие качественные корни глагольными, как делают иные. Послушаем теперь Фика, известного автора «Словаря индо-германских языков». Он говорит: «Обыкновенно один класс элементов языка называется местоимениями в строгом предположении, что они не имеют значения сами по себе, а служат заместителями других частей (имен); но одной минуты размышления довольно, чтобы увидеть в этих корнях первобытные имена». Опускаем дальнейшие его рассуждения, потому что для нас важен только этот отрывок. Раньше мы уже видели, что объективные корни не были глаголами; из этого уже косвенно [вытекает], что в первобытных языках не существовало и имени, ибо при выделении деятельности, как нечто отдельной, выделялся бы и источник этой деятельности – субстанция. Мне кажется, что, рассуждая по-предыдущему, мы дойдем до подобных же результатов и в определении значения местоименных корней.

Положим, что первобытный человек при виде летящей птицы произносит не *pat*, а одно *a* (вроде нашего указательного *о*).

Такое слово опять-таки есть ни что иное, как связь между новым восприятием и прежним. Таким образом, это *a*, будучи корнем указательным по своему значению, не может быть ни именем, ни глаголом. Такое разложение есть уже несравненно позднейшее дело языка, о котором не будем говорить, так как задача эта весьма трудная, относящаяся как к языкознанию, так и к психологии. Мы приводим эти рассуждения только для того, чтобы показать, что не пустые те речи, когда говорят, что первобытное предложение существенно отличается от нашего. Но каково же, спрашивается, было это предложение? В каком отношении стояло оно к современному? Если вместо *птица* возьмем более первобытное слово *пть*, от которого уменьшительное *птька* встречается в старинных памятниках, и разложим на его составные части, то усмотрим объективный корень *птъ*, указывающий на летание в совокупности с предметом летящим, и указательный *a*. Таким образом, в этом слове заключается собственно два [корня], значения которых можно перевести на наш язык: то, что я прежде воспринял, как *pat*, – теперь передо мною *a*. Но не замечаете ли вы, что заключается целых два предложения?

Спрашивается, каким же частям нашего предложения соответствуют эти части? Я полагаю, что самое верное решение этого вопроса состоит в том, что, строго говоря, ни одна форма первобытного предложения не соответствует ни нашему подлежащему, ни сказуемому в точности. Несомненно лишь то, что в простейшем слове нашего языка можно еще различить не менее двух первобытных предложений. Рассмотрите, например, слово *летит*. Я уже указывал его сложность: оно состоит из объективного корня *lak* или *pak*, изменившегося перед *t*, как изменилось первоначальное *pank* в слове *пять*; затем следует местоименный корень *и*, более древняя форма которого есть *aja*, по всей вероятности тоже сложная, наконец указательный суффикс *тъ* – *t(ь)* – *ти*. Производя все эти операции и видя чрезвычайную сложность слова, обратимся к более первобытной его форме – литовской *lekti*, в которой тоже усматривается корень субъективный и объективный, то есть целые предложения. Оставляя в стороне все промежуточные

[стадии] развития первобытного языка, обратимся к характерным чертам нашего предложения. Оно есть итог тысячелетней работы человеческой мысли, направленной к дифференцированию стадий мысли. Произнося одно какое-либо простое слово нашего языка, мы, так сказать, стоим на плечах многих миллионов мыслящих людей, бессознательно продолжая их труд. И вот один из результатов такого труда есть различение деятельности от того, откуда она исходит.

Буслаев в своей грамматике говорит, что «в русском языке 9 частей речи: имя существительное, прилагательное, местоимение, глагол, числительное, предлог, наречие, союз и междометие». На этом мнении следует остановиться и подумать, правильно ли оно составлено. Известно, что всякое деление должно удовлетворять логическим основным требованиям, состоящим в том, что одно деление должно иметь не более одного основания и что члены деления должны взаимно уничтожать друг друга. Если эти условия не соблюдены, то указывают нам на то, что в наше сознание вкралась ошибка; соблюдение этих требований, кажущееся на первый раз удобно исполнимым, не легко, и каждый едва ли может считаться свободным от заблуждений. В делении проф. Буслаева кажется, что все обстоит благополучно, а между тем, всмотревшись ближе, мы найдем, что с логической точки зрения оно ошибочно, а с точки языкознания даже неверно. В самом деле: в числе 9 частей речи стоят их отдельные группы: местоимение, наречие, существительное и прилагательное; но ведь очевидно, что местоимение может быть и существительным, когда оно является подлежащим: «этот сделал, а не тот». Местоимение может быть и прилагательным в соединении с существительным, как, например, *мой, твой* и т. д.; оно может быть и наречием *здесь, там*, а следовательно, требование, чтобы члены исключали друг друга, здесь не соблюдено. Точно также, как отдельная группа, стоит числительное; но известно, что *второй* есть прилагательное, *пять, шесть* – существительное, *дважды, трижды* – наречие; следовательно, и это доказывает неверность деления. Ошибка состоит в том, что правильно мы можем делить только такие явления, которые существовали одновременно, и располагать их нужно так, как будто они были

положены перед нами на одну плоскость, но как скоро в делении обозначаются явления, не одновременно существовавшие, то от этого и выходит ошибка. Если мы, например, скажем, что жители Харьковской губернии разделяются на сословия: на духовных, дворян, крестьян закрепленных и казаков, то нелогичность заключается здесь в том, что в это деление внесен исторический факт, оспоримый, однако, тем, что сопоставлены неодновременные явления, так как ни казаков, ни закрепленных крестьян нет; то же самое применимо и к частям речи. Было уже сказано, что исследование языка довольно давно привело к различению двоякого рода корней, из которых одни неправильно названы глагольными, или лучше качественными, объективными, а другие местоименными, субъективными. По всем соображениям эти корни одинаково могли становиться сказуемыми простейшего доисторического предложения, но это первобытное сказуемое не может быть названо ни именем, ни глаголом; здесь вовсе не было того, что мы называем грамматическою формою. И вот у Буслаева в приведенном делении принято за основание, во-первых, содержание (так называемое значение слова), и с этой точки зрения особыми частями речи оказываются существительное и местоимение, и, во-вторых, принята за основание функция слова в предложении, то есть то, что делает слово в предложении, и с этой точки зрения как отдельные части являются глагол, наречие, союз и прилагательное. Что же касается междометия, то оно выделяется самим Буслаевым. Необходимо усвоить и уяснить себе ясно, что мы называем грамматическою формою? Ответ такой: грамматическая форма есть то, что указывает на роль слова в предложении. Формальные языки отличаются от неформальных тем, что в первых при указании на роль слова в предложении не мыслится ничего более, кроме этих указаний, а во-вторых мыслится при этом нечто постороннее. Например, рассказывают, что в одном из африканских языков – динка – слово, употребляемое для обозначения ‘брюхо’, ‘внутренности’, употребляется тоже для выражения нашего отношения *в*; следовательно, для того, чтобы выразить ‘в голове’, нужно сказать *голова-брюхо*. Здесь нам известно, насколько негры, употребляя

это выражение, думают о брюхе; допустив, что эта мысль у них является, мы говорим, что такой-то язык не формален, он не имеет чистой грамматической формы и, как скоро желают выразить то, что мы называем отношением, то употребляют такие средства, грубость которых заставляет думать о постороннем, что замедляет течение мысли.

Не следует думать, что в формальных языках испокон века по самой своей сущности употреблялись только такие слова, которые других значений не имеют; формальность их состоит в свойственной народам, употребляющим такие языки, способности в известных случаях радикально забывать такие вещественные посторонние значения. Так, например, в некоторых наших предложениях мы можем заметить еще такие вещественные значения, как в существительном, прилагательном, глаголе, которые некогда существовали. Нет сомнения, что предлог *néřed* тождествен с существительным *перёд*, причем предлог образовался из существительного, а не существительное из предлога. Когда мы говорим: *перед мыслью*, *перед глазами*, то между нашим способом выражения и языком негра-динка [разница] та, что мы имеем способность конкретного значения, когда это нужно.

Затем Буслаев говорит: «во всяком предложении нужно отличать: 1) самую материю или содержание предложения, то есть названия понятий и представлений, входящих в состав данного предложения и 2) способ сочетания их в предложении. Содержание предложения выражается отдельными словами, означающими или предмет (имя существительное), или действие (глагол), или свойство (прилагательное); поэтому существительное, прилагательное и глагол именуется частями речи знаменательными, способ же сочетания имен и глаголов в предложении означается или окончаниями этих слов (склонением и спряжением), или же такими отдельными словами, которые служат связью другим словам, или показывают между ними отношения. Эти слова суть местоимения, числительные, предлоги и союзы, вследствие чего они и называются частями речи служебными» (§ 99. Учебник русской грамматики Буслаева).

Это разделение слов на *знаменательные* и *служебные* не совместимо с вышесказанным, то есть с формальностью языка. И в самом деле, слова едва ли могут так разделяться. Если мы говорим: *ходит, пишет*, то мы здесь выражаем и то, что Буслаев называет содержанием и связью. Одно и то же слово может быть и содержанием и грамматическою формой. Всякое слово индоевропейских языков так сформировано, что в нем обозначается место и роль, которую слово должно играть в предложении; формальность присуща каждому слову, хотя, впрочем, есть такие слова, в которых, кроме формы, нет ничего. Такие слова называются чисто грамматическими, а не то, что Буслаев называет служебными. Например, как местоимение можно назвать служебной частью речи, когда слово *тот, этот*, кроме указания на предмет, который мы называем содержанием, указывает нечто другое, по чему мы узнаем *nominativus maskulini*, что это слово может быть или подлежащим, или приложением к подлежащему, или членом составного сказуемого. Из этого видно, что то, что Буслаев называет служебной частью речи, есть то, что мы называем формальностью. Далее Буслаев называет числительное служебной частью речи, но оно может быть и существительным и прилагательным и иметь разные роли в предложении. Содержание *в пять, шесть, пятый, пятью* одно и то же, но грамматическая форма совершенно иная; *пять* – имя существительное, следовательно, оно может быть подлежащим *пятый* – прилагательное, вследствие чего может быть прилагательно к существительному; *пятью* – обыкновенно принимается за наречие. Из этого вывод тот же, что и прежде. Если Буслаев называет предлог и союз частями речи, то это совпадает с нашим воззрением, потому что они являются формальными частями. Все это предисловие нужно было для того, чтобы яснее показать следующее положение: части речи современного языка не могут быть иначе определены, как только той ролью, какую они играют в предложении, иначе сказать: определение частей речи может быть только синтаксическое.

На стр. 101 главы X «Записок по русской грамматике» сказано: «Замечаем, что в арийских языках главное, независимое от другого,

предложение (кроме случаев опущения) невозможно без глагола в тесном смысле, то есть за исключением причастных форм, и что сам по себе такой глагол составляет предложение». При этом я не имею в виду того обстоятельства, а именно, если предложение состоит из подлежащего и сказуемого, в наших языках указывается по меньшей мере на 4 акта познания, так как мы не можем себе представить подлежащего, состоящего меньше, чем из двух частей: 1) из корня качественного и 2) суффикса, и сказуемого, состоящего также не меньше, как из двух частей: 1) признака лица, а вместе и числа и 2) корня объективного; отсюда вытекает то, что каждая из двух главных частей такого предложения представляет сходство с предложением, или, другими словами, на этом основании можно предположить, что было такое время, когда наше подлежащее, то есть первая часть нашего предложения, само по себе было отдельным предложением. Нужно поправить вышеприведенное место так: «мы знаем, что в ближайшем к нам периоде языка предложение невозможно без глагола и что взятый сам по себе глагол будет предложением». На это могут возразить, что мы постоянно в речи употребляем обороты безглагольные; но дело в том, что подобного рода обороты оказываются элизией, то есть выпусчением глагола.

Известно, что можно говорить совершенно правильно грамматически, не выражая этим ничего истинного, то есть говоря совершенно бессмыслицу; это я говорю к тому, что для большей легкости анализа мы можем взять для примера совершенно тавтологическое предложение, в котором все части будут одного объективного корня и будут различаться между собою только грамматическою формою. «Светлый свет светит светло». Мы приводим эту фразу для того, чтобы указать, что для нас недостаточно разграничения речи по таким категориям, как деятельность или качество, потому-то все слова в приведенной фразе могут быть названы и названием действий и названием качества. Разве существительное *свет* не выражает действие? Разве прилагательное и наречие не могут быть названы выражением действия? Точно также то, что известное совокупление мысли называется *свет* –

не есть качество? Как уже было сказано, разница между частями речи современного нам языка заключается только в их грамматической функции. Все слова приведенной фразы одинаково обозначают признаки, и разница между ними только заключается в следующем: глагол в наших языках выражает признак во время его возникновения от деятельности лица; но это вовсе не означает, что речь здесь идет только о настоящем времени; если бы здесь говорилось о прошедшем и будущем, то значение глагола нисколько не изменилось бы. Эта зависимость от лица, это исхождение признака от силы, присущей лицу, выражается личным окончанием; это последнее, будет ли оно выражаться особыми звуковыми элементами или, как в некоторых индоевропейских языках, оно будет стерто – для нас это безразлично. Отношение к лицу может быть двоякое: или лицо является определенным для нас со стороны качества, или оно является неопределенным; в первом случае – предложение называется определенно-личным, во втором – неопределенно-личным, например, *светает* – кто? или что? – неизвестно. Между *светит* и *светает* внешней разницы нет, но она заключается в том, что мы думаем про себя. Последний случай (*светает*) подходит к тому, что прилично называть «глаголом безличным». Но этот термин нужно устранить, потому что глагол *рас-светает* вовсе не безличный; здесь лицо обозначено, но мы здесь понимаем что-то другое, чем в *светит*. Все это, однако, сказано не к тому, чтоб совершенно устранять грамматические термины, но для того, чтобы при употреблении таких терминов, как «безличное сказуемое», знать, что употребляют. В последнее время вместо этих выражений ученые предлагают употребить термин «бессубъектное»; но и этот термин не вполне состоятелен, потому что, когда предложение, совершенно независимое от другого, следует за ним и когда оно относится к тому же подлежащему, то в нем налицо подлежащего нет, а все-таки оно не будет безличным, потому что под лицом мы подразумеваем действителя со стороны определенного его качества. Затем, определение остальных частей в приведенном примере предполагает, что общее определение недостаточно, не указывает на грамматическую функцию

этих частей и служит введением других более точных. Здесь мы видим, что существительное и прилагательное по корням не отличаются от глагола. Еще прежде было замечено, что существительное и прилагательное имеют нечто общее между собою и потому им обоим усвоено общее название «имя». Наблюдая над славянскими языками, и в частности над русским, мы доходим до того заключения, что чем далее от нас, тем более изглаживается разница между существительным и прилагательным. В настоящее время эта разница велика в особенности в отдельных говорах. Известно из церковнославянской грамматики, что прилагательные безличные или неопределенные склоняются как существительные. Так, например, форма *ablatus singularis masculini добръмъ* сходна с формою *столомъ* и т. д. Но если мы обратим внимание на состояние нынешнего языка, то увидим, что это сходство уменьшается и сводится только к *nominativus*, но не для родов; а в некоторых говорах, не исключая и именительного падежа, например, в малорусском *він добрий*, где для прилагательного уже отдельное окончание.

В настоящее время можно сказать, что существительное и прилагательное склоняются различно, потому что язык сам различает их. Рассматривая в современном языке склонение существительных и прилагательных, мы видим, что некоторых тем, свойственных существительным, не имеют прилагательные; например, *путь* относится к теме *и*, то есть *ь*, заключает, кроме уничтоженного знака падежного окончания, еще и предшествующее, так что слово имело предполагаемое окончание *is*. Уже в древнеславянском языке тем *i* и *и* нет; если мы возьмем еще более древний период, то на основании некоторых указаний мы можем судить, что эти темы *и* и *i* были свойственны прилагательным; еще далее всматриваясь в способ образования тем существительных и прилагательных посредством суффиксов, мы можем усмотреть, что употребление разных суффиксов для существительных и прилагательных есть явление относительно новое. Так, например, суффикс *тель* указывает на действующее лицо; это тот же суффикс, который является в других существительных в виде *тырь* и *терь*,

как *мать, пастырь*, соответствуя латинскому *turus participium futurum activi*.

Было время, когда этот суффикс, основная форма которого была **tar**, был безразличным и для существительных и для прилагательных. Итак, чем дальше от нас, тем менее признаков внешних, отделяющих существительное от прилагательного, так что можно наверное сказать, что во время не так давнее внешней разницы между ними не было, что и оправдывает отнесение существительного и прилагательного к одной категории.

Разница между именем и глаголом

Рассмотрим теперь различие между именем и глаголом. Если объяснить наш пример *свет светит* и перефразировать это предложение, то можно сказать так: ‘то, в чем достало уже свойство света, в настоящее время производит свет’, или если мы поставим прилагательное вместо существительного, то получим: ‘тот, в котором я нахожу признак света, в настоящее время производит свет’. Выводя из этого определение, мы можем сказать, что в имени признак представляется уже находящимся, данным в чем-то, между тем как в глаголе этот признак представляется исходящим от энергии лица. Следует обратить внимание на то, что, говоря, мы известным образом посредством звуков обозначаем то, что совершается в нашей мысли, то есть язык выражает нам психические процессы, но он выражает их так, как будто они происходят не в нас, а вне; например, если я говорю: *солнце светит*, то мои слова означают, что вне меня находящееся солнце производит свет. Язык выражает наше внутреннее состояние так, как будто оно было извне, то есть язык объективирует нашу мысль; язык есть проекция нашей мысли, изображающая наши мысли, как будто они не в нас явились. Вследствие этого изображения для отношения глагола к имени будет два выражения:

1) в имени признак представляется данным, готовым, уже находящимся в предмете, а в глаголе признак представляется производимым предметом; это определение соответствует тому, что

язык выражает нашу мысль объективно, но мы не можем устранить из нашей мысли того, что мы словами *солнце светит* изображаем происходящее внутри нас;

2) имя представляет признак, как прежде познанный, а глагол – признак в момент познания: что я прежде назвал светящим, то в настоящее время светит.

Славянские языки и весьма немногие из европейских вовсе не выражают отдельной независимой деятельности, независимо от других признаков. Во всех этих языках определение глагола, как выражение деятельности, собственно ничего не говорит. Этим нельзя отделить глагола от имени, потому что имя существительное и отчасти прилагательное в такой же мере выражают деятельность, как глагол. Так, *сон*, *бег*, *пляска* тоже выражают деятельность, как и *бегущий*, *пляшущий*. Однако с другой точки зрения деятельность существительного и прилагательного можно тоже назвать выражением качества. Так, если я говорю «солнце светит», то здесь уже есть выражение качества. Есть, однако, средства для более точного разграничения грамматических понятий. Язык выражает действие, как непосредственно вытекающее из действующего лица: другими словами, выражает действие, как энергию, обнаруживаемую действующим лицом. Это есть *verbum finitum*, или полноправное, иначе главное сказуемое. Определение глагола личного и сказуемого представлено во всех индоевропейских языках. Лицо личного глагола есть именно указание на действующий предмет, а не выражение. Если я, например, говорю *светит*, то я не выражаю *кто*, а следовательно, нет и подлежащего. Каким же образом теперь получить определение имени? Было уже сказано, что в истории языка дана возможность искать начала общего определения имени без различения существительного от прилагательного. Есть указание, что чем далее в старину, тем менее разницы между существительным и прилагательным. Однако в истории славянских языков мы такой разницы уже не застаем. Разница между глаголом и именем состоит в том, что в личном глаголе или сказуемом действие представляется возникающим от действия подлежащего в то же время, когда говорится; в имени

же это действие или тот же признак представляется уже находящимся в то время, когда подлежащее действует, например, *свет светит*. Для определения, что такое глагол и существительное, предложенную фразу можно перевести так: ‘то, что уже имеет в данное время признак света, в настоящее время производит свет’.

После таких общих определений имени нужно указать на разницу между существительным и прилагательным; эта разница очевидна, но не нужно при этом упускать из вида и основного определения.

Уже было сказано, что почти во всех индоевропейских языках всякое простейшее имя, как и всякий глагол, состоит не менее как из двух частей: одна из них указывает на признак, качество, а другая – на лицо; это указание на лицо выражается суффиксом местоименного происхождения. Если мы отвлечемся от места, занимаемого обыкновенно подлежащим, то во второй части имени или глагола мы заметим что-то, подходящее к нашему подлежащему; если мы говорим *ѣсть*, то это *ть* есть указание на лицо, следовательно, *ѣсть* предполагает двухсложное предложение. После этого будет понятно, почему для определения разницы между существительным и прилагательным мы пользуемся сходством более развитых языков. Существительное и прилагательное похожи на двухсоставное предложение, и разница между ними та, что в прилагательном данный признак, то есть находящийся в предмете, отнесен к предмету неизвестному; если мы говорим *светлый*, то это значит ‘имеющий признак света’, но *кто?* – неизвестно.

Прилагательное есть название признака, данное в чем-то, что само по себе нам неизвестно; другими словами, прилагательное сходно с таким нашим предложением, в котором нет подлежащего.

Итак, между существительным и прилагательным первоначально замечается только внутренняя разница: тот признак, который в прилагательном отнесен к неизвестному комплексу признаков, в существительном отнесен к определенному, известному для лица говорящего комплексу признаков. Существительное есть название признака или действия, заключенного в чем-то, что для

мысли определено независимо от других слов. Всякое этимологическое объяснение имени дает примеры этого; например, корень *gan*, в греческом γένυς, более поздняя санскритская форма *dġan*, отсюда наше *жена* ‘рождающая’. Но теперь вопрос: почему это имя существительное, а не прилагательное. На это нельзя дать определенного ответа; но существительность ее состоит в том, что данный признак ‘рождает’ относится к известному комплексу признаков: мы знаем, что рождает женщина. Корень *padt*, латинское *pes*, который в нашем *падать* находится не с тем значением, то есть в смысле ‘упасть’, но со значением движения вообще. Что наше *пад* не всегда имело значение ‘падать’, можно видеть из причастий, например; *ноженьки скоропадлыя*, то есть *скороходныя* и др. Следовательно, различие состоит в том, что в прилагательном комплекс признаков неизвестен, а в существительном известен. Стало быть, прилагательное сходно с таким сказуемым, которое указывает на неизвестное нам подлежащее. Как возражение против этого может быть выставлено то, что наши языки представляют большое количество существительных отвлеченных, то есть таких, в которых выражается один только признак или одно действие, при которых не мыслится другой признак. Но здесь следует обратить внимание на следующее: после того, как совершился раздел между существительным и прилагательным, существительное получает особую грамматическую функцию; оно стало годно для выражения действующего лица, то есть стало источником того действия, которое выражает сказуемое или, другими словами, то, что после образования разницы между *светльй* и *светит*; первое, и заключающее в себе указание на то, в чем находится признак света, стало годным ответить на вопрос *кто?*, а прилагательное – нет. Правда, что в существительных отвлеченных мы не мыслим никакого определенного комплекса признаков, кроме этимологических данных; но этим последним язык сообщает свойство служить выражением подлежащего, стало быть, о существительных отвлеченных нельзя сказать, что в них признак не мыслится ни в чем определенном; в них признак представляется источником действия другого.

Вот здесь-то мы и получаем пояснение того, что было сказано вначале, то есть, что языки славянский и многие европейские выражают или действие как непосредственную энергию, или действие как источник другого действия. Существительное отвлеченное вполне подходит под это последнее определение, потому что в нем признак не мыслится самостоятельно, а представляется источником действия.

Теперь мы приступим к определению других частей предложения, кроме сказуемого. Если глагол-сказуемое есть название признака во время его возникновения от действия известного лица, то подлежащее есть название того лица, которое производит действие, выражаемое сказуемым. Это направлено против тех определений, которые колеблются между утверждением и отрицанием, говоря что в *светит* и есть и нет подлежащего. Мы можем прямо утверждать, что здесь нет подлежащего, что в нем есть только указание на то, что должно быть подлежащим, то есть предмет, который производит то, что сказано в *светит*.

Теперь мы входим в сложный и трудный вопрос о происхождении падежей. Здесь прямо можно сказать, что изложение этого отдела превосходит силы современного языкознания; здесь еще многое остается темным – и одно только вероятно, что синтаксическая разница между падежами была прежде менее редка. В определение существительного мы внесли то свойство, что оно подлежащее. Существительное есть подлежащее только в виде именительного падежа, в некотором смысле это относится и к звательному. Для дополнения определения существительного нужно взять во внимание и другую его функцию – дополнение. Говоря о личном глаголе, я говорил о главном сказуемом; но это требует некоторого пояснения. У нас в языке издавна существует сказуемое двоякого рода: глагольное и простое; однако в наших учебниках предлагается еще одно, именно неопределенное наклонение. Разница между глаголом личным и неопределенным наклонением заключается в том, что личный глагол, сам по себе отдельно взятый, включает указание на лицо, а неопределенное наклонение не включает этого указания, а получает его через посредство главного

сказуемого или через посредство другой части предложения, например: *хочу писать*, где лицо известно через слово *хочу*. Неопределенное наклонение есть тоже глагол, и в некоторых славянских [языках] оно прямо заменяется глаголом; например, в сербском вместо *хочу идти* говорится *хочу, да идет*, где вместо неопределенного наклонения поставлен личный глагол.

Обратим наше внимание на латинский термин *verbum finitum* (личный глагол), которое есть собственно сказуемое, но кроме этого имеется еще *modus infinitivus* – это есть особенная глагольная форма, которой противопоставляется личный глагол, имеющий указание на лицо; *infinitivus* же этого указания не имеет; следовательно, *infinitivus* форма вовсе не именная, она есть форма глагола. Неопределенное [наклонение] фактически не имеет определенного лица, но получает его смысл через посредство главного сказуемого или через посредство дополнения. *Я хочу писать* – писание будет производиться через *я*; *я прошу вас записать*, но кого? – лицо неопределенного наклонения указывает дополнение. Отсюда видно, что термин «неопределенное наклонение» не верен; оно может быть названо безличным, получающим отношение к лицу через посредство сказуемого или дополнения, а по своей функции может быть второстепенным сказуемым. *Я прошу вас записать* разлагается на два предикативные акта: главный – *я прошу*, а *вас записать* – второстепенное сказуемое. Эти обе части находятся в подчинении друг другу.

Перейдем теперь к определению подлежащего. После того, как образовалось разграничение между прилагательным и существительным, в это же время определилось, разумеется, различие функций этих частей речи: существительное, как название мыслимого или забытого признака, относимого к определенной совокупности других признаков, получает функцию – представляться источником действия, то есть подлежащего, или известного рода пределом, другими словами – названием других предметов, кроме подлежащего, мыслимых вне подлежащего. Какой же это другой предмет, представляющийся вне подлежащего? Это дополнение, *objectum*, противоположный *subjectum*.

Остановимся на этих двух частях предложения подробнее. Обратим внимание на то, что только известная определенная совокупность признаков в наших языках представляется действующим лицом или предметом, ограничивающим действие; то есть, если я скажу: *свет светит*, то вы удовлетворитесь и дальше не спрашиваете; но если я скажу: *светлый светит*, то есть название признака, относящегося к неизвестной субстанции, то спросите *кто?* или *какой?* На это не последует ответа, если совершится переход от прилагательного к существительному. Итак, подлежащее в собственном смысле этого слова (потому что в известном смысле и дополнение может быть тоже подлежащим, как например, *прошу вас писать*) выражает особым словом указание на непосредственного производителя того, что выражено сказуемым. Эти определения могут показаться или мудреными, или ненужными в элементарном преподавании, но я представляю образец детского разбора: *солнце светит светло* – название лица, которое здесь нечто делает, есть подлежащее (солнце) и что оно делает – сказуемое (светит); следует прибавить, что нынешние индоевропейские языки различаются между собой тем, что в одних личное местоимение является заменой личного окончания и отдельно не мыслится; так *ich spreche, je parle* – в известном смысле предложения бессубъективные, потому что здесь особого слова для выражения подлежащего нет, так как **ich** тождественно с окончанием.

Переводчиками учебников латинского языка были немцы, от которых совершенно ошибочно перенесено это и в русском переводе этих учебников. Это сказано для того, что в наших славянских языках в настоящее время употребление личного местоимения вовсе не нужно, но в нашем прошедшем *я сказал я* не есть выражение подлежащего и станет оно подлежащим только тогда, когда будет произноситься с особенным ударением: *я́ сказал*.

Всем известно старинное разделение падежей на прямые и косвенные; прямые – именительный и звательный, а все остальные косвенные. С точки зрения этимологии это разделение не имеет смысла. Известный лингвист Шлейхер говорил о звательном падеже следующее: «звательный падеж вовсе не падеж, но имя в форме

междометия». Что можно сказать о таком определении на основании вышесказанного? Междометие есть собственно доформенное слово, и если какая-нибудь часть речи становится междометием, то его форма забывается. Но как бы то ни было, Шлейхер из своего определения выводит необходимость того явления, что звательный падеж не имеет падежного суффикса и о таком суффиксе не может быть и речи. Факт состоит в следующем: возьмите, например, от *filius* звательный падеж *fili: s* здесь, очевидно, потеряно; это общий факт всех индоевропейских языков в единственном числе, но во множественном и двойственном числе звательный падеж совпадает с именительным и различается только значением. Отсюда видно, что говорить о невозможности в звательном падеже суффикса – непоследовательно. Шлейхер это очень хорошо знал, но допустил непоследовательность. Мы, исправляя эту ошибку, должны сказать, что в действительности, если имя (существительное в звательном падеже) остается все-таки именем, если звательный падеж имеет свою собственную функцию в предложении, то мы должны сказать, что это есть настоящий падеж, имеет ли он окончание, как [в] единственном числе, или не имеет. То же обстоятельство, что во множественном и двойственном числе он имеет одинаковое окончание с именительным, служит указанием, что и функция его одинакова с именительным.

Различие между функциями этих падежей состоит в следующем: всякое имя существительное в именительном падеже, кроме местоимения 1-го и 2-го лица, есть 3-е лицо; в большинстве случаев звательный падеж имени есть 2-е лицо; вот где и кроется различие в функции этих двух падежей.

Следовательно, можно сказать, что и именительный и звательный [падежи] бывают одинаково подлежащими с тою только разницею, что именительный падеж (кроме *я*, *ты*) есть подлежащее, согласуемое с 3-м лицом, а звательный – подлежащее 2-го лица. Нет надобности менять терминологию: кому не нравится называть звательный падеж подлежащим, – пусть и не называет. Звательный падеж стоит вне предложения и может быть рассматриваем как отдельная мысль.

Было сказано, что, если под подлежащим разуместь то, что общает имени определенную роль внутри предложения, то ясно, что звательный падеж весьма близко подходит к имени в значении подлежащего. Разница заключается только в том, что всякое имя в именительном падеже есть 3-е лицо, тогда как в звательном – 2-е.

Здесь следует еще запомнить одно обстоятельство: в народной малороссийской поэзии, а именно в думах, а также в народной поэзии болгар и сербов встречаются случаи, когда форма звательного падежа является субъектом, то есть согласуется с 3-м лицом. Например, одна сербская песня начинается так: «как у мене краљу» или малороссийская «плаче молодых козаче», а не *козак*. Один ученый профессор думает, что это не настоящий звательный падеж, а что это чисто фонетическое средство для пополнения стиха, совершенно так, как в местном падеже прилагательных мужского рода для размера встречается окончание *е*, например, «на широком польу Димовском», или 3-е лицо единственного числа в сербском – встречается *есте* вместо *есть*.

Допустивши это, можно бы подумать, что подобные случаи бывают только при строгом размере, как, например, в эпосе сербском, где на 1000 стихов не усмотрено отступления от правила, по которому должно быть 10 слогов, а цезура после 4-го, тогда как в малороссийских думах размер далеко не строгий и количество слогов не бывает определено заранее; поэтому все-таки удобным будет видеть в этом явлении признаки в самом языке синтаксического сходства между именительным и звательным падежами. Что касается вопроса о происхождении этих падежей, то он еще до сих пор может считаться нерешенным. Шлейхер, основываясь на форме звательного падежа, одинаковой почти во всех языках и представляющей лишь изменения тематической гласной в именительном, думает, что звательный падеж есть форма первообразная по отношению к именительному.

Если бы это было действительно так, то есть если бы именительный был вообще новее звательного падежа, то мы бы могли сказать, что стремление языка к уничтожению звательного падежа, как отдельной формы, есть лишь частный случай вообще за-

меченного в языке стремления к разрушению предшествовавших форм. Даже в тех говорах, где сохранена особая форма для звательного падежа, постоянно встречаются либо отклонения и замена звательного падежа именительным, либо сохранение формы звательного падежа только в некоторых словах (Боже, Господи).

Есть еще другое мнение, представителем которого является Бенфей, полагающий, что исходная точка звательного падежа лежит в именительном; он основывается при этом на сходстве форм обеих падежей во множественном и двойственном числе и на некоторых фонетических особенностях санскрита. При таком взгляде на происхождение этих падежей стремление языков заменять особую звуковую форму звательного падежа формой именительного представляет явление историческое. Впрочем, этот вопрос о первоначальном появлении того или другого падежа имеет второстепенное значение.

Возвратимся теперь к определению подлежащего. Мы сказали, что подлежащее есть особое название, означающее непосредственного производителя действия, выраженного предикатом. В этом определении заключено то, что в *говору*, равно как и в *ich spreche*, нет подлежащего, а является оно лишь тогда, когда на него падает сила речи. Выражение: «непосредственного производителя» употреблено ввиду того случая, что в предложении могут встречаться и посредственные производители действия, как при страдательном обороте речи. Вообще не следует забывать того обстоятельства, на которое мы уже не раз указывали, а именно, что язык есть известного рода выражение нашего мысленного процесса, представляющее его объективно, как бы вне нас, так что по отношению к одному и тому же содержанию может быть весьма различно; так, например, если мы отрешимся от формы выражения в следующих двух предложениях: «я написал письмо» и «письмо написано мною», то мы вправе принять их за = (конечно, по отношению к их содержанию). Но занимаясь языком, мы занимаемся самими способами выражения, и с точки зрения языка эти два предложения далеко не =: то, что в первом является главным, непосредственным производителем действия, то во втором

представляет орудие, или, что то же, производителя действия посредственного, второстепенного. Эта оговорка вовсе не излишняя, как это могло бы показаться с первого взгляда, потому что у нас даже в учебниках часто давались совершенно нелепые определения субъекта, следуя которым мы, пожалуй, и слово *мною* могли бы в вышеприведенном предложении принять за субъект.

Привыкши к употреблению известного языка, можно впасть в заблуждение, что его способы выражения суть общечеловеческие, – иллюзия, чрезвычайно распространенная и имеющая место в других сферах, кроме языка. Многие народы думают, что жить, думать, чувствовать можно только так, как они, или, по крайней мере, так лучше, чем иначе; и если какая-либо наука в состоянии указать на ошибочность такого мнения, то это именно языкознание. Оно отрезвляет наш взгляд на вещи и показывает, что пути мысли чрезвычайно разнообразны и при этом нередко одинаково хороши. Так, например, с точки зрения наших языков легко дойти до убеждения, что нет языка, где бы не было глагола, а между тем такие языки существуют. Подобное явление стоит столь далеко от нас, что без непосредственного изучения так называемых низших языков мы не можем постигнуть, как могут быть не разграничены имя и глагол.

Но нечто аналогичное этому есть и в нашем языке и может быть приведено по поводу определения субъекта. В славянских языках несомненно стремление представить источником действия *subjectum*, то есть имя, в котором признак, помнимый или забытый, относится к действующему или фиктивному комплексу признаков; но наряду с этим мы встречаем такие примеры, как *битый небитого везет*, где в роли *subjectum* является *adjectivum*.

Мы различаем прилагательные, употребляющиеся субстантивно, как *служивый*, в которых есть внутренние признаки, указывающие на то, что они действительно стали субстантивными и не нуждаются в постороннем указании на субстанцию, в которой заключен признак.

Но в указанном примере мы имеем дело не с таким субъективным, а с действительно адъективным. Следовательно, по поводу этого нам может прийти на мысль то, что субстантивность

субъекта есть стремление наших языков, находящихся в процессе усиления, потому что было время, когда *adjectivum et substantivum* не были разграничены, а на месте их находилось нечто среднее, подобное причастию.

Атрибут

Грамматический атрибут в обширном смысле есть выраженный отдельным словом признак, представляющийся находящимся в существительном. Так как признак сам может быть существительным, то в таком случае он представляется данным в главной субстанции посредственно, то есть через субстанцию. Если мы говорим, что *такой-то современник такого-то*, или *Петр житель такого-то города*, или *житель такого-то города Петр*, то разница такого определения с определяющим прилагательным заключается в том, что прилагательное относит свой признак к существительному непосредственно, а существительное посредственно, то есть через свою субстанцию. Выражением того, что признак определяющего представляется в другой субстанции, служит согласование полное с прилагательным и неполное, то есть, кроме рода, с существительным. Случаи отклонения от согласования в атрибутивном отношении, то есть отнесения определяющего к определяемому с большей или меньшей ясностью, в большей или меньшей степени сводятся на слияние определяющего или определяемого в одно слово, в один акт мысли; в некоторых случаях слияние это не достигается. В области атрибутивности различаются собственно определение и приложение, и разница между ними заключается в степени предикативности, в большем или меньшем сходстве определяющего со сказуемым. Наименьшая степень схождения, то есть наибольшая близость определения и определяемого вместе к одному слову выражается в нынешнем литературном языке прилагательным, стоящим перед существительным: например, *бледный человек* – относительно небольшая близость; *новый город* – Новгород. Но поставьте то же самое прилагательное иначе, снабдивши его дополнением или даже без него, как «человек, бледный от

волнения», то здесь мы видим, что подобного рода слияния, как *Новгород*, нет, вследствие относительно большей самостоятельности или обособленности. Отсюда заметна относительная предикативность приложения тогда, если это приложение есть причастие и поставляется после определяемого. Это те случаи, которые собственно называются придаточными определительными сокращенными предложениями: «такой-то, написавший книгу, сделал». Здесь, между прочим, говорят, что будто *написавший* произошло от *который написал*. История языка нам не только не доказывает первенства придаточного предложения, связанного с главным посредством относительного местоимения, но, напротив, указывает, что употребление причастия к настоящему времени постоянно уменьшается. Из этого можно судить, что *который написал* не потому, что здесь *который написал* заключается в том, что причастие новее аориста, но даже такое выражение, как *человек, иже написахъ*, будет все-таки новее.

В общем ходе развития языка вообще относительные частицы и все то, что служит связью в предложении, принадлежит к более позднему времени, так что по степени развития способа выражения относительными местоимениями и союзами можно судить о формальной высоте данного языка. Итак, в предложениях, в коих подлежащее снабжено определительным, в способе присоединения этих двух определительных, мы можем различать эти определения с двух точек, а именно, что определительные одинаково приближаются к сказуемому, иногда переходя в это последнее, потому что при таком переходе предложение делается простым, зависимым. И еще: согласуемость и определительность, согласуемость и предикативность так тесно связаны, что где нет согласуемости, там не найдем мы ни определительности, ни предикативности. Это направлено против того учения, по которому известные падежи, поставленные при существительном, как *список студентов* и *студентам*, относятся к определительным. Общее свойство определительности в тесном смысле, то есть как атрибутивность и аппозитивность, будет состоять в том, что и то и другое суть имена. Следовательно, и то и другое выражают признак, уже

находящийся в подлежащем без выражения энергии, свойственной только личному глаголу.

Сложный предикат

От атрибутивности перейдем теперь к сходным формам, представляющим сочетание глагола и имени для выражения отношения предикативности. Я здесь разумею случай, когда сказуемое состоит из глагола с именительным падежом, согласованным с подлежащим. Допустив, что этот именительный есть существительное, как в примере «земля есть шар», мы увидим, что совокупность признаков или грамматическая субстанция в слове *шар* относится к другой субстанции *земля* через посредство глагола *есть*. Мы могли бы отчасти передать это предложение непосредственно. Так, сказавши, что «земля – шар, сплюснутый у полюсов», мы имели бы случай приложения. Мы видим, что направляясь от оппозиции, приложение, переступившее за известный предел, если не становится сказуемым, то по крайней мере входит в его состав. Вследствие этого, имя, входящее в сказуемое в именительном падеже, есть атрибут, то есть грамматическое определение с тою только разницею, что присоединяется к своему определяемому посредством глагола, а не прямо. Глагол, который служит для присоединения атрибута к подлежащему, называется различно: одни называют его связкою, в другом случае – сказуемым; другие же во всех случаях – связкою. Те, которые называют его сказуемым, полагают, что термин *сорула* не нужен и особенно, что кажется удовлетворительным, тем, которые исходят из узкой точки зрения нашего литературного языка. Им кажется, нормальным такое отношение, когда глагол, присоединяющий атрибут, опускается, например: «бумага бела». Но они упускают из виду то, что такое опущение возможно только в настоящем времени; иные, может быть, склонны видеть нечто позднейшее в таком появлении глагола. Я держусь того мнения, по которому сказуемое в «бумага бела» – составное, и ни одна из его частей не может быть названа сказуемым.

Глагол, выражающий энергию, служит только средством соединения атрибута, почему и должен называться связкою, которою может быть всякий глагол. Например: «что ты тут за воевода отыскался»; здесь *отыскался* – сказуемое, то есть *отыскался* служит связкою подлежащего со сказуемым.

Для того, чтобы определить разницу в смысле между сказуемым простым и составным, следует брать примеры, по которым лексически составное сказуемое представляло бы большое сходство с атрибутом. Если мы скажем «бумага белеет» и «бумага бела», то какая разница между этими двумя предложениями? Я полагаю, что в том и другом случае мы должны допустить существование энергии, то есть бумага в обоих случаях делает то, что она представляется нам белою. Разница состоит в том только, [что] в «бумага белеет» мы имеем возникновение признака в силу действия, происходившего перед нами, – бумага делает так, что в настоящий момент она представляется белою. В предложении же «бумага бела» мы имеем указание на энергию подлежащего по признаку, происходящему вследствие этой энергии, возникшему до момента речи, то есть представляется возникшим за сценою сознания, подобно тому, как в древней драме убийство происходило за сценой.

Простое и сложное сказуемое

Разница между простым и составным сказуемым вполне очевидна, то есть мы ее чувствуем, и это верно, даже если бы и отдали себе отчет, в чем именно состоит эта разница. Так, в предложениях «он пишет» и «он писатель» под первым мы [должны] разуметь то же, что и во втором, но разница только в способе выражения.

В первом вся деятельность подлежащего на сцене, во втором тоже есть деятельность, но она изображена посредством опущенного глагола и следовательно, того, как *он пишет*, мы перед собою не видим. Стало быть, составное сказуемое есть комбинация, непосредственно обнаруживающейся энергии.

Обратим теперь [внимание] на разные формы составного сказуемого в различные периоды [жизни] языка. Мы имеем перед

собою период с половины XI в., говоря об истории русского и церковнославянского языков.

Если употребляется выражение «древнейший период в древних памятниках», то можно время делить поровну; например, нельзя точно сказать, когда исчезло достигательное наклонение, но можно сказать приблизительно: в памятниках XIII в.

Таким образом, можно разрешить вопрос о формах составного сказуемого в разные периоды жизни языка. Здесь можно указать на этот общий признак, что более древний период языка до XIV и XV вв. характеризуется господством начала согласования, то есть в этом периоде встречаются такие глаголы с падежами, которые в нынешнем языке не встречаются. Например: «снег белее бумаги»; древний язык не знает наречия и употребляет здесь настоящее прилагательное.

В настоящее время в разных славянских наречиях вместо именительного падежа ставится творительный и при том так, что или оба оборота являются употребительными, или так, что один из этих способов выражения вытесняется; и в большинстве случаев вытесняется именительный падеж. Например, «Я был мальчиком» чем ближе находится в древнем периоде, тем реже имеет творительный падеж.

Можно думать, что уничтожение согласования составного сказуемого тем самым есть уже разделение, разложение составного сказуемого, в результате которого с одной стороны получается глагол, а с другой – падеж или наречие. Я уже упоминал что такой глагол, который входит в составное сказуемое и служит посредником между атрибутом и подлежащим, нам необходимо называть связкою и тут можно разуместь не только *был*, *быть* и т. д., но и много других глаголов, как в латинском языке, особенно называемых глаголами *declarandi*, *nominandi*, как, например: *nominatur rex*, *vocatur rex* – все эти глаголы должны быть названы связкою. Особенно употребляется правило, не заслуживающее, впрочем, осуждения: связкою называют наиболее отвлеченные из этих глаголов.

Всякое описательное время, заключающее в себе глагол и склоняемую часть речи, то есть причастие, есть собственно

первоначальное составное сказуемое, а всякое описательное время, заключающее в себе глагол и неопределенное наклонение, первоначально состоит из глагольного первостепенного сказуемого и глагольного второстепенного сказуемого.

Где же, спрашивается, разница между описательным временем и составным сказуемым? Известно, например, что наше прошедшее *делал* состоит из *делал есть*; известно также, что в русском это *есть*, *еси* удерживается еще до сих пор, особенно во 2-м лице. Какие же признаки указывают на то, что это есть одно время? На это следует сказать, что слияние вспомогательного глагола с причастием не всегда может указывать на такое единство. Следует признать, что деятельность человеческой мысли совершается толчками, как стрелки часов. Мы постоянно встречаемся между двумя актами-мыслями, как они оба сливаются в один, неразделимый акт. Меркою такого акта служат ощущения самого говорящего.

Я указал, что граница, отделяющая составное сказуемое от времени, не всегда может быть определена и не составляет резкого скачка. Вообще, я несколько раз указывал на мысль, что в известных случаях наше затруднение, к какому грамматическому разряду отнести известное грамматическое явление, происходит не только от нашего незнания, но также и от знания. Точно также, как нельзя установить границ истории или отделить один цвет от другого, так и при образовании категорий в языке мы встречаем такие же затруднения, и трудно сказать, относятся ли они к предыдущему или последующему. Например, *далъ есть* для нас ясно, что это относительное время, но не ясно без помощи сравнительного исследования, что *дадѣхъ* и *дадѣхъ* тоже времена сложные, что в них *х* соответствует греческой *ς* в сигматическом аористе; другими словами, что *дадѣхъ* и *дадѣхъ* даже в пределах славянского языка имеют такие формы, в которых *е*, как и это *х* образуется; не подлежит сомнению, что это *е* относится к такому же глагольному корню, как и наше *есть*. Итак, эти времена заключают в себе известные формы аористические глагола *есть*. Было время, когда раздельность их не могла чувствоваться, и это

время не разом перешло в другое, а существовал последовательный переход. О том, что описательные времена образовались только из глагола и причастия, но не включают в себя имен, мы имели уже случай говорить. Связка предикативная, то есть личный глагол, служащий для присоединения именительного к подлежащему, имела при себе второстепенную связку, то есть такую, которая, не будучи полным предикатом, по своей функции соответствует глагольной связке. Я разумею причастие, при помощи которого присоединяется атрибут к подлежащему. Если мы скажем так: «человек достоин есть», то *есть* – предикативная связка. Если мы поставим это сказуемое на более низкую степень предикативности, если приблизимся к именному характеру, то получим: «человек сый достоин». Разница между таким оборотом и нашим «будучи достоин» заключается в том, что в первом господствует полное начало согласования, что это *сый* или доисторическое *буда* вполне согласуется с подлежащим, потому что это именительный падеж мужского рода единственного числа, в нашем нынешнем языке такое согласование нарушено, и такую второстепенную связку мы называем атрибутивной в отличие от предикативной. Все остальные падежи, кроме именительного и звательного, не согласуемы с другими падежами, относящимися к категории объекта, то есть говоря проще, к названию другого предмета, кроме подлежащего и кроме того, что согласуется с подлежащим.

Как известно, уже древние грамматики оставили термин в противоположность объекта субъекту: субъект объясняет название непосредственного источника энергии, выраженной сказуемым; объект же в обширном смысле есть название предмета. С той точки зрения, которой я держусь, к разряду объекта относятся и те принадлежности родительного и звательного падежей, которые в учебниках нередко оказываются определением, например, *дом отца, список книгам*.

Смешивать в одно понятие определения, с одной стороны, имени сказуемого, как *добрый человек* и *царь Кир*, с такими именами, как *царь Персии*, – ошибочно. Сделаем, между прочим, здесь еще одно замечание: в наших учебниках в области того, что мы

называем объектом, разграничиваются две вещи, а именно: обстоятельство и собственно дополнение. Говорят так, что если падежи косвенные служат для обозначения места, образа действия и времени, то это обстоятельство, если не служат – то это дополнение. Я полагаю, что, рассматривая более подробные случаи отношения к одному и другому разряду, можно прийти к тому, что между этими разрядами нельзя положить границы, и рядом бывают такие случаи, когда имя несомненно означающее время, образ действия или место должно быть отнесено к дополнению даже с точки зрения рутины. Например, возьмем старинное, до сих пор существующее выражение *текти путь* или *плыть море*. Разве этот винительный не есть в то же время означение места? Или возьмем, например, глагол, самим строением требующий известного падежа, положим, *дойти города* вместо *до города*, или возьмем глагол с предлогом, означающий удаление от чего, положим *забыть страха*. Известно, что в этом случае *страха* означает предмет, от которого совершается движение. Разве этот объект не означает места? И разве это не все равно, что *отойти города*? И почему же мы это отнесем к дополнению, а *города* к месту? Если мы будем рассматривать исторические изменения падежных значений, то есть, если мы будем стараться построить различные значения того, что мы назвали падежом, чтобы это значение вытекало друг из друга, чтобы наше построение было верно действительному значению падежей, то мы увидим, как это показывает практика, что в таком построении значения падежей нам нельзя будет удержать это разделение на обстоятельство и дополнение. Я считаю себя вправе игнорировать это разделение. Всякий косвенный падеж, не согласуемый с именем и стоящий при имени или глаголе, если он чувствуется как падеж, – есть объект, который может означать безразлично место, время и образ действия. Но этот объект может быть условлен самим значением, строением слова, как, например, когда глагол действительный требует ближайшего объекта в именительном падеже или когда страдательное сказуемое требует второстепенного действователя в творительном падеже. Например, *книга читается всеми* или в славянских языках, когда глагол

с отрицанием требует после себя родительного падежа, как *спать ночь*, но *не спать ночи*. Один из объектов условлен самим грамматическим значением тех слов, при которых он стоит, другой же относится к дополнительному слову так, что из дополняемых слов нельзя вывести падежа объекта. Одним словом, объекты могут быть ближайшими и дальнейшими.

Согласование

Нам теперь остается еще сказать о явлении согласования в области объекта. Возьмем для этого исходную точку – составное сказуемое, положим: *человек глаголется*, или *нарицается*, *творится* *есть достоинъ*, по нашему – *человек называется*, *представляется достойным*, или *есть достоин*. На место предикативной связки поставим глагол подобного значения, но требующий дополнения в винительном падеже и при этом будем стараться по возможности сохранить прежний смысл выражения, тогда мы увидим, что если, например, вместо *глаголется* поставим действительный глагол *глаголю*, то прежнее подлежащее станет объектом: *глаголю человека*, а прежний атрибут станет в том же падеже, как и дополнение: *глаголю человека достойна*. Изменим свойство сказуемого, то есть, например, из утвердительного переименуем в отрицательное: *не глаголю*, когда первое дополнение станет в родительном падеже, а второе согласуется с этим тоже в родительном: *не называю человека достойным*, а по-славянски: *не глаголю человека достойна*. Рассмотрев эти случаи, мы видим, что отношение второго из этих падежей к первому, будет ли это винительный падеж или родительный, по значению будет различно от отношения атрибута, что высказывается в нашем современном переводе: «называю человека достойным»; то же будет, если переведем форму с родительным. Такие падежи мы называем вторыми и при этом, что согласуемые с атрибутом падежи у нас все-таки будут первыми.

Обратим внимание на свойство этих падежей, высказывающееся в том, когда мы их переводим. Когда я говорю: «называю достойного человека», то этот эпитет *достойный* в *человеке*

находится уже тогда, когда я говорю, но когда я говорю: «глаголю человеку достойна», то есть в смысле ‘называю его достойным’, то это достоинство возникает в мысли одновременно с энергией, обозначаемой сказуемым. Поэтому, *достойна* – прошедшее время, а другое по отношению к атрибуту – настоящее. Такие падежи заключают в себе большую долю предикативности, чем атрибут, и это свойство выражает тем, что в древнем языке они еще более способны к развитию второстепенной предикативности, то есть способны стать формами, присоединяемыми к одному косвенному падежу при помощи второстепенных связок: «глаголю человека достойна суща». Поэтому можно написать такую пропорцию:

$$\begin{array}{ccc}
 \text{чѣкъ сый достоинь} & & \text{глаголю чѣка достойна суща} \\
 & = & \\
 \text{глаголю чѣка достойна} & & \text{глаголю чѣка достойна}
 \end{array}$$

Особенность терминологии, которой я требую, состоит в том что косвенные падежи, понимаемые как падежи, а следовательно как имена, относятся к разряду объекта или дополнения. Сюда же должно причислить и родительный принадлежности, стоящий при именах, но при этом само собой разумеется, что косвенные падежи, зависящие от других косвенных и согласуемые с ними, мы относим к разряду атрибута. Несогласуемость косвенных падежей может находиться в более тесном или свободном отношении к дополняемому. Так, глагол с отрицанием или глагол, означающий физическое или мысленное удаление, во многих случаях требуют родительного падежа, и это обстоятельство указывает, между прочим, на то, что такое наш родительный падеж, так как в санскрите есть особый падеж для выражения предмета, от которого что-либо отдалается, а в латинском языке это есть *ablativus*. Другими словами, это обстоятельство указывает на то, что в нашем родительном заключается известная доля древнего *ablativ*'а. Есть множество случаев и таких, в которых только общий контекст* речи определяет, какой падеж объекта будет определяться. Разграничивать падежи, как это делается в учебниках, смотря по

тому, означает ли он образ действия, место или время, так что одни будут относиться к дополнению, а другие к обстоятельству, нельзя по той простой причине, что ближайший объект, который обуславливается словом, при нем стоящим, будучи несомненно объектом, может означать образ, время и место.

Что же такое обстоятельство? На это ответом служит следующее: обстоятельство есть то же самое при сказуемом или определении, что при имени, то есть при подлежащем, есть атрибут. Другими словами, обстоятельство есть атрибут предиката. Для обстоятельства существует особая часть речи, а именно наречие, и все то, что есть не наречие, с этой точки зрения, обстоятельством названо быть не может. Обстоятельство есть все то, что непосредственно связано с подлежащим и дополнения иметь не может, – таково наречие. Значит, это определение есть выражение только общеизвестного явления, по которому нельзя сказать «человек хорошо», потому что это бессмыслица, но «человек хорошо пишет» – можно.

Теперь нужно взять случай из древнего языка (в новом таких мало), чтобы посмотреть, не подойдет ли под наше определение прилагательное. Вот выражение из списка Лаврентиевской летописи: «Ростиславъ бѣ добль на рать» (доблестен на войне). Название действующего предмета – *Ростиславъ*, действие – *бѣ*, составное сказуемое *бѣ мужь добль и рать*, стоящие при сказуемом – атрибуты. Обстоятельство есть слово, в котором нет вовсе начал согласования, а также нет противоположения объекта субъекту. Отсюда ясно (из того, что обстоятельство – наречие, которое стоит вне законов согласования), что наречие может стоять только при глаголе личном и прилагательном; из этого обстоятельства вытекает определение свойств неопределенного наклонения: наречие может стоять при неопределенном наклонении, например, «хорошо писать», из чего можно видеть, что неопределенное наклонение не есть существительное, а форма предикативная.

Наречие

Наречие по времени своего образования относится к разным периодам: есть более новые и более понятные, а есть более древние. Как последние произошли, мы не знаем, но имеем возможность заключить из более новых, на основании общих законов языка, хотя и нетождественных. Более новые наречия по своему образованию весьма разнообразны, но могут быть разделены на два разряда: 1) более ясные местоименные – *pronomiativa* и *depronomiativa* объясняемые из простого предложения, и 2) наречия, образуемые из сказуемых и, следовательно, сочетающие предложения между собою. Об этих последних, примыкающих к союзам, не будем говорить. Что же касается до первых, то укажем здесь на то обстоятельство, что при образовании наречия от слова атрибутивного, то есть сказуемого, внешним переходом этой согласуемой части в наречие служит нарушение согласования. Для примера можно поставить наше деепричастие. В древних памятниках церковнославянского и русского языков существование деепричастий является сомнительным настолько, что можно предполагать, что ступивши еще один шаг назад, мы вовсе его не будем иметь; другими словами – всякое деепричастие там согласуется. В наших языках мы видим, что деепричастие есть ставший неподвижным прямой падеж причастия. Это значит, что, например, именительный падеж единственного числа мужского рода – *ходя*, именительный женского рода – *ходячи*, именительный падеж множественного числа [мужского рода] – *ходяче*; одна из этих форм становится неизменной, и, следовательно, связь с подлежащим разрывается. «Мы, *ходя* по улице» – с точки зрения древнего языка была бы бессмыслица, а с нашей – создание новой грамматической категории, разрывая связь с подлежащим и относя к сказуемому. Так же точно: «мы *ходячи*».

У нас считается неправильным присоединение причастия к дательному падежу, но народные говоры употребляют это выражение: «надоело мне надокучило глядючи из окна». В древнем языке это *глядючи* должно стоять в дательном падеже. Но бывают

и такие случаи, когда такой внешности в отдельной фразе и нет. Так в литовском примере наше *охотно* выражается посредством именительного падежа мужского рода.

Кроме наречий, образуемых из согласуемых слов, есть много разрядов наречий, образовавшихся из субъекта, причем признак перехода во внешности весьма часто вовсе не высказывается. Например, общеизвестное *утром* и *вечером*, очевидно, творительные падежи; поэтому каждый раз, когда [нужно] определить, что мы имеем перед собою дополнение или обстоятельство, существительное или наречие, мы должны разыскивать, мыслим ли мы при этом известную субстанцию. Таким образом, отнесение слова к известной грамматической категории весьма сложно. Иногда переход в наречие сказывается известным фонетическим изменением, как *долой*, *домой*, которые старорусский язык знал в форме *домови*, *долови*, то есть в виде дательных падежей. Эти наречия служат наглядным доказательством того, что все они образовались из дательного падежа на **-ови**; так из *домови* образовалось *домовь*, потом *домов* и отсюда *домой* (в других русских наречиях, в которых твердое **в** невозможно).

Подобным образом, *вечера* – родительный падеж наш представляется, как объект, как существительное, однако же в белорусских и южнорусских песнях поется: «Что же тебе дома вечера нет?» причем здесь *вечера* оказывается по смыслу наречием, а в литературном языке и во многих великорусских говорах слова *вчера*, *вчерасть* уже несомненно употребляются в значении наречия, потому что опущением одного звука **е** разорвалась связь с существительным. Итак, наречия объясняются из простого предложения, так как происходят или из согласуемых частей предложения, или от несогласуемых. Признаком первого служит потеря согласования, а второго – потеря внутренней субстанциальности. Следовательно, правильный ответ на вопрос, что такое *вечером*, будет, как вы сами понимаете, в этом случае *вечером*. Наиболее трудны для объяснения наречия местоименного происхождения – *где?* *куда?* О них можно сказать, что это тоже падежи, потерявшие связь со склонением, но отыскание их весьма нелегко и есть уже

дело сравнительной грамматики языков не только славянских, но и индоевропейских.

Предлог

Скажем теперь несколько слов о предлоге.

В этом случае, как и относительно наречия, мы вправе до некоторой степени заключать от позднейших явлений, подлежащих нашему наблюдению, к явлениям древнейшим. Мы видим, что в древнейшем периоде языка падежи имен, имевших свои дополнения, стоящие в родительном падеже, большею частью теряют свою падежную функцию и свое значение имен существительных и становятся все более и более выражением падежных оттенков других имен. Примеры этого рода имеются во всяком славянском наречии. Общеизвестные примеры *меж чего* и *чем* и *около чего*. Известно, что *около* состоит из предлога **о** и падежа **коло**, которое представляет новое сокращение именной темы, имеющей суффикс **as**, который нельзя смешивать с окончанием мужского рода в литовском из тематического **a** и падежного окончания **s**. Я разумею суффикс – падежный – в таком слове, как *небесе*. Известно, что в именительном падеже тема есть **as**: небо = *nebhas*, родительный *небесе* соответствует санскритскому *nebhasas*, и вот это **коло** составляет сокращение темы **as**, потому что *коло-есе*, вместе с другим предлогом, теряет свое существенное значение и становится предлогом, то есть словом, изменяющим падежное значение имени. Но так как вообще падежные окончания в новых языках стираются, а в некоторых доходят до полного отсутствия, то такой предлог, стоящий с именем без падежного окончания, не видоизменяет, а прямо дает известное падежное значение имени. Подобным образом предлог *меж* во всех случаях предполагает имя вроде *межа* или церковнославянского *межда*, а это имя относится к корню, в древних своих разветвлениях дающее латинское *medius*, санскритское *medma* - средний. Другие славянские наречия представляют тоже незначительное количество подобных примеров. Не совсем ясно в этом отношении *ради*, имеющее при

себе синоним *дѣля* или наше *для*, но тоже служит подходящим примером. Последний предлог я упомянул здесь потому, что *для* выражает одно из значений *ради*.

Для выражения значения этих предлогов в сербском существует предлог *због*, который образовался из предлога *зь*, потерявшего свой звук, и из *бока*, следовательно, буквально значит: ‘с боку чего-нибудь’. Точно так же в польском и русском языке для выражения ‘около’ употребляется слово *о-бок*. Из подобных примеров можно заключить, что и в более отдаленное от нас время предлог образовался таким же образом, то есть из падежа, имевшего при себе другой падеж или дополнение. И действительно, в остальной части предлогов, той, объяснение которой весьма трудно, мы замечаем в некоторых случаях с положительною достоверностью падежный суффикс, но суффикс присоединен не к темам от корней объективных или качественных, то есть не к темам только, как *около*, *межь*, а к темам местоименным. Таким образом, можно думать, что наше *от* во всяком случае совершенно несомненно предполагает древнейшую славянскую форму *атас*; это *от* в его дославянской форме состоит из местоименного корня **а** и того самого суффикса **тас**, который образует некоторые [формы] с *ablativ*-ным значением удаления от чего. В санскритском и латинском языках наше *от*, следовательно, значит: по направлению от указанного местоименным корнем. Точно так же можно думать, что наше **об**, которого древняя форма есть **обь** и **оби**, которое буквально соответствует санскритскому **abi**, состоит из того же местоименного корня **а** и суффикса **bi**, образующего несколько падежных окончаний в индоевропейских языках, и в славянских, и в греческом языках, которое является в нашем творительном.

Подобного рода исчезновение вещественного значения слова, или, выражаясь иначе, стремление некоторых падежей остаться только при одном грамматическом значении, только при значении отношения без всякого постороннего, принимает два направления, смотря по тому, имело ли первое имя, из которого образовался предлог, при себе дополнение, или же не имело. Оба эти направления могут совмещаться при образовании того же самого

слова, как это мы видим в таких случаях: *сидеть подле* (без дополнения) и *сидеть подле кого, ходить около* и *ходить около чего*. В первом случае, то есть когда дополнения нет, мы из падежного окончания получаем наречие, во втором же случае получаем предлог в именном смысле. Таким образом, различие между предлогом и наречием может быть определено только по контексту речи. Следует помнить, что большая часть слов, справедливо называемых предлогами, имеет двоякое отправление, двоякую функцию, и эта двойственность обуславливается самим местом постановки: или предлог стоит после сказуемого и дополняемого слова, и в таком случае мы получим то, что называется предлогом, или же предлог стоит перед глаголом, и в таком случае его значение первоначально наречное. Здесь я разумею то, что в нынешнем языке называется предлогом слитным.

Слитность – это явление более позднее. Современные языки показывают это с большей очевидностью, как немецкий, который может отделять предлог от глагола и ставить его после; в славянских и литовском такое передвижение невозможно, но литовский и латышский сохранили способность вставлять между предлогом и глаголом возвратное местоимение, указывающее на отдельность предлога и глагола. Если я упомянул о немецком, то я хочу сказать, что постоянное место предлога в этом значении перед глаголом есть частное явление; но явление и славяно-литовское не всеобщее: мы видим, что можно сказать – *ходить около* без дополнения, но *ходить об* невозможно. (Но так было бы возможно в некоторое отдаленное время, [потому] что постоянное место предлога **об** выражалось известным глаголом в изменении формального значения слова). Предлоги как префиксы к глаголам берут свое начало от наречных значений, тогда как предлоги в смысле префиксов падежей ведут начало от значения, которое можно назвать предложным в более тесном смысле, вытекающего из употребления падежа со следующим дополнением.

Этим мы покончим обзор частей речи простого предложения. Здесь порядок изложения до некоторой степени произвольный, – так, не было бы ничего вредного для ясности изложения, если бы

после общего обзора частей речи мы говорили о падежах. Потом нужно было бы перейти к глаголам. Но можно было принять и другой порядок: начать со сказуемого простого предложения и говорить подряд о всем том, что замечается в простом предложении: лицо, число, наклонение, вид и залог.

Относительно учебных пособий для этого отдела можно указать из них на два: 1) Историческая грамматика Буслаева и 2) Сравнительная грамматика славянских языков Миклошича, ч. 4-я. Последнее сочинение во многих отношениях вполне удовлетворяет требованиям современного языкознания даже на Западе. О составных частях простого предложения трактуется во второй части моего сочинения «Из записок по русской грамматике». В настоящем году мы будем говорить, хотя не без отступлений, о простых членах предложения и потому начнем сперва со сказуемого.

Сказуемое

Повторим вкратце то, что было сказано о спряжении. Если мы, говоря о простом предложении, под глаголом разумеем полносильное сказуемое или просто *verbum finitum*, то это есть только одна из точек зрения (изменяя ее, мы получим другое понятие о глаголе, причем это понятие немного расширится). С этой точки зрения для нас каждая отдельная форма будет глаголом, потому что эта точка зрения требует, чтобы сказуемое было *verbum finitum*.

Но на одном этом удержаться нельзя. Можно усмотреть, что между формами *веду*, *ведешь* и т. д. имеется общность и не только лексическая, относящаяся к одному значению, но и формальная. Далее, если мы отвлечемся от различия в лицах, числах, временах и наклонениях, то мы получим более общее понятие о собственно глагольных формах, так что форма *веду* будет противопоставляться форме причастной. Мы скажем, что *веду* и *веди* один и тот же глагол, но скажем, что *веды* и *ведь* не глагол. Мы скажем, что все причастия отделяются в особую группу неглагольную, но имеющую связь с глаголом, потому что причастие и неопределенное наклонение могут являться сказуемыми второстепенными. Есть еще

одна точка зрения. Если мы обратим внимание на образование как времен, так и причастий, то увидим, что времена с известными причастиями имеют связь. Окажется, что *ведѣши* по способу образования и повелительное наклонение *ведѣте* и *ведете* (изъявительное наклонение) сходного образования и что разница между ними та, что в повелительном наклонении важен характер модальный, между тем как в настоящем времени его нет. Сравнительное языкознание утверждает, что причастие настоящего времени страдательное *ведомъ*, кроме суффикса, одинаково образовано с *ведѣши*, что разница между **о** и **е** есть уже явление более позднее; кроме этого, причастие настоящего времени действительное *веды*, кроме суффикса, принадлежит к одному образцу с *ведѣши*. Будет после этого вполне ясно, если мы скажем, что, если ступить немного древнее славянских языков, то во множестве случаев, где у нас является разница между **о** и **е**, мы там не встретим ни **о**, ни **е**, а будет там **а**, например, *веда*, литовское *vedamas* и славянское от *ведѣти* – основная форма *веда*.

Руководясь этим соображением, мы видим, что совокупность таких форм, как *ведѣши*, *ведѣте*, *веды* и *ведомъ*, имеют одну и ту же тему и отличаются только окончанием. Сделав это, мы можем сказать, что *ведѣши*, *ведѣти*, *веды* и *ведомъ* у нас один глагол или, все равно, одно спряжение; но другой глагол будет *ведъ*, *ведохъ*, причастие *ведень*, *вести*, потому что эти формы имеют тему в своем основании, отличную от темы *ведѣши*. Далее, если мы обратим внимание на особенность образования *imperfectum* *ведѣхъ*, то скажем, что с точки зрения единства тем это будет третий разряд. Итак, мы видим, что в первый разряд входит: настоящее время, повелительное наклонение, причастие настоящего времени действительное и страдательное, во второй: аорист 1-й и 2-й, неопределенное наклонение причастие прошедшего времени действительное и страдательное и, наконец, в третий *imperfectum*. Все они вместе составляют один глагол, но с различными темами. Но так как эти тематические формы возникли для выражения известных оттенков мысли, то можно сказать, что все эти три глагола отличаются и значением.

Мы брали в пример один глагол *веду*, но не трудно заметить, что так же построен и глагол *плету*. Мы оставим в стороне разницу корней и перейдем к разграничению числа спряжений. Возьмем, например, глагол, имеющий в корне **двиг**: 1) *двигнеши* и *двигни*, что будет первое спряжение; 2) *двигъ* и *двигохъ* – 2-е спряжение и 3) *двигнути* – это третье спряжение, причем, строго говоря, и вид **ѣ**ахъ и **двигнѣ**ахъ – будут четвертыми спряжениями. Причастие 1 лица единственного числа [от] корня **двигъ** и неопределенное наклонение *двигнѣти* мы не можем отнести к одному спряжению, если под спряжением будем понимать совокупность форм, образованных от одной темы. И вот Шлейхер с этой точки находит, что ближе к сущности дела было бы говорить не о спряжении, а о темах настоящего времени, неопределенного наклонения, аориста и т. д., а не о глагольных разрядах. Такая точка зрения наиболее правильная, особенно для древнего периода индоевропейских языков, когда различные темы не представляют между собою ничего общего в грамматическом отношении. Но этого мы не можем сказать по отношению к настоящему времени. Темы, первоначально связанные единством корня, а иногда и сходством лексического значения корней, с течением времени входят в более тесные сочетания. Такие сочетания составляют правило; например, если мы скажем *ведеши*, *веду*, то сейчас же вспомним *вести*, но по форме *ведеши* не сразу вспомним *водити*, *вождати* и *водети*. Конечно, *ведеши*, *водиши*, *вождаеши* находятся в известной связи, но связь между *ведеши* и *вести* более тесная, потому что основывается на том, что известная совокупность различных тем связана единством грамматического значения.

В настоящее время правильными сочетаниями называются такие, как *водѣти*, *водиши*, *вести* и *ведеши*; но совершенно наоборот **ѣ**ѣмь, неопределенное наклонение **ѣ**ѣдѣти. Последние сочетания могут быть или передаваемы членом появляющегося рода, или последним исчезающего. Такие сочетания являются неправильными, и подобные исключения мы называем разноспрягаемыми. С указанной точки зрения одним глаголом мы называем такое сочетание двух или нескольких тем, в котором сила отдельного

сцепления отдельных глаголов более силы тяготения слова к другим сочетаниям этого рода. Одна тема *ведеши*, а другая *вести*.

Более широкая точка зрения есть та, которая представляет совокупность глагольных форм, образованных от глагольных форм. Более широкая точка есть та, где замечается ассоциация таких разнообразных форм, представляемых одним глаголом, с одной стороны – *двигнеши*, *двигни*, с другой – *двигь* и *движенъ* и с третьей – *двигнѣти* – форма вполне различная. Связью такой ассоциации служит, во-первых, лексическое значение; но этого недостаточно, а, во-вторых, несмотря на разнообразие своего грамматического значения, такие ассоциации представляют для нас нечто общее в русском и славянском языках.

Очевидно, что *ведеши* и *вести* связано единством вида, то есть степенью длительности и несовершенности. В степени длительности между *ведеши* и *вести* существует более связи, чем между остальными, как *водити*. И для того, чтобы определить спряжение глагола, нужно указать на характерные формы безразлично от корня. Части, составляющие одно сочетание, продолжают влиять друг на друга частью так, что отдельное, отменное значение переходит с одной формы на другую, частью же таким образом, что происходит звуковое уподобление. Как на пример уподобления значения, я укажу на следующий: собственный оттенок будущего времени в форме настоящего свойствен глаголам совершенного вида – это явление, можно думать, было приурочено только настоящему времени, но теперь общий факт тот, что если глагол в настоящем времени имеет значение будущего, то и все остальные формы имеют вид совершенный. Аналогии сходства между формами, составляющими одно спряжение, могут увеличиваться, и есть явления, которые не могут быть иначе объяснены, как стремлением в образовании упомянутых форм глагола установить видимое общее правило; например, совершенно правильно то, что в древнерусском имеются формы *пловеши* при неопределенном наклонении *плути*.

Не следует думать, что разделение всех русских глаголов на два спряжения, как это делает большинство наших учебников, имеет преимущество перед другими, более сложными; это разде-

ление, напротив, соединяет в один разряд самые разнообразные явления с одной стороны и с другой – весьма новые и сложные. Со времени Боппа (1-й четверти нынешнего столетия) признано, что черты деления глаголов общи всем [индоевропейским] языкам и что деление славянских и литовских глаголов совпадает с делением санскритских. К санскритскому мы обращаемся только потому, что он дошел до нас в весьма древних памятниках, от чего в нем представляется более ясным то, что в новых языках стерто или спутано. Например, латинское **emar** – здесь звук **a** кажется простой, но он состоит в самом деле из двух гласных **ai**. По отношению к литовскому наше **дѣлаеши** было бы более архаично вследствие того, что процесс, по которому из **aja** образовалось **a**, слишком сложен. Так, иногда встречается форма **дѣлаишь**. Обращаясь на этом основании к делению санскритских глаголов, мы замечаем, что они за много столетий до начала изучения языков в Европе совершенно правильно были разделены на 10 разрядов по строению темы 4-х форм: настоящего времени, *potentialis*, повелительного наклонения и прошедшего времени. Эти формы называются специальными, то есть они в 10-и разрядах различаются; остальные же формы, входящие в спряжение, называются общими, потому что в 9-и из этих 10-и разрядов они имеют в основании чистый корень, а не тему, и только в 10-м имеют классный характер, отличный от характера специальных форм.

Таким образом, спряжение каждого санскритского глагола основывается не менее, как на двух темах. Эта двойственность формы проходит через все индоевропейские языки. Славянские глаголы в большинстве случаев представляют различие темы настоящего времени, которая есть тема настоящего времени действительного причастия мужского рода, повелительного наклонения, и второй темы, которую назовем темою неопределенной; она лежит в основе неопределенного наклонения, аориста, причастия прошедшего времени действительного и страдательного, и отчасти переходящего. Если мы назовем тему настоящего времени первую, а неопределенного наклонения вторую, то это будет совсем произвольно.

Итак, через все славянские глаголы проходит разница между темами настоящего времени и неопределенного наклонения; в этом они сходны с санскритом, но есть и разница, состоящая в том, что небольшая часть славянских глаголов имеет тему неопределенного наклонения, совпадающую с корнем, а большая часть имеет в неопределенном наклонении прибавку одного или двух слогов. Есть основание думать, что такая разница, то есть удлинение темы неопределенного наклонения, есть явление позднейшее, и мы видим, что настоящее время в глаголе *кличу, орю, лаю* в славянском языке буквально совпадает с литовскими глаголами *klykiu, agiu* и что такое совпадение существует и со санскритскими глаголами, но неопределенное наклонение имеет в славянском языке после корня *а* – *кликати*, вот эту-то прибавку мы рассматриваем как явление позднее, потому что в литовском нет ничего подобного.

В силу этого обстоятельства, то есть что известные слоги, характеризующие неопределенное наклонение, оказываются более поздними, чем звуки, за главное основание примем признаки, общие славянскому, литовскому и санскриту, в связи с другими языками, а за основание подразделения славянских глаголов принять нужно то, что специально свойственно этим глаголам. Таким образом, мы получаем известный разряд, установленный на различии тем настоящего времени, а внутри этого разряда большое число других разрядов.

Мы остановились прошлый раз на том, что прежде рассмотрения единиц высшего разряда непременно нужно рассмотреть единицы низшие, из которых образуются первые. Эти низшие единицы мы можем назвать глагольными разрядами или спряжениями в тесном смысле. Основное начало разделения на спряжения есть различие не менее как двух тем в глаголе. Главным основанием деления служит характер первой темы или иначе темы настоящего времени. Приняв все это в соображение, мы можем установить следующие разряды.

Глагольные разряды

I. Окончания личные и причастные примыкают непосредственно к корню, следовательно, тема совпадает с корнем. Корень может быть простой или же может представлять в теме настоящего времени остатки удвоения (*дамь* – *дадь* – *дадамь*). Тема неопределенного наклонения есть чистый корень *да-ти*. Итак, в первом разряде два образца: *ямь* и *дадь*.

II. Основной характер темы настоящего времени с наибольшей ясностью в лицах настоящего времени, кроме 1-го единственного и 3-го множественного числа. Так, *ведешь* (**ши** из **си**, как в *даси*). Условием появления **еши** вместо **еси** есть гласность предыдущего **е**.

В *веду(ть)* русское **у** предполагает славянское **ж**. Ввиду весьма вероятного мнения, что это **у** произносится как **ан** и что окончание настоящего времени **ми** образовалось из **ами** (*ведж*, *ведами*), можно думать, что это **и** исчезло, и стоящее в конце **ам** стало изображаться через **ж**. Это нужно нам для того, чтобы понять то положение, что основной характер 2-го разряда есть тематическое **а**, которое теперь перешло в **е**, но оставило следы в **ж**.

Второй разряд можно подразделить на две части: тема неопределенного наклонения без характера (*вести*). Затем более дробное деление по последней согласной корня – губной, гортанной и зубной. В *пешти* **шт** может быть объяснено формой **пек**. Следует также обратить внимание на глаголы, конечная гласная которых соединяется с **н** или **м**. Перед согласною коренная гласная с **н** или **м** образует юс. Так из *дѣат* образуется русское *дѣм-ти* = *дѣ-ти*, но в настоящем времени *дѣмеши*. Неправильно было бы сказать, что **ѣм** обращается в **ж** или наоборот; то и другое образовалось под влиянием разных условий из одного гласного звука с носовыми **м** или **н**. Сюда же принадлежат случаи с корнями на **р**, как *търети* (по образцу *жънети*).

Видимая звуковая разница между *жѣти* и *трѣти* не должна нас смущать; **ѣ** принадлежит корню, и **трѣ** есть сочетание корня с суффиксом. Верным признаком для отличия таких глаголов без характерной гласной служит сопоставление их с русскими. Так,

горѣти совершенно одинаково с русским *гореть*, а *трѣти* – *тереть*, малорусское *терти*. Отсюда видно, что **ѣ** принадлежит корню. К тому же отделу относятся глаголы с корнем **у**. В санскритском языке глаголы соответствующего класса, как выражаются, усиливают коренную гласную **u** в **au**, а **i** в **ai**. Что действительно из **u** образуется **au**, на это указывает чешское *gaucho* (*tube*), образованное из *gouchō*, а это последнее из *guchō*. В славянском языке это усиление гласных выражается в звуке **ов**: *плоути*, но *пловеши*. Тема неопределенного наклонения состоит из корня с прибавкою **а**, которое мы называем характерною гласною: *рвети*, *рвати*, *берети*, *брати* (из *брати*).

III. Мы видели выше, что в *ведж* можно видеть первоначальное *ведаши* с основным **а**, изменившимся в **е** (*ведеши*). В 3-м разряде является не **а**, а **ја** и не **е**, а **је**. Образцы этого разряда разделяются на две части: 1) тема неопределенного наклонения для характера **а**; 2) тема неопределенного с характером **а**. Образцы: 1) *колеши* (собственно *колѣши*), но йотация в *је* сказывается в небности предшествующего **л**, что мы изображаем так: *колѣши*; неопределенное *клати* (русское *колоти*). Русские полногласные формы **оро**, **оло**, **ере**, **еле** предполагают дославянские формы с **ар**, **ал**, **ер**, **ел** перед согласною, как в литовском *калти*=*клати*. Образцы второго подразделения – *куѣши*, неопределенное наклонение *ковати*. Если конечная согласная корня принадлежит к числу тех, которые под влиянием темы получают особые формы, то она изменяется и здесь: *писати*, *пишеши*; конечное **д** переходит в **жд** или русское **ж**, например, *страждеши* (русское *стражеши*), конечное **т** переходит в **шт**, например, *мештеши* (русское *мечеши*).

Если конечная согласная губная, то является небное **л**: *колеблети*, *зыблети*, *треплети*. Во всех этих случаях в неопределенных наклонениях является характерное **а** – *колебати*, *писати*. Если корень оканчивается на гласную, как *сѣкиши*, то в неопределенном наклонении является не **а**, а **ѣ** для избежания hiatus, который тщательно избегается во всех случаях после известного склонения прилагательных. Иногда во 2-ой теме перед характерною гласною является не *jota*, а **в**, например, *давати* (да–**в**–ти).

IV. Четвертый разряд характеризуется присутствием в теме настоящего времени 2-го лица **не**; здесь подразделения те же: 1) в теме неопределенного наклонения нет характерного слога – *стану, станешии*, но *стати*; 2) глаголы, в которых неопределенное наклонение имеет **нж**, но аорист и формы, связанные с ним, характера не имеют – *сохну, сохнѣти*, но аорист *сыхохъ, сѣхль*; 3) во всех формах без исключения имеется характерное **н**, в настоящем времени **не**, в неопределенном наклонении **нж**. Те же самые глаголы, которые служили образцами предыдущего разбора, могут служить и образцами этого; например, *двигну, двигнешии, двигѣ, двигохъ*, но встречается также *двигнѣль*.

V. Пятый глагольный разряд включает в себе подразделения более отличные друг от друга, так что он сам мог бы распадаться на 4 разряда; но глаголы эти имеют общим то, что до славянского периода характеризуются присутствием **аја**. Смотря по тому, к чему оно присоединяется, из этого **аја** возникает не менее трех форм темы настоящего времени. Все эти разряды характеризуются тем, что и в теме неопределенного наклонения не имеют темы, равной корню, то есть здесь после корня стоит гласная. В каком порядке нужно излагать эти подразделения, это может представить затруднение; да и вообще здесь порядок может быть произвольным. Во-первых, в первых двух разделах в этимологическом отношении характерно то, что они, если заключают в себе некоторые отыменные глаголы, то в непреобладающем количестве, то есть характерно то, что эти глаголы нельзя назвать отыменными. Сюда относятся глаголы с характером **и** в теме настоящего времени и **ѣ** в теме неопределенного наклонения, например, *горѣшии, горѣти*. Видоизменение этого разряда под условием присутствия **і** перед характером неопределенного наклонения состоит в том, что **ѣ** после **і** является в виде **я**, поэтому в грамматическом отношении все равно *горѣти* и *стояти*.

Известно, что повелительное наклонение глагола **бѣгати** имеет **і**, но когда стоит **і**, то имеет **я**.

Относительно **і** в теме настоящего времени должно заметить и можно считать уже общепризнанным, что это **і** было долгим,

стало быть, во 2-м лице – *горишиши* нами обнаруживается возможность и постепенность образования этого *горишиши* из формы, которая позже 2-го слога с *гориеши*, а это предполагает **aja**. Есть сравнения, которые подтверждают высказанное нами. Например, обратим внимание, что *бояться* без **ся** не употребляется; это можно объяснить таким образом: корень здесь **бой**; если **пой** в **поити** предполагает **пи**, то **бой** должно предполагать **би**; в слав[янских языках] этого мы не имеем, но в санскритите *bhṛī*, и это глагол средний.

Это и есть корень, служащий для образования глаголов причинных, то есть делать так, что кто-нибудь другой производит или испытывает действие, оказанное первоначально действием формы **бой**, указывающее на аналогию с **пой**; следовательно, *бояться* соответствует санскритскому *bhatami*, то есть делаю так, что кто-нибудь боится. А следовательно, оно должно быть непременно с **ся**. Такое сравнение показывает совершенное тождество корня славянского и санскритского и указывает, что санскритское **aja** соответствует нашему **и** в *боиши*. Я должен заметить, что такой пример – *бояти* в разделе *горишиши* составляет исключение; таких глаголов не много.

2-е подразделение характеризуется тем, что и тема настоящего времени и тема неопределенного наклонения, по-видимому, имеет один и тот же характер **i**. Например, *любииши* здесь **i** долгое, но было ли оно долгое в неопределенном наклонении, это еще вопрос. Почему здесь вышло **i**, а не **ѣ**, как в *горѣти*? В этом разделе так много причинных глаголов, как *вѣсити*, *гоити*, *благословити*, хотя многие из них и не *causativa*, но имеющие все-таки много общего, что формальное тождество этих классов с санскритскими на **aja** никем не было заподозрено.

Итак, два первые подразделения этого разряда поименованы. Два другие характеризуются тем, что они или почти все отыменные или заключают в себе большую характеристическую для класса отыменность. Третий разряд характеризуется в теме настоящего времени присоединением двух слогов **ѣе** – *бѣлѣеши* и **ѣ** в неопределенном наклонении *бѣлѣти*. Если перед этим **ѣ** стоит **i**, то входящее сочетание с предыдущею согласною **ѣ** изменяет в **a**.

Из этих примеров видно происхождение этих глаголов: *бѣлѣши* предполагает *бѣль*, и вообще все глаголы эти обозначают переход в состояние, выраженное первоначальным именем или нахождение в этом состоянии. Эти отыменные глаголы характера *ѣе*, может быть, дают возможность объяснить и присутствие самого *ѣ* в характере имени.

Такие имена, как *бѣль*, принадлежат по образованию к теме *а*, такие глаголы, как *бѣлѣши* могли возникнуть в то время, когда нашего окончания не было и *ь* обозначал *s* и *a*.

До сих пор всем главным разрядам славянского глагола мы находили соответствие в санскрите, но VI разряд не находит в нем ничего соответствующего, однако, можно думать, что он представляет сходство в образовании с греческими глаголами на ... *δουλεύω*, и в литовском также находим соответствие. Этот разряд характеризуется тем, что в теме настоящего времени основа *уе*, а в неопределенном наклонении *ова*. Если этому характеру предшествует небная согласная, то получаем *ѣе* и *ева*; например, *купуу*, *куповати*, *воюу*, *воюеши*, *воевати*. В литовском соответствующие глаголы с темою в настоящем времени *auju*: *koriauju* и в неопределенном наклонении *koriauti*. Может быть, наше *ова* представляет сложность темы *ов* + *а*. Глаголы этого разряда бывают частью отыменные, частью отглагольные.

Перечисленные разряды в общем, кроме разноспрягаемых и частных, обнимают все глаголы, встречающиеся в славянском языке, но для других наречий, особенно для великорусских, польских и сербских, нужно представить еще один разряд. Это глаголы, имеющие такую же тему настоящего времени – *уе*, а в неопределенном наклонении *ыва*; а если предшествует мягкая согласная, то *ива* в сербском *podpisujem*, но *podpisivati*, по-польски *podpisuje*, а в неопределенном наклонении *podpisywać*.

Можно предполагать, что это было и в русском языке. Мы знаем, что малорусские говоры в этом крупном делении остаются все на предыдущей ступени, то есть знают только глаголы на *уе* и *ова*.

Когда мы имеем дело со случаями обыкновенной генеалогии человеческой, тогда мы не можем распределять особей так, что-

бы последующие относились к предыдущим, как сын и дочь, а предыдущие к последующим, как мать и отец. Такого рода последовательности в распределении глаголов мы ожидать не можем, но можно поместить более старые разряды сначала, а более новые после.

Мы видим, что в славянском языке есть глаголы, единственные в своем роде, например, *дамь*, где к удвоенному корню приставляется окончание; других глаголов в одном классе несколько, третьих несколько десятков, а других несколько сотен. Такое неравномерное распределение вполне согласно с тем, что всякий новый язык потерял возможность образовывать такие глаголы, как *дам*, *несу*, *мелю*, так что разряды тоже убавляются, но не пополняются, между тем как другие разряды, как **ыва**, **ова**, **ива**, **аја**, многочисленны, потому что они открыты для новых образований и, скажем, что в том числе и от слов иностранных; каждый знает большее или меньшее количество иностранных слов. Так, от немецкого *schicken*, взятого из французского, вышло в русском языке *шиковать*. Сюда принадлежит большое количество слов, которые во французском языке оканчиваются на **ier**, а в немецком – на **ieren**, а оттуда перешли в русский с прибавлением слога **ова**: *анатомировать*.

Нельзя поставить пределы пополнения этого класса. То же пополнение идет уже в продолжении многих столетий. Если бы считать, сколько находится глаголов в одном классе, то можно было бы сказать, что классы, в которых глаголов больше, принадлежат к новейшим временам. Есть и другого рода соображения, и именно здесь важную роль играет сравнение с санскритом, как более древним, чем славянский. В классическом санскрите таких глаголов, как **вѣдь**, *vedmi* насчитывается около 70; а в славянском 4 или 5: **вѣдь**, *ямь*, *есмь*, **сѣти** и **обрѣти**. Мы говорим, что осталось 4 или 5 от прежнего большого количества; в новорусском таких глаголов мы имеем только два: **ѣдь** и *есмь*.

В санскрите есть особые 4 разряда, характеризующиеся тем, что в теме настоящего времени присоединенный к корню характерный слог заключает **н**, или **на**, или **ну** в русском видоизменении.

Некоторые из этих разрядов переносят это **на** во внутрь корня, например ..., греческое *δαίω*, санскритское *crīd*, к нему присоединяется **на**: *crīnadmī*; если же ударение переносится на окончание, то из **на** остается **н**, из *crīnadmī* выходит *crīndmas*, соответствующее латинскому Есть много глаголов и в индоевропейских языках, которые **н** переставляют внутрь корня. Все равно, будет ли стоять **на** внутри корня или снаружи, как *tonamī*, *tendo*, есть значительная часть глаголов, которые соединяются с окончанием непосредственно.

В славянских языках таких глаголов нет, но много глаголов основаны на таких глаголах, то есть имеющих внутри корня и сверх того еще другой глагольный характер; так, например, от корня *lip* у нас произошло *липну* – *липнеши*. Казалось бы, что **ши** присоединено к **на**, но оказывается, что оно уподоблено *ведеши*, то есть *лип-н-еши* (два глагольных **н** и **е** характера). Более явственно это сказывается в корне *сѣд* – *сѣду*, причем несомненно, что это **ѣ** было глагольным характером, но перестало им быть, потому что 2-е лицо *сѣдеши* соответствует *ведеши*, а не *сѣси*. Подобных санскритским глаголам с характером **н** в славянских языках нет, а только остались, так сказать, потомки в таких глаголах, как *несеши*, и если к ним присоединить еще такие глаголы, как *біеши*, то в славянском их окажется не более 100, а в санскритском до двух разрядов: в первом приблизительно 140, и во втором 1000; зато санскритским глаголам с **аја** в славянском языке соответствует 4 разряда, которые весьма многочисленны, а между тем таких глаголов, как на **ова** (торговати), в санскрите вовсе нет. Таким образом, в распределении глаголов есть возможность отделить более новые от более старых; но однако, если бы кто мог из этого заключить что можно разделить глаголы первообразные и производные, то это было бы ошибочно.

Первообразность и производность могут быть относительными. Ни один глагол не может быть назван вполне первообразным уже потому, что в языке он появился уже, может быть, после многих тысяч лет. Шлейхер в своем сочинении делит славянские глаголы на бессвязочные – первообразные – все, кроме глаголов,

соответствующих санскритским на **-аја**, и кроме глаголов на **ова** и **ева**, и на производные, к которым относятся эти последние. Потом через несколько лет он говорит, что внешний вид производного глагола тот, что в глаголе личные и модальные окончания не присоединяются прямо к корню, а между ними является элемент, не принадлежащий ни корню, но окончанию. Если такой элемент появляется только в одной форме настоящего времени, например, *стану*, то это признак непроизводности!! По моему мнению, пользы от такого деления не будет, потому что можно доказать, что и такой глагол предполагает более древнюю форму и более простое строение. Например, *двигну*, аорист *двигохъ*, следовательно, корень без характера, а поэтому мы должны были бы отнести его к первообразным; *подвигнути* предполагает более древнюю форму *двигти*. Теперь возьмем такой глагол в неопределенном наклонении, как *дѣть*, при котором мы ставим настоящее время *дѣну*, в древнерусском *дѣжу*, в славянском *дѣжду*. В этом настоящем времени находим удвоение *дѣ*, как *дамь*, но здесь предполагается корень **dha**, вследствие чего мы имеем удвоение и **i**, влияющее на **d**; эти глаголы первообразные, но относительно, потому что корень **dha** в санскрите спрягается, как **da** в глаголе *дать*. Там нет **i**, а у нас есть, следовательно, этот глагол производный. В греческом делении глаголов на **ω** и **μ** первое соответствует **ж**, а второе **мь**. Такое деление для нас бесполезно, но следует обратить внимание, что специально для славянского языка оно представляет неудобства, потому что в разных славянских наречиях окончание **м** перешло и в другие разряды. Кроме перечисленных уже глаголов, в славянском языке на **м** один глагол *имамь*, *имаши*, а в русском, кроме этого *имать*, вовсе нет таких глаголов. Например, в болгарском такое окончание распространено на глаголы **aja** и **aje** – *dievam* и *crījem*. В польском приблизительно сходно, имеется на **aje**, причем некоторые думают, что это остаток старины, но против этого делают возражение и приводят примеры в памятниках более поздних XII и XIII вв.

Покончивши с этим отделом, мы перейдем теперь к вопросам синтаксическим, то есть рассмотрим значение форм глаголов и

прежде всего степени длительности, совершенности и несовершенности.

Об общих свойствах простого сказуемого

Под сказуемым мы можем разуметь или полносильный глагол *verbum finitum* или причастные формы – неопределенные, достигательное и причастие. Мы здесь будем говорить о таких свойствах сказуемого, которые не зависят от его возможной сложности. При рассмотрении этого отдела на первом плане стоят виды. Всякий, правильно говорящий по-русски, совершенно правильно употребляет глагольные формы для выражения степеней совершенности и несовершенности. Грамматисты с XVII в., начиная с Юрия Крижанича, хорватского священника, прибывшего в Россию при Алексее Михайловиче, передают виды верно, так что отдельные категории их ясны, но удивительно то, что еще до сих пор не пришлось никому разобрать глаголы так по видам, чтобы деление логически было правильно. Одним из образцов такого деления, то есть не вполне удовлетворительного, служит Павский в своем сочинении «Филологические наблюдения над составом русского языка». Он делит виды следующим образом: во-первых, по отношению ко времени действия и явления; здесь следующие подразделения: а) мгновенные, как *мелькнуть*, в) продолжительно-неопределенные, как *мелькать*, с) продолжительно-дальние, как *читывать*, d) продолжительно-прерывистые, как *почитывать*, е) начинательные, как *сохнуть* и f) окончательно-решительные, как *кончить*, *уйти*; во-вторых, по отношению к пространству; здесь подразделения следующие: а) однообразные, как *лететь*, когда действие совершается по одному направлению или совершается в один прием; в) разнообразные-неопределенные, когда действие принимает разные направления, как *летать*; с) разнообразно-дальние, когда разные действия происходят вдали, как *хаживать*.

С первого же взгляда в этом делении бросается в глаза его двойственность. Сам Павский говорит, что тесная связь между

временем и пространством служит к тому, что нередко тем же самым признаком отличается и время и пространство. Во многих случаях только посредством наречия можно отличить время от пространства: если к глаголу приложить «и тогда», то это говорится о времени, если же «и там и сям», то о пространстве. Таким образом, замечая сказанное, мы находим деление по времени и пространству лишним, ибо ко всякому из подразделений по времени можно приложить наречие места, как читать – где?, мелькать – здесь и там, и, наоборот, ко всякому из подразделений по пространству можно приложить наречие времени: *хаживал, читывал* значат одно и то же независимо от корней. То, что в значении глагольного характера может быть принято за выражение отношения к пространству, то зависит или от значения корня, или от значения наречия, а сам по себе глагольный характер по отношению к видам или степеням может означать большую или меньшую общирность времени. Таким образом можно упростить это деление, отбросив 2-ю половину, но, в свою очередь, и в этом упрощенном делении можно найти лишнее. Надо заметить, что к сказанному о глаголах начинательных Павский прибавляет: «глагольные породы **к** (а в нашем делении **к**е – **к**) означают не только переход к известному состоянию, но пребывание в нем, почему не всегда их справедливо называть начинательными; сюда относятся: *глазеть, пламенеть, коснеть, гореть*; хотя не похожи на начинательные, тем не менее многие из глаголов этой породы сходны по значению с глаголами на **н**: *сохнуть* означает часто не только переход, но и пребывание». Но в конце концов, с точки зрения Павского, к примерам начинательных глаголов должны прибавиться еще такие глаголы, как *желтеть*. Замечательно, что Павский не умеет справиться по отношению к глаголам начинательным: в сопоставлении глаголов окончательных или решительных – мгновенным, продолжительным и начинательным. Павский повторяет ту же самую ошибку, которая замечается и у его предшественников: он не может достигнуть согласия с правилом, по которому члены деления исключают друг друга. В первом и пятом делениях глаголы, по Павскому, не должны быть совершенными, но они все-таки

могут стать ими: *замелькать*, точно также и глаголы начинательные: *сохнуть*, *засохнуть*, *белеть*, *побелеть*. Таким образом, правило для логического деления, хотя, по-видимому, элементарное, на деле оказывается не совсем легким. Деление Павского, по вышеразобранному, оказывается неправильным с логической стороны, ибо глаголы окончательные и решительные могут быть и мгновенными, и продолжительными, и начинательными. Во-вторых, рядом с этим мы здесь находим два разряда: продолжительные и дальние, как *читывать*, и глаголы продолжительно-прерывистые, как *почитывать*; разница между ними, следовательно, должна заключаться в присутствии предлога **по**, но глагольные характеры одинаковы; если брать во внимание оттенки, сообщаемые глаголу предлогом, то тогда мы должны усложнить деление. Хотя предлоги и их влияние на оттенки и должны обращать на себя внимание, но оно необходимо и для глагольного характера.

Вопрос усложнится, если мы будем иметь в виду не только степень продолжительности, но еще и такие оттенки, как начинательность. Начинательные глаголы могут стать не только совершенными, но могут изменять даже степень длительности: *слабеть*, но *ослабевать* – глагол большей степени длительности, *сохнуть* – *засыхать*, в этом последнем оттенок начинательности также остается. Таким образом, начинательные глаголы заключают в себе не только совершенность и несовершенность, но и степени длительности. Принято считать общим и более древним то, что не указывает на заимствования, но встречается и в смежных языках. То, что называется длительностью и совершенностью, встречается только в славянских языках, между тем как глаголы начинательные, как *сохнуть*, с тем же самым характером и с тем же значением в литовском и латышском языках; стало быть они древнее видов. Следовательно, начинательные глаголы не есть виды, а особая форма, которая древнее видов. Если так, то сделаем два разделения: одно для более древнего периода языка, где мы поместим начинательные глаголы, а другое для нового времени, где начинательные глаголы будем рассматривать со стороны их длительности.

Возвратимся к тому, о чем мы говорили прошлую лекцию, то есть к неправильностям деления Павского, неправильностям, которые типичны, так как повторяются у других исследователей этого вопроса и главная причина которых заключается в недостатке наблюдения. Между прочим нами было замечено неудачное сопоставление в делении Павского глаголов начинательных с глаголами различной степени длительности и глаголами совершенности. Дело в том, что начинательные глаголы обоих разрядов (характера **н** и **ѣе – ѣ**) относятся по своему происхождению ко времени дославянскому, в чем убеждает нас простое сравнение.

Так, с одной стороны, не подлежит сомнению, что значительное число литовских глаголов начинательных с характером **н** в корне буквально равно глаголам славянским с тем же значением и характером вне корня; славянское *никну* (возникаю, расту)* буквально соответствует литовскому *pinku*. Должно при этом обратить внимание на то, что это характерное **н** в литовских глаголах является только в первой теме (настоящее время), так что неопределенное наклонение от того же *pinku* звучит *picī*, что соответствует сербскому *nić* и славянскому *ничу* (ништи). Другой пример: славянский глагол *възбнѣти*, начинательности которого мы в настоящем времени не чувствуем вследствие влияния предлога, хотя в древнейших наслоениях языка предлог влияния на совершенность глагола не оказывал. Этот глагол, повторяю, находит себе соответствие в литовском *bundū* ‘просыпаться’, неопределенное наклонение *būsti*. Что касается до разряда **ѣе** и **ѣ**, то мы уже упоминали о его соответствии с санскритскими отыменными глаголами на **aja**, как *golajati* – водянее от *gola* – вода, *nilajati* – чернее от *nila* – черный.

Если все это так и если, с другой стороны, то, что мы называем видами, есть, как мы постараемся доказать, специальная особенность славянских языков и составляет более позднее явление, то очевидно, что поставление в один ряд глаголов мгновенных и продолжительных с начинательными есть не только ошибка логическая, но и анахронизм.

Приняв это, мы поймем, что начинательные глаголы, продолжая оставаться таковыми, то есть не теряя своего значения начи-

нательности, могут участвовать во всех степенях длительности, как *сохнуть*, *засохнуть*, *засыхать*, *слабеть*, *ослабеть*, *ослабевать*. Другими словами, начинательность есть низший слой, покрывшийся с течением времени другими слоями, более поздними, которые его видоизменили, но самой его сущности не тронули. Далее, приводить начинательные глаголы в качестве самостоятельного члена деления, как это делает Павский, нельзя еще и потому, что они не стоят теперь особо и имеют при себе, как *pekdot* (противень), глаголы, которые означают уже не переход в известное состояние, но и пребывание в нем. Это явление мало обращало на себя внимание исследователей, а между тем несомненно, что и в славянских языках и в более древнем литовском такие глаголы, как *виснути* (переходить в состояние висения), неполны, если не добавить к ним таких, как *висѣти*. Так, при *вѣзнути* есть старинная форма *вѣдѣти*, то есть пребывать в состоянии пленника; при *сипнуть* – *сипеть*, при *хрипнуть* – *хрипеть*, при *вернуть* – *вертеть* etc. Конечно, отыскивая эти пары, нельзя ограничиваться одним говором, каков наш литературный язык, и наречием, а нужно собирать их отовсюду. Итак, по какому же праву стали бы мы теперь как самостоятельный член деления приводить глаголы начинательные и ни одним словом не упоминать о глаголах, означающих пребывание в том состоянии, переход в которое означается глаголами начинательными? Это был бы большой пропуск.

Следует прибавить, что сам Павский свое сложное деление упростил и свел его к 3-м степеням; но и это сведение не может быть названо вполне удачным. Так, он говорит, что все классы глаголов в сущности сводятся к трем: а) мгновенные – *мелькнуть*, в) продолжительно-неопределенные – *мелькать* и с) продолжительно-дальние – *читывать*. Но разве все глаголы совершенные суть мгновенные? Очевидно, что нет, а между тем для них нет места в этом упрощенном делении. Сведя все сказанное к немногим словам, мы можем сказать, что вообще логическая правильность деления находится в зависимости от количества данных, получаемых при наблюдении, и при случайном пробеле в таких данных непоследовательность выводов весьма естественна.

Степени длительности

Перейдем теперь к рассмотрению степеней длительности в славянских глаголах. История глагольного характера с внешней стороны, то есть со стороны звуков, состоит, между прочим, в его постепенном усложнении. Если принять, например, за первообразную форму глагол *нести*, на что дает нам право сравнительно простой вид, малочисленность ее разряда и то обстоятельство, что он вновь не пополняется, то следующая степень в развитии характера этого глагола будет *носити*, где уже видим изменение коренной гласной и присоединение характерного **и**; затем следует форма *ношати* с новым изменением коренной гласной и присоединением характера **а**, причем предшествовавшее ему **и** ослабилось в **ј** и повлияло на изменение **с** в **ш**; еще далее мы видим форму *нашевати* (малорусское *ношувати* из *ношовати*), характер которой **ева**, очевидно, сам по себе не развился из характера **и**, но стоит с ним в такой связи, что глагол *нашевати* предполагает более простой глагол *ношати*. Параллельно с этим в славянских языках идет и образование видов, так что постепенность в их образовании мы должны предположить соответствующую постепенности в образовании глагольных характеров: одно с другим связано. Но чтобы найти такую постепенность, необходимо упростить свою задачу. Такое упрощение, естественно, должно состоять в том, что мы при исследовании степеней длительности не должны рассматривать начинательности, совершенности и несовершенности, потому что даже глаголы наибольшей степени длительности могут быть совершенными (запохаживать) и начинательными (ослабевать). Следовательно, под видом мы разумеем изменение степени длительности, выражаемого глаголами действия или состояния независимо от совершенности и несовершенности. При этом важно знать, что следует принять за исходную точку. В этом отношении взгляды исследователей были столь неясны, что, например, в словаре Даля в красной строке ставятся глаголы более длительные, как *спросить*, как будто *спрашивать* было формой первою и следовательно, более

древнею, чем *спросить*. В сущности же выходит совершенно наоборот.

Всем известно, что существуют глаголы однократные, как *хлопнуть*, и более длительные, так сказать, неопределенно-кратные, как *хлопать*, *похлопывать*. Не следует ли исходить в распределении степеней длительности от глаголов меньшей степени длительности, однократных, и следовательно, и совершенных?

В этом случае может нас избавить от заблуждений одно только сравнение. В языке литовском нет однократности в русском смысле этого слова; литовские однократные глаголы совершенно своеобразны, и их настоящее время остается настоящим и не принимает значения будущего, подобно нашему. Таким образом, уже из этого обстоятельства видно, что принять за исходную точку глаголы однократные нельзя; напротив, за основание нужно взять такие глаголы, от которых мы могли бы получить в одну сторону однократные, а в другую глаголы других степеней длительности. Но этим требованиям во всех отношениях, то есть и по своей форме, и по значению могут удовлетворить такие глаголы, как *ем*, *дам* (причем, конечно, мы отвлекаемся от его совершенности), *веду*, *несу*, *лѣзу* и т. п., исходя от них, мы получим легкое и ясное распределение степеней длительности.

Система видов, как вообще всякая система грамматических категорий, должна стремиться к тому, чтобы стать не описанием только, а историей их происхождения. Мы убеждаемся из рассмотрения частных данных, что грамматические категории, называемые видами, появлялись неодновременно; вот почему особенно важно в распределении их попасть на настоящую исходную точку. Об этом мы уже говорили в прошлый раз.

По моему мнению, очевидно, ошибку заключает в себе тот прием, когда считают исходною точкою разделение глаголов на более длительные, как сделал Даль в своем словаре: столь же ошибочным можно считать исход от глаголов, в которых действие обнимает наименьший период времени – ошибочным потому, что они сами принадлежат к производным глаголам. Итак, нужно остановиться на таких глаголах, от которых в одну сторону могут пойти

однократные, а в другую – глаголы более длительные, причем обе категории будут производны относительно их.

Если примем за исходную точку глаголы сравнительно простые, как *несу*, *везу*, *веду*, *лѣзу*, то не трудно заметить постепенное происхождение по крайней мере трех степеней длительности, которых основное значение постараемся определить из частных данных.

Когда мы спрашиваем: что *несешь?*, что *везешь?*, куда *едешь?* то мы разумеем, что действие производится в ту самую минуту, когда мы говорим. Что вы *несли?*, что вы *везли?* – то есть в ту минуту, когда я вас встретил. Куда теперь поедете? (будете ехать?). Что вы вынесете из лекции? – здесь разумеется определенный непродолжительный период времени, долженствующий последовать за моею речью. Последний ряд примеров с глаголами в будущем времени особенно для нас важен, потому что служит наглядным пояснением того, как необходимо при рассмотрении степеней длительности отвлекаться от совершенности и несовершенности, ибо по отношению ко времени, разумеемому грядущим, в приведенных примерах значение будущего глаголов совершенных и несовершенных – одинаково. Одним словом, одна и та же степень длительности в *повезешь* и *везешь*.

Заметим теперь, что ни один из приведенных примеров не есть мгновенным, как *лизнул*, *дернул*; мало того, приведенные глаголы не могут иметь при себе однократных, немислим, например, такой глагол, как *неснуть*; в крайнем случае мы можем образовать такой глагол, но разве лишь только для того, чтобы достигнуть комического эффекта. Но если даже допустить, что такой глагол возможен и употребителен, мы все-таки не употребили его в таком смысле, как в выражении «Куда бог несет?». Итак, период времени, обнимаемый действием приведенных глаголов, не велик, но все-таки больше мгновения, и значение их не заключает в себе моментальности.

Теперь посмотрим, какая произойдет разница в значении, если вместо этих форм поставим формы следующих за ними степеней длительности. Например, какая разница между вопросом «кто идет?» и «кто ходит?». Казалось бы, что во втором примере явля-

ется очевидная многократность, равно как и в следующем: «Куда вы ходите мимо моего окна?», то есть каждый раз, как я вас замечаю; однако другие примеры убеждают нас, что такие глаголы, как *ходить*, *возить*, *ездить*, *лазить*, было бы ошибочно называть безусловно многократными. Есть случаи, когда мы их очевидно употребляем в значении немногократном. Так, в Остромировом евангелии: «Никодимъ пришедь к Иисусови нощѣ и прежде» – в греческом тексте ο ἑλθῶν. Известно, что Никодим приходил к Иисусу для тайной беседы только один раз, однако на русский язык мы не переведем этого места через *пришедший* или *который пришел*, а непременно через *приходивший* или *который приходил*. Уже из этого одного разве не ясно, что форма *ходить*, 2-я степень длительности к *иду*, не может быть названа безусловно многократной? Приведем другие примеры: «Сегодня был у меня тот, который вчера приходил и приносил книги», «а до мене Яків приходив, коробочку раків приносив». Из них видно, что когда мы употребляем более длительные формы глаголов, то мы не назначаем действию никаких границ, кроме тех, которые определены данным временем (в наших примерах прошедшим) глагола вообще; даже когда мы составляем такие выражения, как «приходил и сделал то-то», то последнее «сделал» не служит ограничением для действия *приходил*, ибо заключается внутри периода времени, им занимаемого.

Иное дело в выражении «сделать то-то, пришедши», или, что то же, «после того, как пришел, сделать то-то»; здесь период времени, занимаемый действием глагола, стеснен, сжат последующим *сделал*.

Так в выражении «Підійшов я під віконце – квартиру відчиняю» *відчиняю* поставлено, как ограничение глагола *підійшов*, как предел его; но стоит только нам умышленно поставить вместо этого *підійшов* неправильное в данном случае *підходив*, и мы ясно увидим противоречие в мысли; в самом деле *підходив* по своей сущности отрицает ограничение действия, им выраженного, а между тем *відчиняю* поставлено как такое ограничение.

Все это направлено к подтверждению той мысли, что есть случаи, когда такие глаголы, как *ходить*, *носить*, *возить* etc., с известной точки зрения многократные, относятся к единичному факту

и не могут быть названы многократными вообще. Например, можно усмотреть очевидную многократность в выражении: «приехавши в город, я долго ходил по улицам» (в разных направлениях); но: «Где вы были? – ходил пешком в Киев» (всего один раз); «Я ездил летом к родным» и т. д. Поставим в этих примерах формы совершенные, сохраняя ту же степень длительности: «Я схожу пешком в Киев», и «Он съездил к родным». В них опять нам видится пример единичный. Далее: «Куда вы шли сегодня утром?», конечно, не в то мгновение, когда я вас видел, но «Куда вы ходили сегодня утром?» и т. д., конечно, не в то мгновение, когда я вас заметил или спрашиваю, в течение данного периода времени, который мог быть занят вашей ходьбой.

Из сопоставления подобных случаев выходит с полной достоверностью, что глаголы второй степени длительности только случайно могут иметь значение многократности, но в сущности обнимают лишь период времени больший, чем глаголы первой степени длительности. Другими словами, в глаголе первой степени длительное действие представляется не многократным, не моментальным, но единичным; в глаголах второй степени длительности оно является не многократным, но собирательным. Я придаю некоторое значение этому сравнению. Собирательность состоит в том, что мы множественность рассматриваем как единицу, массу, как одно целое; на этом основании можно глагол второй степени длительности сравнить не с множественным числом, а с единственным в смысле собирательном, каким оно является, например, в выражении «ныне жених дорог».

Теперь посмотрим, можно ли сказать, что такие формы, как *ходил*, отвлеченнее, чем *шел*? По-видимому, можно, потому что *ходил* включает в себе несколько *шел* и, следовательно, по отношению к нему есть понятие более общее. Но когда понятие из конкретного делается более общим, отвлеченным, то, как известно, количество входящих в него видовых понятий увеличивается, количество же его признаков уменьшается.

Что же касается до глагола *ходил*, то, рассматривая с точки зрения грамматики, мы в нем уменьшения количества признаков

не замечаем, так что указанное воззрение на глаголы, как *ходил*, *носил* и проч., было бы справедливо, если бы мы рассматривали не слово, а понятие, что принадлежит не грамматике, а логике.

Сказанное мною об этих двух видах глаголов относится не только к русскому литературному языку, но за немногим исключением и ко всем славянским наречиям.

Скажем теперь несколько слов о глаголах третьей степени длительности, или так называемых многократных, но ввиду того, что употребление глаголов третьей степени длительности является в значительной степени этнографическим, временно ограниченным, а не столь распространенным, как употребление первой и второй степени, то я считаю нужным сделать несколько предварительных замечаний.

«Глаголы, – говорит Буслаев, – ныне употребляемые в книжной и разговорной речи, суть остатки обширной системы видов, частью сохранившихся и донныне в областных наречиях». Из этих слов можно было бы заключить, что ныне существующая система видов находится в таком отношении к древней, как известные разряды архаических глаголов к соответствующим глаголам в более древнем языке, в коем они несравненно живее и многочисленнее. Такой вывод был бы странен ввиду того обстоятельства, которое нас заставляет думать, что виды составляют явление относительно позднее и что те глагольные классы, которые особенно важны для распределения глаголов по видам, каковы разряды на **ае** – **а** или **ывае** – **ыва**, суть более поздние по времени образования. Приведенные слова Буслаева объясняют нам другое место из его грамматики, где он говорит: по отношению к видам литературный русский язык отличается от церковнославянского.

Очевидно, что в основании утверждения Буслаева, будто бы нынешняя система видов является чем-то более ограниченным, чем система видов древнейших наслоений, лежит кое-что справедливое; но формы, приводимые им в указанном месте грамматики, не могут быть названы древнерусскими без ограничения. О древнерусском языке в смысле языка, предполагаемого нынешними наречиями, можно сказать, что он вовсе не мог заключать

в себе глаголы на **ыва** и **ива**, потому что их нет в малорусском наречии, а раз образовавшись, они, без сомнения, не могли исчезнуть бесследно. Малорусское *прошувати* с предшествующими степенями *просити*, *прошати*, *прохати* и настоящее время *прошую* (а не *прошуюю*) соответствует вполне русскому *прошевати*. То, что Буслаев называет древнерусским языком и формами, есть, собственно говоря, формы великорусских говоров среднего времени, то есть времени приблизительно более позднего, чем XIII ст.

Если представлять наш нынешний литературный язык вытекающим только из этих говоров, то ввиду факта, что в нем такие формы, как *давывал*, *отбывывал*, не употребительны, нужно было бы принять, что литературный язык пошел как бы назад, как бы отказался от форм, которые в нем существовали. Но зачем же предполагать, что литературный язык представляет продолжение этих говоров? В данное время в обществе может существовать известное количество наречных течений разной длины, причем в последующие моменты развития могут продолжаться не непременно все эти наречные течения, а лишь некоторые и даже одно какое-нибудь из них. Другими словами, из направлений **a**, **b**, **c** может уцелеть одно только **a** и в нем нечего искать продолжения направлений **b** и **c**.

Литературный язык вовсе не непременно подчинен требованиям одного из существующих говоров; напротив, он может в известных случаях удаляться от всех или удерживать в себе утерянные ими архаизмы, как архаичен, например, нынешний литературный язык в употреблении причастий. Подобным же образом, если мы в настоящее время ограничиваемся лишь двумя степенями длительности – *дал* и *давал*, а не употребляем формы *давывал*, то это может происходить от того, что в том течении, продолжением которого служит наш литературный язык, это *давывал* не существовало; если же мы и теперь, зная о такой форме, не привлекаем ее в нашу речь, то причиной этого может служить то, что литературный язык есть, так сказать, срединный, и если не всегда достигает этой цели, то, по крайней мере, стремится удовлетворить требованиям

различных говоров; но с точки зрения южнорусских говоров форма *давывал* вовсе не нужна.

Итак, из всего сказанного о литературном языке мы можем вывести следующее заключение: у нас в этом отношении принимается часто *pars prototo*, и с точки зрения литературного языка называют нередко остальные говоры неправильными, искаженными; в сущности же литературный язык есть не что иное, как один из говоров случайно ставший органом мысли высших слоев общества, и как эти слои более подвижны, то мы и видим в литературном языке более радикальных перемен, чем в говорах низших слоев. За время русской письменности мы видим сменение нескольких видов книжной речи: язык летописи не тот, каким писали в XIV и XV вв., и в то же время он резко отличается от языка юго-западных произведений XV, XVI, XVII вв.; но и язык летописи и язык московских грамот, и язык юго-западных писателей совершенно отличны от языка писателей послепетровских, начиная с Ломоносова.

Если станем рассматривать эти виды русского литературной языка как одно течение, то той последовательности, которая заметна в говорах, мы здесь не найдем.

Все эти рассуждения мы ведем к тому, что, исследуя глаголы третьей степени длительности, мы весьма часто должны сходить на почву областных говоров и не забывать при этом, что то, что будет говорено о третьей степени длительности, в некоторой только мере относится к литературному языку. Здесь мы опять встречаемся с такими случаями, когда глаголы третьей степени длительности, обыкновенно называемые многократными, вовсе не выражают такой многократности. Так, в духовном стихе о Лазаре говорится об ангелах, что они «вынули душеньку из нищего и *кладывали* ее на золотую миску». Запутанность, которую вносит это обстоятельство в вопрос о наибольшей степени длительности, усиливается еще тем, что во многих случаях вторая степень длительности является последнею и совмещает в себе функции большей степени длительности и многократности. В народных говорах мы нередко встречаем примеры употребления наибольшей

степени длительности в тех случаях, когда литературный язык до-
вольствуется второю, и причину такого употребления мы можем
предполагать не в желании выразить многократность, а в стрем-
лении представить еще большую степень длительности сравни-
тельно со второю. Так «было у богача два лютых псы; всегда по
подстолюю они ходили, хлебные крошки *собировали*, Лазарю в
поле носили, тем его душу *пропитовали*»; здесь формы второй и
третьей степени чередуются и потому очевидно, что они употре-
блены в одинаковом смысле; но формы *ходили*, *носили* выражают
не многократность, а постоянство продолжающегося действия,
следовательно, нет основания принимать формы *собировали*,
пропитовали за многократные. Форма *бывать* выражает вторую
степень длительности, но нередко мы употребляем ее в смысле
многократности: «Я не раз там бывал». Но вот пример из памят-
ника XII в., где этот глагол, если бы мы ему приписали значение
многократности, произвел бы очевидную бессмыслицу: «Дѣво,
твой сынъ побѣдити имать съмръть: отъ безсмрътнаго бо рож-
день бываетъ». Этою формою, по всей вероятности, переводчик
хотел выразить непрерывный акт происхождения, но никак не
многократность. Вот ряд других примеров: малорусское «бывай
здоров», очевидно значит не «бывай здоров несколько раз», а
«будь постоянно здоров»; из «Энеиды» Котляревского: «Пано-
ве! – знаете, трояне и всі хрещеные міряне, що мой отець *бував*
Анхиз». «Нехай твоя здорова *буває* голова». «Не дети *бывайте*
умом» (не будьте постоянно детьми по уму). Такие примеры кос-
венно дают нам право делать заключения о глаголах наибольшей
степени длительности.

Было бы весьма просто, если бы мы могли сказать, что глаголы
с характером **ыва, ива**, стоящие на последней ступени, дальше
которых язык не ходил, – стало быть, глаголы наибольшей степе-
ни длительности, – выражают многократность. Что оно на самом
деле так, в этом нет сомнения, но утверждение это требует некото-
рого ограничения ввиду того, что такие глаголы, которые служат
последнею ступенью в литературном языке, часто встречаются
со значением вовсе не многократным. Так, в литературном языке

форма *давывать* не употребительна, и *давать* есть форма, дальше которой литературный язык не ходит; она, бесспорно, во многих случаях берет на себя функцию многократности: «он многократно давал мне эту книгу» но где же многократность в вопросе извозчика: «Давать?». В памятниках древней письменности видим аналогичные случаи. В одном акте XV в. приводится допрос понятых относительно того, кому принадлежали такие-то земли: «Скажите в божью правду, чьи те пустоши *бывали* из старины? Куда те пустоши *тягивали*?».

Очевидно, здесь имеется в виду только большая степень длительности. Лазарь говорит в стихах богатому: «егда мы живали на вольном свету, тогда мы Богу не *справливали*». Замечательно, что эта черта в значительной степени общеславянская; так, малорусское *прощайте* буквально повторяется в болгарском языке.

В связи с этим находится следующая особенность употребления и значения, в одинаковой степени свойственная обеим степеням длительности. Если в вопросе ставится глагол первой степени длительности, то в отрицательном ответе следует подобный глагол второй степени длительности, точно также глаголу второй степени длительности в вопросе соответствует глагол третьей степени в отрицательном ответе. Примеры: «Пришел такой-то?» – «Не приходил». «Принес то-то?» – «Не приносил». «Решил дело? Перестал? Лег? Стал?» – «Не решал, не переставал». «Взошло солнце?» – «Не всходило».

Разница между говорами и наречиями в этом случае заключается не в общем принципе, а только в качестве и количестве степеней. Малорусское: «Зайшло солнце?» – «Ще солнце не заходило». «Дав?» – «Не давав». Известные великорусские говоры употребляют и третью степень длительности: «Слышал!» – «Не слышал»; «Слыхал?» – «Не слыхивал». В болгарском языке, грамматическое строение которого наиболее пострадало в смысле архаичности, глагол дает нам аналогическое явление: «рекоха(ж) да га обѣсят – не дайте мнѣ обѣсва». В чешском языке (моравском говоре): «дѣй мнѣ, Боже, до мнѣ мінішъ; Текомъ (лишь) мнѣ не давай, къ чему немамъ хути (охоты)».

Чешские говоры имеют еще и ту особенность, что в них глаголы характера **а**, как *бывати*, допускают дальнейшие растяжения: *бывавати* и т. д., тогда как наш русский литературный язык очень воздержан в этом отношении и охотнее обращается к предшествующим степеням.

Приведенное правило, то есть употребление в отрицательном ответе или вообще в отрицании степени глагола, следующей за той, которая стоит в вопросе или вообще в положении, распространяется на все глагольные формы. Это дает возможность объяснять некоторые выражения севернорусских былин. Например: «он бьется, дерется целый день, не *пиваючи*, не *едаючи*, ни на малый час *отдыхаючи*». Впрочем в этом примере употребление более длительных форм не вполне ясно, и простым признанием многократности объяснено быть не может.

Отрицание приведенного правила, по-видимому, лежит в следующем выражении летописи: «бысть моръ въ конѣхъ, акъ же не *быль* николиже», а между тем, дурно ли это выражение? Не имеет ли оно какого-нибудь тонкого отличия в мысли? Ответ на этот вопрос важен, потому что он должен уяснить нам самое правило. По-видимому, тот же летописец мог употребить и такое выражение: «на ту осень бысть зима зла вельми, како иже (вероятно, оже) в нашу память не бывала николиже».

По моему мнению, оба эти выражения не противоречат друг другу, но в первом из них из всего прошлого берется один случай, и он отрицается, а во втором отрицание распространено на весь объем прошлого.

В Лаврентиевском списке летописи читаем: «видя идеши на смерть, – не ходи»; здесь также отрицание относится к одному случаю, но растягивается на более продолжительное время. Приведенные примеры взяты из более древних частей летописи, где русский элемент замечен мало. В памятниках собственно великорусских наряду с такими глаголами, как *давывать*, встречаются нередко и такие, как *дал*. Например, на вопрос судьи: «дал ли еси тѣ свои земли?» ответчик говорит: «далъ есмь, а отецъ мой тия земли не *даывалъ* и азъ у тия грамоты не *бывалъ*». Далее:

«а сказываеть, – семь лѣтъъ пустоши косили, и то, господине, лжетъ Королла и не *кашивали* тѣхъ пустошей до сихъ мѣсть». И судьи спрашивали Даниила: «*давывалъ* ли ты въ монастырь пустоши?» И Данило такъ рекъ: «далъ есмь». В последнем примере, как видно, самый вопрос поставляется в форме более длинной, как обнимающий все прошедшее. Из всего сказанного видно, что определение того, с какой степенью длительности мы имеем дело в данном случае, подчас бывает сопряжено с большими затруднениями. В большинстве случаев мерка для определения грамматических категорий может даваться не учеными, а так сказать, средним человеком, то есть средним уровнем понимания. Такой человек обыкновенно измеряет известную грамматическую категорию другою подобною, находящеюся у него в памяти. Таким образом случается, что имя с уменьшительным суффиксом (например, солнце) не считается уменьшительным, потому что нет соответствующего ему имени с простым суффиксом. Точно также ученый к великорусским глаголам *бодать*, *читать*, *вязать* подыщет более первообразные формы *бости*, *чести* и т. д., но по народно-субъективному определению форма *бодать*, *читать* и т. д. суть формы первой степени длительности.

Итак, для определения того, к какой степени длительности принадлежит данный глагол, нередко бывает ошибочно прибегать к этимологическим исследованиям, которые могут лишь показать количество промежуточных ступеней между уцелевшими видами глагола; действительное значение степени длительности определяется народно-субъективно, то есть смотря по тому, сколько побочных степеней длительности сохранилось в памяти народа. Так, по этимологическим исследованиям *ганивати* – глагол шестой степени длительности: 1) *жену* – *гнати*, 2) *гоню* – *гонити*, 3) *гоняю* – *гоняти*, 4) *гонявати*, 5) *гоневати* (малорусское *гонювати*, *гонюю*) и 6) *ганивати*, но в народном понимании такой дробности вовсе нет, степени здесь чередуются следующим образом: 1) *гоню*, 2) *гоняю* и 3) *ганиваю*. Оттого и на вопрос: «Гоняли ли вы скотину куда-то?» следует ответ: «Нет, не ганивали».

Тот случай, о котором мы говорили прошлый раз, а именно, употребление классов следующих степеней второй и третьей, в ответах на вопросы с предшествующими степенями (первой и второй), равно как и вообще употребление глаголов второй и третьей степени при отрицаниях, может быть, если не объяснен, то определен тем, что отрицание относится здесь не к данному моменту бытия или действия, а к более продолжительному периоду времени, занимаемому бытием или действием. Буслаев выражает это так: «глаголы многократные (следовало бы прибавить: и глаголы второй степени длительности) употребляются здесь для выражения сильнейшего отрицания»; но я думаю, что большая сила отрицания зависит именно от большей продолжительности периода времени, к которому отнесено отрицание.

Относительно глаголов однократных припомним, что принимать их за исходную точку в распределении степеней длительности нет основания (вопреки мнению Павского); эти глаголы нужно признать за производные и отличать от имеющих с ними весьма сходную форму глаголов начинательных, между которыми попадают и совершенные. Следует еще заметить, что однократные глаголы с внешней стороны обозначены постоянным характером **н**, присутствующим во всех формах спряжения и, кроме того, в русском языке – ударением на характере.

С лексической стороны они обозначены тем, что все или почти все суть глаголы движения внутри определенного пространства. Согласно с этим глаголы эти не образуются от глаголов движения, сопряженного с видимой переменной места, например, нет глаголов однократных от *иду, еду, везу, несу, лезу, плыву, бреду, шел, ползу, бегу, тащу, валю, волоку, стерегу*. Быть может, различие глаголов, означающих видимое, наглядное изменение места, от глаголов, означающих движение внутри определенного места, и не выдерживает строгой критики, но с точки зрения языка иначе нельзя выразить то, что от таких глаголов, как *везу*, нельзя образовать глагола *везнуть*, тогда как, например, *дергать* имеет при себе *дернуть*. Глаголы видимого изменения места составляют еще особенность и в другом отношении: это глаголы, имеющие при себе

еще глаголы более длительные (второй степени), особенно чувствительные к влиянию предлогов.

Глаголы однократные не производятся и от тех глаголов, в которых действие представляется вне связи с пространством или в которых эта связь не стоит на первом плане, не берется во внимание; таковы глаголы: *петь, говорить, думать*, или же с вещественными значениями, как *вязать, плести, писать*. Если бы мы и произвели такой глагол, как *писнуть*, то этим или достигли бы комического эффекта, или же перенесли через это глагол основной в разряд таких глаголов, в которых движение выражается происходящим внутри известного пространства.

Следует еще упомянуть об одном разряде глаголов, относимых обыкновенно к области видов. Но предварительно przypomним все, сказанное в этом отделе. По нашему счету первую основную степень длительности служат глаголы конкретно длительные и неоднократные; за этой степенью в одну сторону идет, смотря по глаголу, одна или две степени более длительные. Образцом может служить глагол *несу, ношу, нашивал*; последняя форма с характером **ива (ыва)** для говоров, не имеющих ее, заменяется соответствующею с характером **ова** (ношуваты) или же формою предшествующею (ношаты). Это количество степеней длительности вовсе не отвечает тому количеству, которое можно насчитать при словопроизводстве. В другую сторону от основной степени мы насчитываем только один вид – глаголы однократные. Степени длительности рассматриваются нами независимо от совершенности и несовершенности и, если в одном случае однократность совпадает с совершенностью, то из этого не следует, чтобы она не существовала отдельно от последней.

Кроме этих степеней и совершенности, различают еще два способа обозначения длительности: глагол может обозначать действие как происходящее в данную минуту (птица летит) или же рассматривать его как возможность, способность (птица летает), то есть теперь производит это действие и имеет возможность во всякое время произвести его.

Этот второй оттенок значения могут иметь глаголы как первой, так и второй степени длительности; в этом случае язык не создает никаких новых средств, не образует никаких отдельных категорий, а один и тот же глагол, смотря по контексту, может быть употреблен как для означения действия, совершающегося в данный момент, так и для обозначения возможности его совершения.

Казалось бы, что если я имею в виду выразить постоянную способность к обнаружению действия, то должен предпочитать глаголы более длительные; но на самом деле это не так, и способность [к обнаружению действия?] может выражаться различными способами.

Примеры: верблюд несет 16 пудов (Даль: несет = поднимает, может нести, носить); этот мальчик уже читает и пишет (умеет читать и писать); почтовый поезд летит (или пролетает) в час столько-то. В последнем примере указаны различные способы обозначения, но с одинаковым значением.

Впрочем, в некоторых случаях можно заметить большую наклонность языка к большим степеням длительности для выражения обычности. Например: «часы не испорчены, ходят, но теперь не идут». В этом отношении, то есть в степени предпочтения глаголов большей длительности, между различными славянскими наречиями есть разница; так, по-русски говорится «я не ем того-то» (не люблю есть); но по-чешски «ne jidam»; по-польски «nie jadam».

В известной песне о Вербунае так рисуется благополучие, ожидающее завербованного улана: «будем їсти, будем пити, до-вбешками воші бити».

Следует указать на отношения перечисленных нами глагольных разрядов, определяемых глагольными характерами, к степеням длительности.

К первой степени длительности принадлежат: 1) все глаголы архаического спряжения на *м*, как *дам*, *ем*; 2) все глаголы с характером *е* в теме настоящего времени и без характера в теме неопределенного наклонения, как *несу*, *буду* и т. д. без различия совершенности и несовершенности; 3) к первой же степени длительности

относятся глаголы с характером **е** в теме настоящего времени и с характером **а** в неопределенном наклонении, но лишь под тем условием, чтобы они были относительно первообразны. Дело в том, что многие глаголы, сюда относящиеся, имеют при себе формы более простые и потому относятся ко второй степени длительности: таков, например, глагол *приставати*, имеющий при себе глагол *пристати*, *давати* – *дати* и т. д. 4) Глаголы образца *пишу*, *пишеши*, *писати* в настоящее время относятся к первой степени длительности, хотя есть основание предполагать, что прежде при них находились более простые глаголы и, следовательно, с них начиналась уже вторая степень длительности. В сербском языке, например, и теперь есть такие глаголы, как *dozvati*, *dozvam*, что по-русски следует передать посредством *называти*, *называѡ*. 5) Из разряда с характером **н** к первой степени длительности относятся все более древние начинательные, неоднократные глаголы; что же касается до глаголов однократных, то, как сказано, они составляют особую степень длительности, идущую от основной в другую сторону. 6) К первой степени длительности относятся глаголы темы **и** – **ѣ**, как *гориши*, *горѣти*. Таким образом, глаголы *стати* и *стояти* оказываются принадлежащими к одной и той же степени длительности и на нее различие между переходом в известное состояние и пребывание в этом состоянии не имеет влияния. Другие примеры: *вѣзнѣти*, *вязати*, *коснѣти* и *коснѣти*. 7) Глаголы с темами **ѣе** – **ѣ** в первой степени длительности. 8) Из глаголов тем **и** – **и** сюда относятся все, кроме 10 – 12 глаголов движения с видимым уточнением места, как *лазати*. 9) Разряд **аја** обнимает такого рода глаголы, что те из них, которые принадлежат первой степени длительности, являются исключением; таковы только те глаголы, которых более простые формы исчезли из употребления, как *копати*. 10) Глаголы с темами **уе** – **ова** целиком принадлежат в литературном языке и в великорусских говорах к первой степени длительности, несмотря на свою очевидную производность. Это потому, что в великорусских говорах в этом разряде остались лишь глаголы отыменные, как *торговати*, *воевати*, *куповати*, хотя мы теперь таких имен, как *вой*, *купъ*, и не употребляем.

В говорах южнорусских и некоторых великорусских этот разряд распадается на два отдела: а) Глаголы отыменные, как *торгувати* и в) Глаголы отглагольные, принадлежащие к большим степеням длительности (2-ой и 3-ей), как *прошувати* (просыты, прошати), русское *прошевати*. В великорусских говорах этот отдел (в) не вошел в 7 разряд (темы **ива** – **ыва**); эти последние глаголы могут быть двух степеней: 2-ой, когда имеют при себе более простой вид: *приторговывать*, 3-ей, когда имеют при себе глаголы 2-х степеней. На другую сторону от основной степени мы имеем только одну степень, очень определенную со стороны формы и характеризующую носовым **н**, никогда не отбрасываемую.

Влияние предлогов на виды глаголов

Скажем теперь несколько слов о влиянии предлогов на глагольные виды. Если под видом разуместь степень длительности, то мы вправе сказать, что на эти виды предлоги не оказывают никакого влияния. Такое утверждение необходимо ввиду того, что Павский, мнение которого до сих пор пользовалось полным авторитетом, проводя свое сложное деление глаголов по трем разрядам, говорит, что каждый предлог из числа 21, им приведенных (вы, до, за etc.), соединяясь с глаголом 3-го разряда, переводит его во второй, соединяясь с глаголом 2-го разряда, переводит его в первый. Но так ли это на самом деле? Неужели действительно один из этих предлогов, присоединившись к *хаживати*, сделает его равным *ходити*? В этом необходимо дать себе отчет. *Хаживати* мы можем с известным ограничением рассматривать, как глагол многократный; *ходити* – как глагол, занимающий гораздо больший период времени, чем *иду*. Если я скажу *прохаживаюсь*, то глагол *хаживати* своей многократности не теряет. *Прохожу*, которое, смотря по контексту, может означать настоящее и будущее время, также отнюдь не = по значению с *иду* или *пройду*; в противном случае можно было бы безразлично одно заменять другим. Следовательно, утверждение Павского в этом отношении не имеет основания.

Предлог в известных случаях сообщает глаголу значение совершенности, но это статья особая. Таким образом глагол *трѣсж* от присоединения глагола **по** станет совершенным, но не потеряет своей степени длительности. В глаголах многократных один предлог не сообщает им значения совершенности, но от присоединения другого предлога это значение получается: *запохаживал*, *запотряхивал*.

Из правила, выводимого Павским, выходит, между прочим, такое следствие, говорящее против него: если бы предлог переводил глаголы из последующих степеней в предыдущие и если бы, как делает это Павский, за первую степень считать глаголы однократные, то оказалось бы, что в одну рубрику нужно соединить целую массу разнородных глаголов: 1) *тряхнуть*, 2) *потрясти*, *затрясти* и т. д. – глаголы, переведенные в первую степень присоединением предлога.

Напомню, что Павский сводит свое сложное деление глаголов по видам на три степени; против этого сведения можно было бы много сказать; но упомянем об одном как об исторически прошедшем факте.

К первой степени он относит глаголы мгновенные и все совершенные, ко второй многократно-неопределенные, к третьей многократные – дальние; и затем говорит, что каждый предлог из перечисленных им 21 (вы. до, за, с, при, пере и проч.), соединяясь с глаголами третьей степени, переводит их во вторую, а соединяясь с глаголами второй, переводит их в первую; глаголы же первой степени от присоединения предлога вовсе не изменяются. Ошибочные последствия, вытекающие из этого утверждения, различны и многообразны, и перечислять их все мы не будем, но укажем на то, что в таком случае у нас оказываются при многих глаголах по две первой степени и по две или по три второй. Эти степени, по Павскому, тождественные, на самом деле совершенно различны. Впрочем, не останавливаясь на опровержении подобного учения, мы прямо перейдем к следующему утверждению. Если под видом разуметь степени длительности, то не подлежит сомнению, что на эти виды предлог не оказывает никакого влияния и глагол из

последующих степеней в предыдущие не переводит. Это будет ясно из следующих примеров: глаголы *сдвигать*, *сбросить*, по Павскому, принадлежат к той же степени длительности, что *подвинуть*, *сбросить*, но *сдвигать* значит ‘соединить, сомкнуть с места движением’, *сбросать* – ‘соединить сбрасыванием’ – действиями длительными; другими словами, глаголы эти относительно степеней длительности тождественны с беспредложными *двигать* и *бросать*.

Между тем *сдвинуть* и по присоединению предлога остается однократным и значит ‘соединить, сомкнуть однократным движением’, *сбросать* значит ‘совершить движение, указанное в основном глаголе’, и которое однако не может быть названо однократным. *Прохаживать*, *пронашивать*, по Павскому, должны были бы быть одной степени с *проходить*, *проносить*, но на самом деле первые два глагола продолжают означать ‘хаживанье’, ‘нашиванье’, а вторые два – ‘хождение’, ‘ношение’, что не одно и то же. То, что принято Павским за влияние предлога на вид глагола, есть зависимость совершенности и несовершенности глагола от присутствия или отсутствия предлога. Но следует держать строгое различие между степенями длительности, которые не находятся в зависимости от предлога, и совершенностью, которая в большинстве случаев находится с ним в связи. Общее правило относительно влияния предлога на совершенность и несовершенность такое: 1) глаголы однократные, которые и сами по себе без влияния предлога совершенны, от присоединения предлога в этом смысле остаются без изменения; влияние предлога здесь, как и в языках, не имеющих совершенности и несовершенности (литовский, латышский, немецкий и др.), сказывается лишь со стороны пространственного определения движения: *двигнуть*, *задвигнуть*, *продвигнуть* и др. 2) Все длительные глаголы первой степени (то есть все глаголы наиболее конкретные, неоднократные) от присоединения предлога превращаются в совершенные, причем форма настоящего времени получает значение будущего. Исключаются из этого правила только архаизмы, которые и доселе находятся в живом употреблении. Так, например, глагол *помню* от присоеди-

нения предлога **за** обращается в совершенный *запомню*: «я этот случай запомню»; но тот же глагол в несколько ином, весьма трудно определяемом значении, от присоединения того же предлога **за** не претерпевает изменения в смысле совершенности: «я такого дня, как нынешний, не запомню». Впрочем, такие глаголы весьма немногочисленны. 3) Минуя глаголы второй степени длительности и останавливаясь на так называемых многократных, заметим, что эти последние, по общему правилу, от присоединения одного предлога не становятся совершенными, несмотря на окончательное значение предлога. Это следует понимать так, что предлог окончательный, то есть обозначающий предел движения, вносит этот оттенок и в значение глагола многократного, но представляет законченным не весь ряд действия, а каждое отдельное действие; *заносить платье* значит ‘доносить его до известного предела годности’; *занашивать платье* представляет уже незаконченный ряд действий ношения. От присоединения нового (второго) предлога уже и многократный глагол делается совершенным, и ряд означаемых этим глаголом действий, получает закономерность. Графически все это можно представить так:

Глагол однократный	Глагол конкретный длительный	Глагол второй степени длительности	Глагол совершенный
двигнуть	нести	носить	заносить
Глагол многократный	Глагол многократный с одним предлогом		Глагол многократный совершенный
нашивать	занашивать		позанашивать

4) Остается теперь сказать об изменении глаголов второй степени длительности от присоединения предлога, изменении, представляющем ту трудность для иностранца, что одни и те же предлоги, смотря по значению, могут изменять и не изменять глагол в совершенный. Это свойство Павский замечает в глаголах раз-

нообразно неопределенных, то есть в глаголах второй степени, обозначающих пространственное движение: *носить, ходить, возить, лазить* и т. д. Но мы уже упоминали, что глагольный характер не имеет сам по себе пространственного значения; пространственность зависит от значения относительного корня слова и в глаголах, означающих с лексической стороны пространственное движение, характер служит только указанием обширности периода действия, а отсюда уже является оттенок разнообразия. Поэтому нет надобности выделять глаголы разнообразно-неопределенные из других; впрочем, эти глаголы наиболее ясно дают понять, что происходит вообще с глаголом в силу различия в значении предлога. Приведем несколько примеров. Предлог **вы** оказывается, например, весьма чувствительным к оттенкам значения даже в тоническом отношении. **В**, будучи взят отдельно, означает движение по направлению от или из предмета, что видно уже из того, что перед существительным ему соответствует предлог **из**: *выйти из комнаты*.

1) Если предлог **вы** означает только это пространственное отношение, то присоединяясь к таким глаголам, как *носить, возить, ходить, лазить*, он не изменяет их ударения и самих глаголов не изменяет в совершенные: *выхожу́* – настоящее время (ударение в 1-м лице настоящего времени удерживается на том же слове, как и в неопределенном наклонении). В малорусских [глаголах] при этом (пространственном) значении предлога ударение уже в 1-м лице настоящего времени переходит на коренной слог: *выхо́жу, выно́шу*. 2) Если же сверх значения местного этот предлог **вы** получает еще и значение окончательности, то он принимает ударение на себя и сообщает глаголу значение совершенности: *выходи́ть, выво́зить (до конца), выно́сить, выла́зить*. В малорусских говорах ударение занимает то же место, что и в предыдущем примере: *выхо́жу, выно́шу*. В предлоге соединяются те же два оттенка значения: 1) движение до известного предела, 2) движение с целью, результатом, окончательностью. Первое значение: довожу до сведения, довожусь ему родственником, доношу по принадлежности; второе значение: он меня водил весь день и доводил до самого

вечера, он с ним доводился до неприятностей; доходитья до усталости. В малорусских говорах различие между первым и вторым отделами глаголов сказываются в том, что глагол несовершенный имеет и в первом лице ударение на коренном слоге (довóжу), а глагол совершенный в первом лице имеет ударение на конце *дохожу́*.

Если переберем таким же образом и остальные предлоги, то увидим ту же двойственность в их значении. Так, приведем несколько примеров с предлогом **за**: завожу обычай, захожу в дом; и в лес воляне заходит и в дом волк не забродит; но завозить ногами под столом, заездить коня и т. д. В литературном языке, впрочем, при совершенном *заездить* нет несовершенного *заездить*; но в малорусском и тот и другой глагол есть: він заїздів до мене; він заїздів коня.

Таким образом, по сказанному выше, рассматривая средние (вторые) степени глаголов, следует различать между двумя средними значениями предлогов: одним, которое сообщает только значение направления и, впрочем, на глагол не влияет, и другим, которое весьма часто означает не пространство, а время. Так, в глаголе *доводить* (до сведения) **до** обозначает пространственный предел, конечно, в переносном смысле, и сведения является именно этим предметом движения. Очевидно, что это второе значение предлога, весьма часто получающее оттенок временности и результативности и сообщающее глаголу значение совершенности, есть производно, а следовательно, производно и зависящее от него формальное значение глагола – совершенность. К этому выводу можно придти и другими путями и, между тем, сравнением с ближайшими сродными языками. Оба значения предлогов находят значительное соответствие (хотя и не полное совпадение) в литовском и латышском языках, с тою, однако, особенностью, что второе значение предлога, которое может быть названо результативным, не имеет еще силы в этих языках сообщить глаголу совершенность. При величайшем сходстве в других отношениях этот оттенок совершенности и несовершенности, который сказывается в превращении настоящего времени в будущее, в литовском и латышском языках не существует.

Сделаем еще несколько замечаний, относящихся к этому вопросу. Мы видим, что в некоторых случаях различие значений глагола, сложенного с предлогом, сказывается и в различии ударений. Влияние предлога на ударение сказывается не только в тех глаголах, которые Павский называет разнообразно-неопределенными (с характером *i*), но и в других. Возьмем, например, группы глагольных форм тройных, то есть таких, в которых в настоящее время имеется не менее трех тем, как, например, *лететь* и *летать*. Что здесь не менее трех тем, это видно по присоединению предлога, причем вторая форма (летать) получает оба различных значения и соответственные этим значениям две формы: *вы́летать* и *вылетáть*. Таким образом получаем здесь два различных в грамматическом отношении глагола, а следовательно, начиная счет от *лететь* – три темы. То же самое относится и к следующим глаголам: *катить*, *вы́катать* (белье), *выкатáть* (=выкатывать); *лепить*, *вы́леплять*, *вылеплáть* (=вылепливать); *пустить*, *пуска́ть* – *выпуска́ть*, *выпу́ска́ть*, *да́ть*, *дава́ть* – *вы́дава́ть*, *выдава́ть*; *ступить*, *ступáть* – *вы́ступáть*, *выступáть*; *рубить*, *руба́ть* – *выруба́ть*, *выруба́ть*; *родить*, *рожа́ть* – *вырожа́ть* (до конца), *дорожа́ться* – *вырожда́ться* (то есть ухудшаться по мере рождения); *садить*, *сажа́ть* – *высажа́ть*, *насажа́ть* и *насажда́ть*. Не трудно заметить, что в последнем случае формы со значением несовершенности, как *нарожа́ть*, *насажа́ть*, имеют весьма узкую область употребления, и чаще употребляется в этом значении форма церковнославянская *нарождать(ся)*. Конечно, из этого не следует, чтобы подобной русской формы никогда не было; можно думать, что в церковнославянском языке в более древний период могли вовсе не встречаться предлоги с результативным или окончательным значением. Но в некоторых из приведенных примеров бросается в глаза то, что средние формы со значением совершенным вполне употребительны, тогда как те же формы со значением несовершенным встречаются редко; из этого прямо можно заключить, что эти последние формы представляют архаизмы, вытесняющиеся мало-помалу формами более нового образования на **ыва**, **ива** (малорусские **ова**). Так, *катить* – глагол первой степени

длительности, *катать* – глагол, дающий вторую степень длительности *вы́катать* и третью – *выкатáть* (=выкатывать); эта последняя форма может показаться гадательною, но она употребительна во многих великорусских говорах: солнце *закатается* (закатывается). В малорусских говорах *рубати* в соединении с предлогом *до* есть глагол второй степени длительности со значением глагола совершенного; в смысле же глагола несовершенного употребляется только *дорубовати*, а не *дорубáти*, так что уже из такого случая можно заключить, что *дорубати* в значении глагола несовершенного, стало быть, в сложении с предлогом первого значения, архаичнее, чем та же форма в сложении с предлогом результативным. Таким образом, более древние глаголы со значением несовершенности уступили теперь место формам более новым по образованию с характером **ыва, ива** (малорусские **ова**). Это нас опять ведет к заключению, что было время, когда глаголы несовершенные с предлогом первого значения, имеющие в настоящем времени в живом литературном языке одну только форму на **ыва, ива** или, по крайней мере, предпочитающие ее форме предшествующего образования, имели только эту последнюю. Я хочу этим сказать следующее: теперь предлог *до* в соединении с глаголом *валать* дает только глагол совершенный, и для получения несовершенного глагола соответственного значения нам нужно брать форму следующую по образованию (доваливать); но было время, когда к этой форме прибегать не было нужды, потому что уже и сам глагол *довалать* имел значение более длительное. Прекрасным подтверждением этого положения служит сравнение с польским языком, где такие глаголы, как *domłasać, dokrecać*, которые по-русски передались бы [как] *домолчать*, вполне употребительны. Итак, подобно тому, как польский язык в настоящее время не нуждается в форме *domłocynać*, которой в нем нет, но которая могла бы быть образована, подобно этому и в русском языке некогда на месте глаголов с характером **ыва, ива** довольствовались соответственными глаголами с характером **аја – а**. Можно думать, что поводом к образованию здесь группы глаголов на **ыва (ива)**, как *домолачивать, долавливать*, послужило стремление языка к формальному

внешнему разграничению таких глаголов, как *долавлиять*, имеющих значение совершенности и несовершенности. Было бы, однако, слишком смело и ошибочно сказать, что именно появление второго результативного значения предлога вызвало образование этих разрядов (на **ыва**); напротив, сначала должна была ощущаться разница значений (совершенство и несовершенство) в таких глаголах, как *долавлиять*, а затем уже могло появиться стремление к внешнему разграничению этих значений посредством глагольных характеров. Таким образом, мы должны возложить большие надежды на историю языка. Разные соображения заставляют нас думать, что значение совершенности, составляющее особенность славянских языков не первоначально и что от развития этого значения могло зависеть и развитие множества глагольных характеров, служащих для выражения различных степеней длительности. Отсюда вытекает предание, что история языка в состоянии будет нам показать эти архаические ступени, то есть глаголы, которые в настоящее время только совершенны, еще в значении несовершенности. Она должна указать нам такое время, когда на месте нынешних слоев, имеющих наиболее развитой и поздний характер, стояли еще глаголы с характером, предшествующим по времени. Эти ожидания можно удовлетворить чтением памятников, откуда мы можем почерпнуть много указаний такого рода, причем, однако, следует наперед знать, что уже по самому свойству этих памятников нам нельзя ограничиться определенным кругом их; примеры эти нужно отыскивать на всем протяжении русской письменности и обращаться за ними даже на ту сторону к другим славянским и сходным с ними языкам.

Прежде чем перейти к приведению относящихся сюда примеров, скажем в кратких словах нечто о состоянии вопроса совершенности и несовершенности по отношению к литовскому и латышскому языкам. Миклошич говорит: «Даже литовский язык заметно удалился от славянского. Так, он хотя и делает различие между *išprašyti* и *prašyti*, как славянский между *испросити* и *просити*, но, по-видимому, не знает столь существенного для славянского языка различия между *скочити* и *скакати*, то есть не имеет

глаголов итеративных». Здесь Миклошич впал в ошибку. Дело в том, что во второй части этой цитаты разница между *скочити* и *скакати* такова же, как между *носити* и малорусским *ношати*, то есть заключается в степени длительности. Литовский язык в этом отношении до значительной степени совпадает со славянским и хорошо знает различие между глаголами первой и второй степени длительности; что же касается до первой части утверждения Миклошича, то можно сказать, что, хотя в литовском языке и есть разница между *preŭyti* и *iŝpraŭyti*, то это не есть разница совершенности и несовершенности. В этом легко увериться из того, что превращение настоящего времени в будущее в литовском языке в глаголе *iŝpraŭyti* невозможно: в нем для будущего есть своя форма. Кроме того, при некоторой внимательности легко убедиться, что это литовское будущее время..., как нашего совершенного, так и несовершенного, из чего следует, что самое различие категорий совершенности и несовершенности литовскому языку чуждо: *duoti* = дать и давать; *parduoti* = продать и буду продавать и т. п. Было бы, однако, совершенно ошибочно думать, что второе значение предлогов, сообщаемое глаголам значение совершенности, не было подготовлено в литовском и латышском языках. В этом случае можно положиться на авторитет Куршата, природного литвина, автора литовской грамматики и словаря, который убедительно доказал, что и в литовском языке в предлогах различаются два значения: пространственное и результативное, но разница между литовским и славянским языками состоит в том, что там результативность не перешла еще на ту степень, когда она переводит настоящее время глагола в будущее. Немецкое *heilku* значит *лечить* (то есть заниматься лечением) и *излечить* (лечением достигнуть известного результата). Литовский язык в этом отношении стоит ближе к славянскому, чем к немецкому: *ligonį dudyti* в нем означает лечить больного, *ligonį išdudyti* – лечить его так, что он выздоравливает, то есть излечивать. Но этот последний глагол (*išdudyti*) имеет настоящее время со значением настоящего, а не будущего, несмотря на результативность предлога, следовательно, оттенка совершенности не получает и соответствует нашему *излечивать* и *излечить*.

Вот в немногих словах содержание того, что было сказано в конце прошлой лекции. Литовско-латышский язык стоит на ступени ближайшей к славянскому языку в отношении совершенности и несовершенности. Правда, в нем нет совершенности в том смысле, как она существует в славянском языке, то есть настоящее время глаголов совершенных в литовском языке не получает значения будущего; но предлоги и в нем распадаются по своему значению на два отдела – на результативные и нерезультативные, и первые сообщают глаголу значение достижения цели. По-немецки говорится одинаково «Schrieb mir den Brief» для выражения нашего ‘пиши мне письмо’ (без отношения к тому, окончишь ты его или нет) и ‘напиши мне письмо’ (пиши с тем, чтобы ты его окончил), то есть предлог, который для нас необходим, в немецком языке оказывается ненужным. В литовском языке, однако, не так: в нем также нужен предлог для выражения означенных оттенков, но только предлог этот не сообщает настоящему времени глагола значения будущего. Например, *parašyti* по-литовски *rašyti*, но ‘напиши мне письмо’ значит *parašyk man gramata*. Другой пример: «Христос взшел на гору» – взшел он или нет, неизвестно, или, по крайней мере, в настоящее время мы об этом не думаем; если же нужно выразить достижение результата движения, то мы скажем: «Христос всходил на гору». По-немецки можно здесь употребить предлог, но можно обойтись и без него. Но в литовском языке совершенно необходимо различать: *Kristaus lipo ent kalno* (шел) и *Kristaus užlipo ent kalno* (взшел).

Перейдем теперь к указанию в славянских языках, и в частности в русском, следов того древнего состояния, которое предшествовало наибольшим степеням длительности и существующему ныне подробному и точному различению степеней, как и нынешней совершенности и несовершенности.

Уже древний язык представляет нам такую совокупность глаголов, как *дам*, *дати* (первой степени длительности), *даю*, *даяти* (второй степени длительности), но отношение между ними не таково, как между соответствующими формами в русском языке с включением сюда различных народных говоров. В настоящее

время *дам* употребляется только как будущее время глагола совершенного; повелительное наклонение *дажь* (церковнославянское *даждь*), причастие *дада* (церковнославянское *дады*) и деепричастие *дадучи* от удвоенного корня теперь потеряны, и мы знаем теперь только деепричастие *даючи*. Для выражения большей степени длительности нам уже недостаточно глагола *даю*, *дай*, а требуется еще следующая форма с вставным **в**: *давати*, деепричастие которого *даваючи* существует только в областных говорах, а причастие *давая* употребительно и в литературном языке. Теперь посмотрим, что нам .представляет по отношению к настоящему времени этот древний язык – древний в смысле древних памятников и согласных с характером памятников архаизмов, уцелевших и донныне. Вот примеры из некоторых великорусских памятников XIV, XV, XVI вв.: «Насъ шестой части въ Перевѣ рѣкѣ лишають и проѣзду намъ не дадутъ» (даютъ). Вопрос судьбы: «отвѣчайте, почему вы их 1/6 части в Перевѣ рѣкѣ лишаете и проезду имъ не дадите» (1486 г.); «И нынче, господине, жена его намъ того сеньца не отдасть и живетъ въ немъ сильно» (1505 г.). Из Лаврентиевской летописи: «про что ми обрелъ еси Кыевъ, а приятелевъ не даси ми примати». Во всех этих примерах сопоставление времен убеждает нас в том, что употребленная здесь форма глагола *дам* суть настоящее время, а не будущее. Повелительное наклонение того же глагола: «не дадите святого въ соръ, не пометайте бисеръ вашъ предъ свиньями» (не давайте – Остромирово евангелие от Матвея). В то время глагола *давать* или не существовало или же не чувствовалось в нем надобности для выражения такого оттенка, как здесь (конкретно-длительность и несовершенство). «Человѣка не миньте, не привѣчавше: добро слово ему дадите» (дайте – Из поучения Мономаха детям). Нужно заметить, что, вообще говоря, явления в области языка и явления разных других сторон жизни под влиянием того движения, которое обычно называют прогрессом, идут не в ногу, и одни из них уходят вперед, другие же отстают. Таким образом, полной однородности явлений, полной их гармонии мы в языке не встречаем: например, рядом с явлениями более поздними, нам попадаются и явления более древние. Так, система

спряжений представляет целый ряд подобных наслоений. Весьма часто даже в одном и том же слове при полной неизменности его звукового состава мы видим множество различных значений, представляющих также ряд одновременных наслоений. Все это сказано по поводу неопределенного наклонения глагола *дам*. Примеры: «А тѣхъ земель ни осваивати, ни продати (продавать), ни мѣняти, ни въ закупъ дати»; «Нѣкоторые отъ братій нашихъ дерзнули продати (не один раз) священъ санъ» (...). Рядом с такими примерами в современной малорусской песне встречаем:

буде батінько принаймати
по золотому за день дати.

Причастие *дада* (дающий) уже в древней письменности встречается редко, а форма деепричастия *дадучи* большею частию вытесняется формою церковнославянской *дадущи*. «И пути заяша и сълы (послов) изымаша Новгородски, вьсьде вѣсти не дадуще Кіеву» (не давая).

Явление, о котором мы говорим, есть общеславянское, поэтому для полноты укажем здесь на относящиеся сюда примеры и в других славянских языках. Вот пример из польского юридического памятника XIV–XV вв.; § закона говорит о тех, которые не хотят подчиняться приговору судьи об отчуждении имущества: *dajocy sandzy* (*canzo* – движимое имущество) *albo gualtem odbirajacy, albo wypuszcz.*

Посмотрим теперь, как при том же порядке, какой замечен во всех приведенных примерах, будет передан на наш язык глаголом *даю*, *даяти*, соответствующий нашей большей степени длительности (второй). Вот пример из поучения Луки Жидяты к братии: «судите по правдѣ, мзды не имяйте, в лихж не дайте (давайте)»; «Жены своя любите, но не дайте имъ надъ собою власти».

Мы уже указывали на то характерное явление, что в отрицательных ответах употребляются следующие степени длительности за теми, которые стоят в положительном вопросе: *дал?* – *не давал*; *давал?* – *не даывал*. Этот порядок вещей очень древен, однако он следует за другим, при котором подобного различия не делалось: «что имъ посулишь, то дай, а болѣе не дай (не давай)». (Договор

1229 г.), «Олеѣ приходить къ родимичамъ и рече имь: «не дайте дани Казарамъ, но мнѣ дайте» (Лавр. лет.).

«Нестаток (эллипсисъ) есть слово (=рѣчь), иже не основнѣ избесѣдуется (= высказывается), подая же разумѣвати» (Изборникъ Святослава 1073).

Мы видим, что *дамь*, которое некогда было глаголом несовершенным, сам по себе без присоединения предлога в настоящее время превратился в глагол совершенный; в следующих примерах нам встретится другого рода явление, а именно то, что предлоги, которые в настоящее время сообщают этому глаголу значение совершенности, прежде не имели такого действия. Возьмем глагол *вѣмь* из того же разряда архаических глаголов. Неопределенное наклонение этого глагола по правилу должно быть *вѣсти*, но эта, встречающаяся, правда, в некоторых малороссийских говорах, в славянском и древнерусском языке вытеснена другою формою *вѣдѣти*, хотя между этою последнею и формами настоящего времени и нет обычного соответствия. Но как бы то ни было, а *вѣмь* — глагол несовершенный, а, следовательно и длительный, и от присоединения предлога должен был бы превратиться в совершенный, но это бывает не всегда. Так, в старинном переводе глаголов: «яко свѣсть господь путь праведныхъ» (знает). В переводе притч: «языкъ мудрыхъ добро свѣсть, уста же нечестивыхъ повѣдать зло». В Остромировом евангелии: «не свѣмь, что глаголети». Также и в русских памятниках. Так, в Лаврентиевской летописи говорится, что «когда господь был въ Ростовской землѣ, возста два волхва, глаголюща: «вѣсть ли кто обилие держить»; с той же летописи: «волхъ глаголаніе, яко проповѣде вѣста» = знает наперед; форма *вѣде* для 1-го и 3-го лица единственного числа аналогична с греческим *perfektum* и, несмотря на свою перфективность, так же, как и... имеет значение настоящего.

Переходим теперь к глаголам, где тема настоящего времени имеет корень *е*.

Возьмем, например, глагол *бѣдѣ*. Здесь встречаются примеры того же рода, как и при глаголе *дамь*, по отношению к совершенности и несовершенности *буду* распадается на три части: *буду* и

будь имеют значение совершенное, деепричастие *будучи* относится к настоящему времени, а причастие *будущий* к будущему времени; *быти, был, были* – суть по значению совершенные. С этой точки зрения этот глагол, уже не говоря о его разноспрягаемости (буде, бы), не представляет единства.

Относительно формы настоящего времени, имеющей значение будущего, можно заметить, что она разлагается на три части: б = д = г. Припомним, что характерное **на** имеет способность переходить внутрь корня и даже сокращаться в одно **н**; так, санскритское *cidnami* образует *cinadmi*, а в 1-м лице множественного числа *cindmas* (латинское *scindo*); литовское *pinku* соответствует русскому *никж* и т. д. Это **н** есть элемент этимологический и сообщает глаголу значение начинательности. Подобно *свѣтаю* – перехожу в состояние света (рассветаю) и *буду* значит ‘перехожу в состояние бытия, делаюсь’. Что же касается до **д** в *буду*, то это остаток самостоятельного корня, который является в санскритском *dla* и русском *дѣло*, и присутствие его в этом глаголе может быть объяснено аналогией с немецким *der flük milsku*. Вот пример из Иоанна Дамаскина в болгарском переводе Иоанна Экзарха, писателя X века: «Рѣка Океанъ, та пивну и сладку воду имуща, подаеть морей воду, яже в морѣхъ мутящи и стоящи непоступно, горька будетъ». То же имеет место и в причастии: «написашася сія книги повѣлѣніемъ Иоанна Экзарха, будуща тогда духовника» (пример оттуда же).

Идж. Здесь мы будем смотреть, сообщает ли этому глаголу присоединенный к нему предлог значение будущего. В Остромировом евангелии: «глаголѣ ему – иди и идет и другому – приди и приидет». У Иоанна Экзарха: «та же рѣка Океанъ в четыре рѣки разьидетъ». Отсюда понятно, что и причастие настоящего времени этого глагола может по присоединению предлога удерживать значение настоящего времени: «аще видѣшти челоуѣка діавола сътворшася и придѣшта къ тебѣ (*ogde accidentem*)». В нынешнем языке такая форма, как *приидуций*, совершенно невозможна, также как и деепричастие *идучи* в соединении с предлогом для нас немислимо; но если бы такая форма существовала, то мы бы поняли ее не иначе, как переход от настоящего времени к будущему.

Но у нас существует общее правило, по которому причастие от глаголов совершенных не образуется вовсе; прежде, однако, они были возможны. Так у Котишихина: «а пойдучи въ походы, царь дворъ свой приказываетъ».

Подобного рода архаизмы встречаются и в народных песнях:

Что никто по мостам не идет,
никто по мостам не перейдет,
Как Иван по мостам пройдет,
За собою он Анисью ведет
Николаевну переведет.

Падж. В настоящем времени глагол этот, как *дать* и *быть*, без присоединения предлога уже имеет значение глагола совершенного. Но вот пример, из которого видно, что *паду*, не скажем имело, а совмещало в себе значение нашего *падаю* и безразлично относилось к тому и другому значению: «того же лѣта (1572) добри пали лошади по дорогамъ и деревнямъ» (то есть был сильный падеж). Заслуживает внимание и то, что у писателей XVIII–XIX вв. иногда встречается *паду* вместо *падаю*.

И со скучной не всегда природы
падет на землю желтый лист
(Державин).

Поколенья восходят, зреют и *падут*
(Пушкин)

То же и в малороссийском языке: Пустиш до хати, коло нас дождік іде, то на нас сніжочек *паде*.

Теку. На первых страницах Несторовой летописи несколько раз встречается настоящее время этого глагола в соединении с предлогом, которое иначе нельзя перевести, как глаголом настоящего времени: «нарѣкошася полочане рѣчки ради, яже втечеть въ Двину»; «озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро Нево»; «Понтъ-море, въ него же втечеть Днѣстръ рѣка» и т. д. Таким образом этот и другие примеры говорят, что чем дальше в старину, тем чаще случается указывать на то, что настоящие категории степеней длительности, ныне строго различаемые, все более и более изглаживаются. В самом деле мы

в настоящее время видим, что свойственные нашему языку особенности не распространяются даже и на ближайшие языки (литовский – латышский), то есть основание предполагать, что было некогда время, когда в нашем языке этих особенностей вообще не было.

Относительно глаголов с характером **н** Миклошич говорит следующее: «первообразные темы на **ну** отличаются от тем на **в**, основывающихся на тех же корнях, перфективностью, то есть совершенностью». Мы не имеем основания думать, что в темах на **н** более первообразные глаголы суть однократные; напротив, ввиду того, что однократные глаголы не находят ничего себе соответствующего в литовском и латышском языках, между тем как глаголы начинательные с тем же характером находят полное соответствие, можно думать, что эти последние (...) суть более первообразные. А если это так, то ведь известно, что решительное большинство таких глаголов суть несовершенные. К этому следует прибавить, что и глаголы совершенные этого образца происходят от несовершенных, на что мы имеем достоверные указания. Так, глагол *стану*, *стати* не только сам по себе, но и в сложении с предлогом является в древней письменности не как глагол несовершенный. В Поучении Серапиона (XIII в.) по рукописи XIV в. читаем: «аще кто вась разбойникъ разбоя не *останеть* (=оставляет), татьбы не лишается; аще кто ненависть на друга, враждуя не *почивьет* (не перестает) враждовать...». В этом примере мы подряд встречаем одно и то же явление, многократно повторяющееся, из чего видно, что в XIII–XIV ст. оно было настолько обыденно и распространено, что его незачем искать, как редкость. Другой пример: «еда тяжкіе на ны не *престануть* глады» (там же). Таково же употребление причастий настоящего времени от того же глагола: «но мы одинаково пребываемъ, не *остануцесея* грѣхъ своихъ» (там же). Наконец, вот случай, в котором особенно ясно выступает эта особенность, потому что рядом с славянским переводом мы имеем в греческом тексте настоящее время, что нельзя объяснить простою случайностью: «сѣется плоть дебела и сѣмрътна, встанет дѣло духовное (=ἐγίρεται)».

Глаголы с характером и – ѣ. Но в примере, взятом из проповеди Серапиона, мы выделили форму *обидѣть* в значении настоящего времени. Другие примеры того же рода: «друзе, не обиждѣ тебѣ» (в греческом ἀδικῶ).

«Не ревнуй лукавнующимъ, не завидь творящимъ беззаконіе» (Лавр. лет.). То же встречается и у писателей XVIII и XIX ст.:

Едѣна ты лишь не обидишь
Не оскорбляешь никого.

«Бог видит, кто кого обидит» – пословица. Примером того, что присоединение предлога не в виде исключения, а вообще и в наше время не сообщает глаголу 1-ой степени значения совершенности, может служить глагол *пошлю* (...); но уже тот же глагол...*

ПРИМІТКИ

До стор. 185. Рукопис «Лекцій», які читав О.О. Потебня у Харківському університеті в 1879-1880 навчальних роках, зберігається в Санкт-Петербурзькому філіалі Архіву Російської Академії наук серед паперів Д.І. Овсянко-Куликовського (1921 № 548. – III 418 нова. – Разряд IV. – Опись 1. – № 830. – Лл. 1-77 об.). Після появи у 1873-1874 рр. першого і другого томів праці «Из записок по русской грамматике» учений на численні прохання читачів почав готувати її друге видання. Воно побачило світ у 1888 р. (на обкладинці – 1889). Підготовлені до друку «Лекції» цікаві тим, що в них відбито процес роботи автора над цим виданням. Розраховані на сприйняття добре підготовленими студентами, «Лекції» тим не менше у запису одного з них містять чимало помилок, особливо в написанні іншомовних слів. Проте і в такому вигляді вони важливі як свідчення невтомної роботи О.О. Потебні над текстами своїх праць.

При підготовці рукопису до друку скорочені слова подано повністю. Пропущенні слова відновлено і подано в квадратних дужках. Помилкові написання по можливості виправлено. На місці нерозбірливо написаних слів поставлено крапки (...).

До стор. 218. У рукопису, ймовірно, помилково *конспект* замість *контекст*.

До стор. 242. У тексті рукопису, ймовірно, помилка. Слов'янське дієслово *никну* має значення 'зникати, пропадати'. Воно відповідає литовському дієслову *nykti*, перша особа якого за сучасною орфографією: *nykstu*.

До стор. 277. На цьому рукопис «Лекцій» обривається.

ЗМІСТ

Півторак Г.П.

Проблеми перекладу праць О.О. Потебні українською мовою
(на матеріалі «Из лекций по теории словесности») 4

Зарубенко Т.В.

Українська мова О.О. Потебні в перекладі «Одіссеї»15

Поспишил Иво.

Возвращение к истокам (Размышления о некоторых положениях
А.А. Потебни в черновых заметках о Л.Н. Толстом
и Ф.М. Достоевском)29

Сухих С.И.

Столетие непонимания: манифест формальной школы и теория
образности А.А. Потебни.....50

Кураш С.Б.

А.А. Патабня і некторья проблемы лінгваметаралогії:
погляд з сучаснасці66

Іваненко О.В.

Слов'янська міфологія у творчості О.О. Потебні75

Радзієвська Т.В.

Науковий діалог двох учених: О.О. Потебня і П.Г. Житецький88

Глущенко В.А.

Системні властивості мови в історико-фонетичних студіях
учених харківської лінгвістичної школи. 107

Дегтярев В.И.

Грамматика слова и предложения в синтаксическом учении
А.А. Потебни..... 120

Рылов С.А.

Синхронно-диахронный подход А.А. Потебни к синтаксису
и синкретизм древнерусского предложения-высказывания..... 136

Канюшкевич М.І.

А.А. Патабня і Я.Ф. Карські аб адным значэнні творнага склону 147

Гальчук І.Ю.

Акцентологічна спадщина О.О. Потебні та ті становлення
української акцентної системи 165

Бацевич Ф.С.

Лінгвістична концепція О.О. Потебні в навчальному курсі
«Теорія мовознавства» 180

РУССКАЯ ГРАММАТИКА.

Лекции, читанные в Харьковском университете ординарным
профессором Потебнею. 1879-1880. Собственность
Л. Карташева. *Підготовка тексту і примітки В.Ю. Франчук* 185

Наукове видання

НАУКОВА СПАДЩИНА О.О. ПОТЕБНІ

У СЛОВ'ЯНСЬКОМУ КУЛЬТУРНОМУ ПРОСТОРІ

Збірник наукових праць

Відповідальний редактор: *В.Ю. Франчук*
Художня обкладинка: *Є.М. Нестеренко*
Макет і комп'ютерне верстування: *Є.М. Нестеренко*

Підписано до друку 16.07.2013 р.
Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Папір офсетний. Гарнітура «Тип Таймс».
Обл.-вид. арк. 13,03. Ум.-друк. арк. 16,28.
Наклад 300 прим. Зам. № 1272..

Видавничий дім Дмитра Бураго
Свідоцтво про внесення
до Державного реєстру ДК № 2212 від 13.06.2005 р.
Тел./факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;
e-mail: conf@graffiti.kiev.ua
www.burago.com.ua
Адреса для листування: 04080, м. Київ-80, а/с 41